

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**АВГУСТ
2001**

**АВ
5761**

№ 8 (112)

ГОРЕЧЬ И ОПТИМИЗМ

Началась эта история 3300 лет назад, в тот вечер 9 Ава, когда разведчики вернулись из Земли Обетованной и стали плохо о ней отзываться. В десятый раз уже сыны Израилевы испытывали Б-га, и Он тогда сказал: «Сегодня плачете без причины, но впредь будет у вас повод плакать в этот день». С той поры в день 9 Ава много несчастий постигло евреев, а главное, были разрушены святыни нашего народа – оба Храма. Народ оказался в изгнании.

Конечно, причиной утраты Храмов были не те слезы евреев, а накопившиеся грехи. И все же не случайно эти несчастья произошли в один и тот же день, который символически связан со всеми печальными событиями еврейского народа.

Со времени разрушения второго Храма прошло уже более двух тысяч лет, а первого – более двух с половиной тысячелетий. Трудно найти другой народ, который бы переживал траур такое долгое время. Евреи глубоко осознают свою беду и очень близко принимают к сердцу случившееся.

Из года в год за три недели до 9 Ава, сразу после поста 17 Тамуза, начинается подготовка к трауру этого дня. Это очень сильно влияет на жизнь каждого еврея. В течение трех недель, которые в нашей традиции называются «Меж теснин», необходимо придерживаться многих ограничений, осознавая, с чем они связаны. И вот такая особенность: с каждым годом чувство траура не только не ослабевает, а становится еще сильнее. Это происходит по двум причинам. Мы знаем, что Храм был разрушен за наши грехи, и мы знаем, что из-за них он до сих пор не отстроен. Талмуд говорит: если при жизни человека Храм не построен, значит, он жил во времена разрушения Храма. Мы устали жить в изгнании, устали от той разобщенности, которая преследует нас все эти времена, и с сильным чувством ожидаем тот день, когда, наконец, сможем собраться все вместе, чтобы возвести Храм, который уже никто никогда не разрушит.

Что нужно сделать, чтобы приблизить это время? Мы должны умножать наши добрые дела. В Пиркей Овойс сказано: «Раскаяние и добрые дела, словно щит, оберегают от бедствий». Последний Любавичский Ребе так комментирует эти слова: хотя само раскаяние – тоже доброе дело, о нем упоминается отдельно. Ибо дела грешника становятся поистине добрыми только благодаря раскаянию. Поэтому сказано «добрые дела», а не заповеди. Ведь добро – синоним света, как написано в Торе: «И увидел Всесильный свет, что он хорош (благо)». Бывает, и грешник исполняет заповеди, но от них не исходит свет добра. Чтобы это произошло, он должен раскаяться. Само исполнение им заповеди не теряет своей ценности и до раскаяния, но оно не прибавляет света в этом мире.

Из Тосфот Йом-Тов мы учим: отвращает беду не одна исполненная заповедь, – этого, к примеру, недостаточно, для предотвращения, стихийного бедствия, – а раскаяние и добрые дела. Даже когда беда уже произошла, они, как щит, оберегают от гибели.

Мы знаем, что первый Храм был разрушен из-за того, что люди забыли: Тора – от Б-га. Второй Храм был разрушен из-за неуважения и нелюбви, которые были в то время между евреями. Все эти грехи в сущности одно – люди забыли Б-га, перестали понимать его место и роль в своей жизни. Столько веков вспоминая причины, которые

привели нас к утрате Храмов, к изгнанию, мы раскаиваемся и стараемся делать добро. Однако, к сожалению, мы не застрахованы и от дурного. Но дай Б-г, чтобы как когда-то накапливались грехи и потом обрушивались на нас несчастьем, теперь накапливались наши заслуги, и нам, детям или хотя бы внукам довелось жить не во времена разрушения, а в период восстановления Храма.

Еще один важный момент: с каждым годом, по мере того, как мы приближаемся к эре Мошиаха, траур для нас усиливается. Хотя период разрушения Храмов по времени все дальше, каждый из нас все сильнее чувствует: надо что-то делать, чтобы Храм был построен как можно быстрее, наша нынешняя жизнь не соответствует той, какой она должна быть. Мы смотрим в будущее с оптимизмом и верим, что уже совсем скоро осуществится пророчество, и день тяжелейшего траура станет днем величайшей радости.

Б-г никогда не наказывает только ради того, чтобы наказать. Он любит своих детей и всегда заботится об их благе. Готовя наказание, Он в тот же момент создает и благо, которое подарит нам, когда мы искупим свою вину.

Есть такой анекдот. Дедушка наказал внука, и тот плачет. Мама спрашивает мальчика: «Тебе больно?» – «Нет», – отвечает малыш. – «Почему же ты плачешь?» – «Чтобы дедушке было приятно!»

Мы столько веков оплакиваем наши Храмы, потому что глубоко осознаем свою вину. А тот, кто любит, наказывая, страдает вместе с наказанным. Они как одно целое, и боль всегда на двоих.

Начиная с праздника Пейсах и затем все летние месяцы принято читать Пиркей Овойс. В период «Меж теснин» это имеет особое значение. Считается, евреи в это время более всего уязвимы, а причина уязвимости – в грехах. И читая наставления наших мудрецов, мы должны многое понять, переоценить, еще раз осознать, что приносит в нашу жизнь радость, а что притягивает несчастья.

Сказано: «Бедствия семи видов постигают мир за семь различных проступков». Среди этих семи проступков упоминаются и такие: «Нашествие хищных зверей происходит из-за напрасно произнесенных клятв и осквернения имени Всевышнего; люди становятся изгнанниками из-за идолопоклонства и кровосмешения, и кровопролития, и нарушения законов о шмите (закон, предписывающий каждый седьмой, так называемый субботний, год не обрабатывать землю Израиля и не собирать с нее урожай, помня, что всё – владения Всевышнего)».

Один из грехов, который наказывается изгнанием, – идолопоклонство. Сегодня уже почти никто не думает, что идолы на что-либо способны, и в основном люди верят в Б-га, во всяком случае понимают, что есть сверхсила, и это не идолы и не камни. Лучше всего человек осознает это, когда ему очень тяжело, например, он лежит перед операцией (а после операции иногда забывает о Б-ге). И не случайно люди произносят: «Слава Б-гу!», «С Б-жьей помощью» – в глубине души у них есть религиозное чувство.

Но все же остались еще некоторые виды идолопоклонства. Когда кто-то, получая большие деньги, думает: «Это я сумел заработать», – забывая о воле Б-га, – это идолопоклонство. В Талмуде написано: гневающийся как идолопоклонник. Наши мудрецы это объясняют так: человек должен понимать и всегда помнить, что есть Б-г,

который направляет его в жизни. Например, часто, потеряв дорогу, люди начинают нервничать, злиться. Но все происходит не случайно: значит, Б-г хотел, чтобы в это время ты был именно в этом месте. Всё происходящее по воле

Б-га – всё для нашего блага, чтобы мы усвоили какой-то жизненный урок. Конечно, оказавшись в неприятной ситуации, человек не должен оставаться бездеятельным. Надо стараться как следует решать все вопросы, сохраняя оптимизм, находить выход из любых ситуаций, и безусловное преимущество верующего человека в том, что у него всегда есть запас оптимизма.

Причины изгнания, перечисленные нашими мудрецами в Пиркей Овойс, заставляют глубоко задуматься. Наказывая нас, Б-г дает знак, что мы пошли не туда. Так любящий родитель наказывает расшалившегося ребенка, чтобы он впоследствии не страдал еще больше. Если ребенка все время баловать, он вырастет неспособным преодолевать трудности. Наказание необходимо. Цель его в том, чтобы вырос самый хороший человек, который будет знать, что можно, а что нельзя, и выберет правильный путь в жизни. Так же и еврейский народ – он наказан 9 Ава, чтобы как следует выучил свой урок и запомнил дорогу. Пережив страдания, человек приобретает силу.

Сразу после разрушения Храма 9 Ава был рожден Мошиах, который придет спасти мир. Это – разрушение старого ради созидания нового. Иногда человеку приходится разрушать свой дом, чтобы на его месте построить дворец. То же произошло и с еврейским народом. Нам нужно учитывать ошибки, свои и предков, и понимать: конечная цель 9 Ава – строительство большого и сильного дома во время прихода Мошиаха.

Áëááí úé dáááéí Dîmëé Áádë Éáçáð

БЫЛ ЛИ МОИСЕЙ ОРТОДОКСОМ?

Nei it Be'aiti

Был ли Моисей ортодоксом? Или консерватором? Или реформистом? Да коли на то пошло, сам Б-г – кто Он, консерватор? Ортодокс? Или реформист? Б-г еврей или не еврей? Чернокожий или белый? Мужчина или женщина? Совершенно очевидно, что все эти различия, свойственные людям, абсолютно неприменимы, когда мы пытаемся определить Неземное и Б-жественное. К Духу не применимы количественные, материальные характеристики.

Вот почему я не признаю законности реформистского иудаизма. И не признаю я законности ни ортодоксального иудаизма, ни консервативного, ни ультра-ортодоксального, ни реконструкционистского, ни хасидского, ни консервоортодоксального, ни реформоортодоксального – не пропустил ли я чего?

Все эти придуманные характеристики – результат того, что у людей появилась ментальность членов «деревенского клуба». То, что мы хотим принадлежать к той или иной группе, вполне естественно! Но подобной ментальности органически присуще стремление приклеивать ярлык всякому, кто не «принадлежит» к вашей, отличной от других, группе. Вспомните, скольким из нас было не по себе – или нам внушали такое чувство в некоторых «синагогах», потому что мы-де «не подходим», «не вписываемся», не так одеваемся, не принадлежим к определенному обществу, не укладываемся в принятые мерки, не умеем бегло читать книг, написанных на иврите...

Подлинное единство, подлинное еврейское единство станет возможно лишь в том случае, если все мы поднимемся над ментальностью «деревенского клуба», если мы обнимем друг друга, не считаясь с образовательным уровнем или социальным происхождением, так, как обняли бы брата или сестру, признавая, что все мы – дети одного Б-га, и у каждого из нас есть душа и своя особенная духовная жизнь.

Соблюдение Торы и заповедей не создает, не устраняет и не меняет органически присущей человеку души. Оно лишь разжигает пламя вашей души, проникает в ваше существо, активизирует внутренние ресурсы и способствует их выявлению. Это похоже на потенциальный талант, обладателю которого еще предстоит его реализовать.

Цель существования – дать возможность душе выявить себя на уровне сознания, распространиться по всему человеческому существу, наполнить его личность, после чего вся деятельность его станет более осмысленной, сознательной и возвышенной.

Если вы позволите этому произойти, то никогда больше не захотите стать «религиозным». А захотите быть просто евреем, как Моисей.

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ТАКИЕ НАШИ БУДНИ

На смену праздникам всегда приходят будни. За Швуэсом последовали посты – 17 Тамуза и один из двух самых строгих – 9 Ава. Лето в разгаре, впереди еще весь Ав и весь Элул. Далеко до праздничного Тишрея, в котором и Рош а-Шона, и Суккос, и Симхас Тойра... Наш рассказ о повседневной, будничной жизни еврейских общин.

ВПЕРВЫЕ ЗА 60 ЛЕТ

13 Тамуза 5761 года (4 июля 2001 года) в столице Литовской республики Вильнюсе состоялся торжественный вечер, посвященный первому выпуску еврейской школы «Бейс Менахем». С 1941 года, фактически с начала Великой Отечественной войны, у евреев Литвы не было такой возможности – получить среднее образование в собственной, еврейской школе. Благодаря раввину Ш.-Б. Кринскому и его супруге Дине в 1996 году в Вильнюсе такая школа открылась. Наряду с общеобразовательными дисциплинами в «Бейс Менахем» изучают еврейские традиции.

Праздничный вечер состоялся в зале национальной филармонии. Более 700 человек пришли поздравить выпускников с получением аттестатов зрелости, и среди них советник президента Литвы, зачитавший поздравительную правительственную телеграмму от президента В. Адамкуса. Торжественный вечер открыл раввин Кринский, он подчеркнул историческую значимость этого события, поздравил выпускников и их родителей. Школьников поздравили и представитель министерства просвещения Литвы, и консул Израиля. Прозвучало много приветственных речей, добрых напутственных слов школе и ее ученикам.

Директор школы Ирина Ясович с волнением пригласила на сцену девятерых выпускников: братьев Игоря и Романа Германов, Леонида Гобермана, Антанаса Казлаускаса, Дмитрия Попова, Эдуарда Сосновского, Эдуардаса Гольдинштейна, Вениамина Гольдина и Лину Вайшнорайте, чтобы вручить им аттестаты. Ребята поднимались на сцену под бурные аплодисменты. На память о школе им подарили Танах и меноры.

От имени родителей выступил отец братьев-выпускников Феликс Герман. Он отметил колоссальный труд раввина Ш.-Б. Кринского и ребецн Дины, директора школы

Ирины Ясович, классного руководителя Татьяны Левиной и всего педагогического коллектива школы. И теперь родители преподнесли «Бейс Менахем» подарок – настенные часы с изображением Иерусалимской стены и благословениями.

Поздравить своих старших товарищей, нынешних выпускников, пришли ученики первых классов. Лаконично и ярко они рассказали гостям о школе, исполнили шуточные песни, а на прощание прозвучали такие слова: «С Торой по жизни должны вы идти» – устами детей глаголила истина.

Второй частью торжественного вечера был грандиозный концерт, его открыл Ефим Шифрин. Бурными и продолжительными аплодисментами, взрывами смеха сопровождалась программа любимого артиста. Торжественное мероприятие закончилось кошерным банкетом.

Впереди у ребят долгий и не всегда легкий жизненный путь. Многие из них пойдут учиться в институты, университеты, Лина Вайшнорайте продолжит свое еврейское образование в Великобритании. Но как бы ни сложилась дальнейшая судьба ребят, можно сказать уверенно: знания еврейских традиций, полученные в школе, не забудутся.

Аדם אדם אדם אדם אדם

«НАЙДИ СВОЙ ЦВЕТ В РАДУГЕ ЖИЗНИ»

Какой он, мир еврейской девушки?

Поискать ответ на этот непростой вопрос рискнули девушки из разных городов Украины, приехавшие в Житомир, чтобы принять участие в семинаре, устроенном Федерацией иудейских религиозных общин и организаций Житомирского региона.

Ребецн Эстер Вильгельм провела с участницами семинара игру под названием: «Найди свой цвет в радуге жизни». С помощью фломастеров девушки создали интересный коллективный рисунок, в который каждая внесла свой цвет, свою линию. Игра глубоко символична: ведь каждый вносит что-то новое в многоцветие жизни, каждый несет в себе неповторимую индивидуальность, талант.

Много животрепещущих проблем было затронуто на этой встрече. Девушки поднимали наиболее болезненные вопросы: каков смысл жизни, может ли еврейка построить настоящую счастливую семью с неевреем, как иудаизм относится к другим религиям и многое другое.

Узнали участницы семинара и о новых перспективах получения образования: в Житомире открывается колледж для еврейских девушек – махон «Хая-Мушка». Они будут изучать иврит, историю и философию еврейского народа, смогут овладеть английским языком и компьютером. Специальности, которые получают выпускницы махона, привлекательны для многих современных деловых девушек – бухгалтерский учет, банковское дело, юриспруденция и другие, нужные не только на Украине, но и за рубежом. У студенток будет уютное общежитие санаторного типа, причем питание, обучение и проживание – бесплатные.

Àÿ: àñää Øí àéää

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «БЭТ ХАНЫ»

Женское педагогическое училище «Бэт Хана», созданное усилиями благотворительного фонда «Ор Авнер – Хабад-Любавич» во главе с президентом Леви Леваевым, 17 июня праздновало свой пятый выпуск, в честь которого по традиции был дан бал. 25 прекрасных девушек в нарядных бальных платьях получили долгожданные дипломы. Закончена очередная глава энциклопедии «Бэт Ханы» – открыта новая страница жизни.

Øíò, èòí ó:èò ääò äé,

áóääò ñò ÿòü äí äðääè,

éíää à ðéääò Ì íøèää

Ðääá Ì äí äðääí -Ì äí äé Øí ääðñí

Конечно, в такой день прозвучало много теплых слов и мудрых напутствий многочисленных гостей праздничного вечера. Раввин Днепропетровской области Шмуэль Каминецкий, заместитель мэра Днепропетровска Павел Куделя, атташе посольства Израиля на Украине, директор Израильского культурного центра Ш. Кацев высоко оценили успехи училища. А директор еврейской днепропетровской школы № 144, вдохновленный успехами коллег, написал о «Бэт Хане» песню, которую сам и исполнил. Надо сказать, едва ли не все, кто пришел поздравить выпускников, не просто гости – это давние друзья и преданные единомышленники «Бэт Ханы».

Достижения училища, его заботы – это многочисленные главы энциклопедии «Бэт Ханы», которую на сцене представили студентки и преподаватели. Итог труда, вложенного в создание и успешную работу этого учебного заведения, завидный: за пять лет подготовлено 150 квалифицированных педагогов и воспитателей детских садов, первый выпуск музыкальных руководителей – немало, не правда ли? Впечатляющие успехи на олимпиадах и международных конкурсах, уникальные учебные проекты студенток и преподавателей вызвали восхищение представителя Еврейского агентства г-на Мерона Лахата, и он выразил надежду, что со временем «Бэт Хана» станет университетом. Углубленное знание традиций и языка своего народа, умение работать с детьми-инвалидами, освоение компьютерных технологий, – все это делает выпускниц достойными звания современного еврейского учителя.

Конечно же, на праздничном вечере звучали слова благодарности президенту училища раввину Меиру Стамблеру, директору Тамаре Ольшаницкой, заместителю директора Валентине Семенюк, преподавателям и воспитателям. Ну а самый волнующий момент – вручение дипломов и прощальная песня в исполнении студенток «Бэт Хана» – заставил многих прослезиться, вызвал шквал аплодисментов.

У девушек-выпускниц (все они не старше двадцати) с устройством на работу проблем не будет: еврейские школы и детские сады по всему СНГ уже ждут молодых учителей. А связь с училищем не прервется, об этом позаботится и методический центр «Бэт Ханы».

Аע"י א אע"י א"י

А"י א"י א"י א"י א"י

«ПОПУТНОГО ВАМ ВЕТРА»

Для еврейской школы Днепропетровска «Ор Авнер – Хабад-Любавич» 24 июня 2001 года – день особенный и знаменательный, ведь впервые во взрослую жизнь здесь выходят дети, получившие полное еврейское образование. 10 лет назад и была создана в Днепропетровске школа, в которой каждый еврейский ребенок мог получить образование высокого уровня, мог приобщиться к традициям своего народа, к миру идишкэйт. Тогда мало кто мог себе представить, что через несколько лет в независимой Украине, в Днепропетровске будет самая большая в СНГ еврейская школа. И, конечно же, выпускной бал-2001 школы «Ор Авнер» стал великим событием для всей общины города.

Глядя на взволнованные лица выпускников, было несложно догадаться, о чем они думают, вспоминают... О заслуженной первой пятерке и нечаянной двойке... О том, как впервые зажигали субботние свечи... О дрожащих коленках на первом экзамене... О том, как на первом звонке десять лет назад они представляли себя выпускниками... И вот – выпускной бал...

У родителей тоже задумчивые, взволнованные лица. О чем думают они? О том, что выпускной бал – выход во взрослую самостоятельную жизнь, где их дети – маленькие кораблики, и это их первое далекое плавание... На их пути встретятся преграды, штормы, девятые валы. Но они должны уметь твердо двигаться к своей цели...

«Попутного ветра!» – желают все в этот вечер выпускникам.

Как не хочется прощаться!.. Вот учителя, с которыми вместе прокладывали этот десятилетний путь – Игорь Шулимович и Фаина Яковлевна, Гисиана Ароновна и Любовь Ароновна, Елена Анатольевна, неутомимые Семен Исаакович и Мария Годеевна, которые воплотили в действительность мечты, сотворили большой, теплый, уютный дом. А это – директор школы Георгий Исаакович Скороход. Его стараниями авторитет еврейской школы возрастает в городе с каждым днем...

На сцену поднялась ребецц Хана, от себя и главного раввина Днепропетровска Шмуэля Каминецкого поздравила выпускников, пожелала им всего наилучшего, доброго, светлого, исполнения заветных желаний. И, конечно, прозвучало много приветствий, теплых, нежных слов учителей и многочисленных гостей, пап и мам.

И вот уже самый торжественный момент – вручение аттестатов. Каждый выпускник с аттестатом государственного образца получил на память специальный выпуск школьной еженедельной газеты «Бейт Хаейну», посвященный Выпуску-2001. Среди нынешних выпускников четыре золотых медалиста – Лисовская Ксения, Роговой Дмитрий, Державец Юлия и Шабаш Владислава, десять выпускников ешивы и две выпускницы махона.

Глядя на светлые и одухотворенные лица ребят, каждый присутствующий на этом замечательном празднике с радостью в сердце чувствовал: сегодняшние выпускники – дети своего народа, а значит, будущее нашей еврейской общины, нашей родной Украины, святого Израиля окажется в добрых, надежных руках!

Аעאָאָדעיאַ עײַןאָיַעײַ

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ ЮРИЯ ПЛИНЕРА

Он прошел в КАЗАНИ с 13 по 17 мая 2001 года. Юрий Евсеевич Плинер, чье имя присвоено фестивалю, был председателем попечительского совета Казанского еврейского общинного центра. Он оставил по себе добрую память, и казанские евреи не забывают, чтут его имя.

Программа фестиваля состояла из двух основных частей: профессиональной неконкурсной и непрофессиональной конкурсной. Впервые общинные самодеятельные коллективы получили возможность встретиться, обменяться опытом и творческими планами, пройти профессиональное обучение в мастер-классах. Участники конкурсной программы прибыли из 20 городов России: Челябинска, Тюмени, Нижнего Новгорода, Костромы, Тулы, Энгельса, Самары, Саратова, Смоленска, Ярославля, Омска, Екатеринбурга, Ижевска, Оренбурга, Воронежа, Брянска, Балаково, Петрозаводска и Оренбурга.

А какое авторитетное было жюри! Художественные руководители клезмерского ансамбля «Симха», заслуженный артист Республики Татарстан Леонид

Сонц (председатель общины и жюри), и сатирического театра «Микро», действительный член Академии российского искусства, народный артист России Лев Горелик (Саратов), главный кантор Большой хоральной синагоги Петербурга Борух Финкельштейн и директор Московского еврейского центра искусств Владимир Плисс, а также ведущая казанского телеканала «Эфир», артистка ансамбля «Симха» Алина Ивах.

Первую премию завоевали: вокал – казанская певица Елена Фиргер, инструментальная музыка – клезмерский ансамбль «Зайт Гезунд» из Брянска, танец – танцевальный ансамбль «Израэль» под управлением Евы Осовской (Казань). Вторая премия присуждена самарскому вокальному ансамблю «Шомрон», танцевальному ансамблю «Менора» из Екатеринбурга, а также «человеку-оркестру» Геннадию Цыпину из города Балаково. Третью премию получили клезмерский ансамбль «Эрев тов» из Нижнего Новгорода, Анна Симоновская из Тулы и Мария Баянкина из Ижевска.

Интернетсайт «7.40» присудил собственные призы Инге Тетруашвили, саратовскому трио Гонтаренко, челябинскому певцу Саше Белову, певице из Казани Ольге Горник и ижевской исполнительнице Ольге Костенковой.

Четыре коллектива получили специальные призы жюри: молодой казанский ансамбль «Яхад Ницад», костромской вокальный ансамбль «Гораль Эхад», танцевальные ансамбли «Фрейлехс» из Казани и «Авив» из Петрозаводска.

В организации фестиваля приняли участие Федерация еврейских общин России, Американский распределительный комитет «Джойнт», Российский еврейский конгресс и Еврейское агентство в России.

В программе выступили любимые в Казани творческие коллективы: клезмерский ансамбль «Симха» и вокальный квартет «Лехаим». Выступили и гости, хорошо известные в России артисты, и среди них лауреат международного конкурса им. Соломона Михоэлса трио «Мазл тов» из Екатеринбурга, тульский ансамбль клезмерской музыки «Алэвай», ансамбль «Атиква» из Воронежа, лауреат международного конкурса, клезмерский ансамбль «Алия» из Самары. Почетными гостями фестиваля были Борух Финкельштейн и заслуженный артист России Иосиф Штиллер из Нижнего Новгорода. Зрители увидели спектакль костромского Камерного драматического театра «Шалом, солдат». Выступили приехавшие на фестиваль популярный писатель и телеведущий Виктор Шендерович, народный артист России Лев Горелик и давно всем любимившийся дуэт Аллы Иошпе и Стахана Рахимова.

Фестиваль такого масштаба прошел здесь впервые, но организаторы уверены, что у него большое будущее, и ровно через год Казань снова станет центром всероссийского еврейского творчества.

Аעאעמי אד עעאצי אד

ДЕНЬ РЕБЕ В СИНАГОГЕ

После окончания Субботы перед вечерней молитвой Донецкая еврейская община отметила День Ребе. Были зажжены горящие целые сутки пять «Свечей души». После молитвы начался маамар (беседа на темы Торы). Эта беседа была написана Любавичским Ребе. На торжественном фарбрэнгене (хасидской встрече вокруг стола), собравшем членов еврейской общины и учеников ешивы, были люди, лично знавшие и видевшие Ребе. Главный раввин Донбасса Пинхас

Вышецкий, например, рассказал о жизни Ребе, как он помогал десяткам тысяч людей во всем мире. Ребе творил чудеса, а главным условием этих чудес было соблюдение евреями заповедей Б-га.

Такой же фарбренген состоялся и в воскресенье утром. На него собрались члены миньяна синагоги. В этот же день Гимел Тамуз отметили в женском клубе «Рош Ходеш». Выступавшие говорили: Ребе продолжает помогать евреям и сейчас, ведь связь Главы поколения с еврейским народом никогда не прерывается.

Ėāī ēā Bēī āāā

В ДОНЕЦКЕ: ГОД ЕШИВЕ «КТАНА»

24 июня 2001 года в актовом зале общеобразовательной еврейской школы № 99 «Ор-Менахем» Донецка состоялся праздник, посвященный окончанию первого учебного года у мальчиков, участвующих в программе «Теплый дом для школьника» – учеников ешивы «Ктана». Здесь собрались представители еврейской общины, преподаватели, воспитатели – все, кто принимал участие в организации и работе ешивы и, конечно, родители учеников.

Праздник начался песней «Наш Ребе», ведь 24 июня – его день, на его мудрости основывается деятельность ешивы. Шестеро выпускников девятого класса получили из рук директора школы Е.М. Вяткиной свой первый документ об образовании – свидетельство об окончании школы второй ступени. Остальные ученики получили табели с отметками и записью о переводе в следующий класс.

После торжественной части звучали песни и стихи, слова благодарности раввину Пинхасу Вышецкому и ребецн Дине, преподавателям и учителям, воспитателям и родителям. Родители говорили об огромной работе учителей, о воспитании национального самосознания, изучении традиций и культуры еврейского народа. Они отмечали постоянную заботу руководителей еврейской общины и ешивы о духовном и

физическом здоровье ребят. Ребецн Дина Вышецкая рассказала о перспективах ешивы, о предстоящем переезде в новое здание, где будет собственный компьютерный класс, комнаты отдыха и другие специально оборудованные помещения, а в заключение в честь окончания учебного года вручила учащимся подарки. Снова зазвучали песни – любимые, еврейские, ребятам дружно подпевал весь зал.

Праздник продолжился в столовой школы, которую работники кухни превратили в настоящий банкетный зал. Здесь звучали шутки, смех, слова благодарности, добрые пожелания, в том числе хорошего летнего отдыха.

Ребята разъехались на каникулы. Ешива с нетерпением ждет своих старых и новых учеников в новом учебном году.

Аііà Ёуо

РОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

В еврейской общине Днепропетровска состоялась первая пасхальная лотерея, организованная по инициативе Федерации еврейских общин Украины. Каждый, кто приобрел к празднику Пейсах мацу, а таких на Украине оказалось свыше 30 тысяч человек, смог принять участие в розыгрыше призов. Заветный купон с номером получил каждый, в каком бы городе Украины, большом или маленьком, он ни жил.

Тираж лотереи был проведен в Хоральной синагоге Днепропетровска сразу после праздника Швуэс. Членами тиражной комиссии стали региональные директора

Федерации, а председателем был избран управляющий делами еврейской общины Днепропетровска А.А. Фридкис. Призы разыгрывались такие: книги по еврейским традициям, аудиокассеты с записью самого известного еврейского творческого коллектива Украины – хора мальчиков «Перхей Украина», праздничные наборы. Самым оригинальным призом были карманные часы с еврейской символикой: на передней и задней крышках инкрустированные изображения могоен-довиды и меноры, на циферблате вместо привычных цифр – буквы еврейского алфавита, каждой из которых, согласно традиции, соответствует определенное число, мало того, стрелки часов идут в обратную сторону – словом, настоящие еврейские часы. Был и суперприз – поездка в Израиль. Можно представить, какой ажиотаж был в день тиража!

С нетерпением ждали собравшиеся в синагоге, на кого укажет счастливый жребий. Из барабана один за другим извлекались номера, звучали названия городов, в которые отправятся призы: Донецк, Харьков, Николаев, Константиновка, Кривой Рог... Главный приз достался жительнице небольшого городка Смелы Черкасской области.

Хочется надеяться, такие лотереи станут доброй традицией. Так это уже и происходит. Например, недавно смогли совершить познавательную экскурсию в Эрец Исраэль победители лотереи по итогам летних лагерей 2000 года. Руководство Федерации еврейских общин Украины и ее президент раввин Меир Стамблер уверены, что подобные мероприятия не только пробуждают в людях интерес к еврейским праздникам и традициям, но и способствуют пониманию простого факта: выполнение заповедей (мицвойс) полезно не только с духовной, метафизической стороны, но и с самой что ни на есть материальной, житейской.

Аידען אידאען

ПОМИНАЛЬНАЯ МОЛИТВА ПО ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА

В Донецке в 60-ю годовщину нападения фашистской Германии на Советский Союз состоялись траурные церемонии у памятников жертвам фашизма и воинам, погибшим в годы той страшной войны. Члены общества «Украина-Израиль», представители еврейской общины города приняли участие в митинге на мемориальном комплексе шахты 4-4 бис. Стволы этой шахты фашисты превратили в огромную братскую могилу, где покоятся около 75 тысяч безвинных жертв, в том числе 20 тысяч евреев.

Открывая митинг, народный депутат Украины, городской голова Донецка Владимир Рыбак сказал, что 22 июня навсегда останется в памяти народа как день скорби. Память погибших почтили минутой молчания. О героическом подвиге советского народа на фронте и в тылу, о зверствах фашистов на оккупированной территории говорил первый заместитель председателя облгосадминистрации Анатолий Близнюк. Ветеран войны Олимпий Файнвейц рассказал о воинах-освободителях г. Моспино, оказывается, их память увековечена в музее школы № 151. Девятиклассница Инна Шредер поведала о поисковой работе, которую ведет «Вахта памяти», созданная в школе № 8. Староста миньяна синагоги Илья Цыбульник прочитал свои стихи о нашей обязанности хранить память о десятках тысяч невинных людей, убитых на этом месте. Взволнованным было выступление ученицы десятого класса общеобразовательной еврейской школы Юлии Чистяковой. Она говорила, что люди должны знать и помнить о войне прежде всего для того, чтобы война больше никогда не повторилась.

Родственники погибших, члены еврейской общины, учащиеся еврейской школы, студентки женского еврейского учебного заведения – махона приняли участие в поминальной молитве, которую прочитал заместитель председателя еврейской общины Менахем-Мендл Соловьев. У многих на глазах были слезы. Хотя целых 60 лет отделяют нас от начала самой страшной войны прошлого века, годы не могут заглушить боль утрат.

Аאעאן םעיא אאאןפיעיא

ЗА УЧАСТИЕМ ПРИХОДИТ ПОБЕДА!

Удача улыбается только тем, кто действительно верит.

И совершенно неудивительно, что главный приз днепропетровской пасхальной лотереи – поездка в Израиль – достался коренной жительнице небольшого города Смела (кстати, согласно местной легенде название города связано со смелостью населяющих его женщин) Инне Исааковне Усенко.

Еврейская община города Смела, хотя географически относится к Черкасской области, является полноправным членом объединения общин Днепропетровского региона. В ней 600 человек, а как богата, насыщена и разнообразна здесь еврейская жизнь! В Смеле успешно действуют Общество еврейской культуры, Еврейский общинный центр, отделение Хеседа, воскресная школа. Большую роль в этом сыграли руководитель религиозной общины Петр Лозоватский и его заместитель, душа общины, руководитель программ Хеседа Инна Крученицкая.

На еврейской карте Украины город Смела занимает полноправное место как один из центров еврейского возрождения, ведь именно здесь в прошлом году проходил Фестиваль еврейской книги, собравший представителей 18 городов Ассоциации малых городов Украины. Так что смелянской общине не привыкать быть в центре внимания.

Не будет преувеличением сказать, что на торжественную церемонию вручения главного приза лотереи собралась вся община, самые близкие родные и друзья, надежные помощники Инны Исааковны Усенко по работе, ведь в общине проходит едва ли не вся ее жизнь. В свои 63 года она активная участница всех общинных мероприятий, одна из тех, благодаря кому возрождается еврейская жизнь. Для нее община – вторая семья, и несмотря на то что сыновья постоянно зовут ее к ним переехать (в Израиль или в Москву), она считает, что больше пользы может принести именно здесь, в Смеле, где для молодого поколения ее опыт и знание традиций идишкэйт бесценны.

Инна Исааковна – человек азартный, всегда участвует в различных розыгрышах, обожает путешествия. Ну а мацу, с покупкой которой была связана первая пасхальная лотерея, Инна Исааковна, конечно, покупает не первый год и была приятно удивлена, узнав о новом почине. А каким сюрпризом стал для нее выигрыш главного приза!.. Между прочим, она всегда считала, что «главное – не победа, а участие», но, конечно, приятно и побеждать, а тут еще такой дар!

Присутствовавшие на празднике поздравили смельчан с удачей, пожелали общине города оставаться такой же дружной, сплоченной и веселой семьей, где все переживают и радуются друг за друга, а Инне Исааковне – хорошо провести время в Эрец Исраэль, благополучно встретиться с близкими, которых давно не видела, и... Так держать!

איִדען איִדישען

ПОСЛЕ ФИЗМАТА – В ЕШИВУ

Девять лет назад была открыта в Петербурге ешива «Томхей Тмимим-Любавич». Начав свою деятельность как «подпольный кружок» по изучению Торы в помещении синагоги, сегодня она имеет собственное здание, где помимо учебных залов располагаются общежитие для студентов, столовая и библиотека. Наш собеседник Шлоймо Гренкель учится здесь уже третий год. Он одет, как и большинство студентов ешивы, в черный костюм с белой рубашкой, носит черную широкополую шляпу. На вопросы он отвечает не спеша, после небольшой паузы.

דאָס איז ייִ אָסאָי נייִ אָדאָדאָיען אַעאַי-איִדיש

– Расскажите, как вы стали студентом ешивы?

— Как и многие другие, я попал сюда совершенно случайно. После окончания университета хотел уехать в Израиль, но, хотя мои родители евреи, возникли проблемы с консульской проверкой. Я решил обратиться за консультацией в синагогу, в поисках кабинета раввина оказался в офисе ешивы, записался на собеседование, и вот уже несколько лет я здесь.

– Кто еще учится вместе с вами? Если не случай, то что их привело сюда?

– Учатся самые разные люди, с разным образованием, жизненным опытом: кто после института, кто после армии, кто сразу после школы. Мотивы у каждого свои: одни сознательно пришли изучать иудаизм, кого-то привела мама в надежде «отмазать» от армии, а кто-то попал сюда, как я.

– Что вы изучаете в ешиве?

– На этот вопрос не так просто ответить. Если я скажу, что мы изучаем Пятикнижие, Талмуд, Хасидизм, Шулхан Орух, вряд ли это поможет вам разобраться в том, чему здесь учат. У любой вещи есть своя внешняя и внутренняя стороны. Да, мы изучаем книги по еврейскому закону, философии, мистике. В ешиве можно овладеть и многими специальностями, связанными с религиозным культом: технолога кошерного питания – машгиаха, писца – сойфера, преподавателя еврейской традиции и так далее, освоить несколько языков: иврит, идиш, арамейский. Но главное не в этом. В ешиве можно научиться быть человеком ВЕРУЮЩИМ. Наверное, со стороны трудно понять, что значит «верующий». Один из наших преподавателей объясняет это так: можно бесконечно долго слушать рассказы о яблоке, его вкусе, запахе, цвете, и все равно знания хотя бы раз в жизни попробовавшего яблоко и того, кто о нем только слышал, будут коренным образом различаться.

Еще до прихода в ешиву сильное впечатление на меня произвели слова главного героя фильма «Сталкер». Он говорит примерно так: «Они ни во что не верят – все эти писатели, профессора... У них тот орган, которым верят, атрофировался за ненадобностью...» Верить можно по-разному. Есть известная притча о воре, который, роя подкоп, молится Всевышнему, чтобы его не поймали. Вера несколько не мешает ему оставаться вором, то есть идти против воли Того, Кому он молится.

Иудаизм утверждает, что каждый еврей способен поверить в Б-га всей душой и всем сердцем, так, чтобы быть способным отдать за Него свою жизнь. Так вот, обучение в ешиве помогает еврею не только оживить «атрофировавшийся» у некоторых за ненадобностью «орган», но и сделать так, чтоб его вера не была подобна воровской вере. То есть в ешиве можно научиться верить и поступать в соответствии со своей верой, а это не так просто, как кажется.

– И что, люди с этим по-прежнему могут жить в «нормальном», светском мире?!

– Да. Хотя, конечно, определенные трудности возможны. Надо соблюдать Субботу, питаться только кошерной пищей. При желании все это вполне достижимо. Что касается мировоззрения, то здесь особых проблем нет: по моему опыту к «соблюдающим» евреям люди относятся очень хорошо. Иудаизм воспитывает доброту,

любовь к окружающим, честность, другие положительные качества, совершенствует логическое мышление.

Может быть, настоящая сложность как раз в том, что для самого выпускника ешивы общение с прежним кругом людей становится неинтересным. Чем-то это похоже на то, как дети вырастают из своей одежды. Проблемы, волновавшие вчера, сегодня становятся просто неактуальными.

– Правда ли, что некоторые выпускники ешивы занимаются наукой? Как им это удается?

– Занимаются, и весьма успешно. У меня, например, высшее физико-математическое образование, и я могу с уверенностью сказать: кто утверждает, что иудаизм противоречит науке, не знает либо иудаизма, либо науки, а скорее всего – и того, и другого. Приведу самый простой пример. По еврейскому летоисчислению от сотворения мира прошло 5760 лет. Как согласовать это с «научными данными»? Дело в том, что научное представление о «возрасте» мира сложилось не из прямого наблюдения за процессом творения, а из наблюдений за состоянием мира и его изменениями в наше время. Всевышний же, Всемогущий, мог сотворить мир в любом виде, и в таком, что, наблюдая за ним, можно было бы предположить, будто он существует уже миллиарды лет.

По своему личному опыту я могу сказать, что чем больше человек разбирается в науке, тем уважительней он относится к религии. Наука и религия в принципе не могут друг другу противоречить, так как занимаются разными вещами. Цель науки – познание материального мира. Основная цель религии – научить человека выполнять волю Создателя мира.

– Расскажите, пожалуйста, какой в ешиве распорядок дня?

– Встаем около восьми утра. Первый урок с 8.30 до 9.30. Потом миква, утренняя молитва и завтрак. Далее занятия до 21.00 с часовыми перерывами на обед, ужин и вечернюю молитву – и так каждый день, кроме пятницы и Субботы, когда мы тоже учимся, но не так интенсивно. Время от времени проходят зачеты, наши знания оцениваются по стобалльной системе.

– И как вы такое выдерживаете? Не возникает желания пойти куда-нибудь на дискотеку, в кино? Голова не лопается от учебы?

– Конечно, новичкам приходится нелегко, особенно тем, кто до этого нигде серьезно не учился. Материала очень много, он сложен и излагается в основном на иврите. Опять же скажу, основываясь на собственном опыте: иногда урок по Талмуду гораздо сложнее, чем лекция по квантовой механике или математическому анализу, которые я слушал в университете. Что же касается желания погулять и вообще возможности выдержать такую нагрузку... Все определяется отношением человека к предмету. Если он действительно стал относиться к Торе как к Б-жественной мудрости, осознал, что цель его жизни в выполнении того, что хочет от него Всевышний, учеба в ешиве станет самым приятным времяпрепровождением, и ни на какую дискотеку идти не захочется. Если же человек относится к Торе, как к абстрактной идее, то, не обладая выдающимися способностями к учебе, он скорее всего скатится в категорию «неуспевающих».

– Нескромный вопрос: правда ли, что у вас стипендия 100 долларов в месяц? Если да, то хорошо ли, на ваш взгляд, сочетать изучение Б-жественной мудрости с получением за это денег, между прочим, не таких уж малых?

– Стипендия в ешиве действительно больше, чем во многих вузах. К тому же питаются студенты бесплатно. Кроме того, им часто оплачивают лечение, а тем, кто живет вне Петербурга, и проезд домой. Но стипендии никто не дает просто так. Ее получают сдавшие зачеты и еще важно – как...

Высокая стипендия предназначена для привлечения учащихся. И в этом, представьте, нет ничего плохого. Тора признает поощрение за учебу как метод воспитания детей. Человека, выросшего в нееврейской среде, от Торы отделяет серьезный психологический барьер. Для того чтобы учить Тору, надо быть верующим человеком. Однако стать верующим можно, только изучая Тору.

Поверьте, представление светского человека о том, что иудаизм вкладывает в понятие Б-г, обычно чрезвычайно туманно. Оно сравнимо с представлением первоклассника об электроде. Ради того чтобы еврей получил адекватное представление о Б-ге, с которым он заключает завет, организаторы ешивы готовы тратить значительные средства на выплату стипендий. Порой человек, приступив к изучению Торы ради «выгоды», через несколько месяцев начинает понимать ее самоценность.

Другое назначение стипендии заключается в том, чтобы люди, занимающиеся изучением Торы, как можно меньше отвлекались из-за материальных проблем. В нашей традиции вовсе не считается, что верующему надо непременно быть бедным. Скорее наоборот.

– Вы говорите о людях, которые ради ешивы «готовы тратить значительные средства», кто они?

– Некоторые весьма состоятельные евреи прекрасно осознают, насколько важно изучение и соблюдение законов Торы, – это одна категория поддерживающих ешиву. Думаю, им помогают и многие религиозные евреи, не имеющие высоких доходов. Ведь обязанность поддерживать изучающих Тору лежит на всем народе, не только на богатых. Любой выпускник ешивы, да и просто человек, получивший религиозное воспитание, часть своего заработка выделяет на подобные цели. Так принято во всем мире.

– Какие основные проблемы, на ваш взгляд, стоят сегодня перед ешивой?

– Первая и, наверное, главная проблема – недостаточно учащихся. В течение долгих десятилетий советская власть пыталась прервать цепь передачи традиции наших предков, запрещая и разрушая систему еврейского образования. Результатом сегодня является то, что большинство российских евреев никогда не соприкасались с мудростью Торы. Это не их вина. Но по существу подобный уровень – обыкновенное невежество.

Люди (таким был и я до того, как пришел в ешиву) обычно имеют абсолютно искаженное представление о религии, считая ее, в лучшем случае, пережитком прошлого или мракобесием, в худшем – чьим-то успешным бизнесом, поэтому в ешиве пока постоянный недобор учащихся.

Есть и другая проблема. Многие, ощутив себя евреями, открыв в себе веру во Всевышнего, полные благодарности к ешиве и ее преподавателям... уезжают в Израиль или Америку, вместо того чтобы работать здесь и служить тому же делу, что и ешива. Конечно, ими движут нормальные желания – продолжать свое религиозное образование (некоторых направляет сама ешива) или просто жить в соответствии со своими адекватными представлениями о мире и его Создателе в «развитом еврейском обществе».

– Последний вопрос: почему у вас обучают только евреев, разве Б-г не один для всех?

– Несмотря на то что Б-г один, Тора была дарована именно евреям. В этом и заключается наша избранность. Творец выделил наш народ из всех других, чтобы мы служили Ему особым образом, выполняли заповеди, о которых написано в Торе. Я хочу также подчеркнуть, что мы служим Б-гу не ради награды, а потому, что Он хочет этого от нас, награда за изучение Торы и за выполнение заповедей заключена уже в самой этой деятельности. Поясню. Во-первых, религиозные люди – идеальное сообщество, в котором друг друга любят, друг другу помогают и друг другу доверяют. Такие отношения основаны на исполнении конкретных заповедей или являются следствием их исполнения. Во-вторых, сам процесс изучения Торы при правильном отношении к ней и при некотором навыке в ее изучении может приносить ни с чем не сравнимое интеллектуальное наслаждение. И в-третьих, наше религиозное мировоззрение помогает человеку сохранять жизнерадостность при любых обстоятельствах. Всему этому можно научиться у нас в ешиве.

Аע אאאא אעאעא אד אאאע

УКРАИНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ИЗРАИЛЕ

Председатель раввинского суда Израиля раввин Эли Бен Даган, главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий, министр по делам религии Израиля Ашер Охана, представитель раввинского суда Израиля в Украине Михаил Менис, председатель Комитета по делам религии в Украине Виктор Дмитриевич Бондаренко, директор отделения по связям раввинского суда Израиля с раввинами Украины раввин Ашер Эрентрой.

В начале июня делегация Государственного комитета Украины по делам религии во главе с председателем комитета профессором Виктором Бондаренко побывала в Израиле. Еврейские общины Украины в составе делегации представлял главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий, украинские средства массовой информации – главный редактор журнала «Людина і світ» Виктор Еленский. Членов делегации принимали министр по делам религии Израиля Ашер Охана, министр абсорбции Юлий Эдельштейн, а также ашкеназский и сефардский главные раввины Израиля – Исраэл-Меур Лау и Элиягу Бакши-Дорон.

В беседе с Юлием Эдельштейном была затронута, наряду с другими важными аспектами еврейской жизни на Украине, тема репатриации в Израиль. В первую очередь члены украинской делегации выразили общее мнение о необходимости способствовать сохранению еврейской жизни везде, где живет народ: как в Израиле, так и в диаспоре. Знание и уважение своей истории и традиций, приобретенные в стране проживания, помогут ускорить и облегчить абсорбцию в случае репатриации на историческую родину.

В беседе Виктора Бондаренко со своим израильским коллегой Ашером Оханой большое внимание было уделено вопросам сотрудничества между раввинами Израиля и Украины. Одним из факторов такого сотрудничества стала работа представителя раввинского суда Израиля Михаила Мениса, помогающего решить различные галахические вопросы еврейской жизни на Украине. Вопросы религии и традиции обсуждались, конечно, и у главных раввинов Израиля. Исраэл-Меир Лау и Элиягу Бакши-Дорон очень тепло отозвались о национальной политике украинских властей и выразили благодарность президенту Украины Леониду Кучме и украинскому правительству в лице г-на Бондаренко за возможность конструктивного сотрудничества с еврейскими общинами Украины, за содействие в восстановлении и развитии еврейской традиции.

Большое внимание на переговорах было уделено возрождению еврейской жизни в Донбассе. В этой связи раввин Исраэл-Меур Лау сказал, что, по его мнению, открытие еврейского учебного заведения со статусом полной средней школы, работа еврейского детского сада, наличие института кошрута, а также общественных организаций, разнообразных образовательных программ, собственной периодики свидетельствуют о высоком профессиональном уровне руководства Объединения еврейских общин Донбасса и вместе с тем о действенной помощи, которую оказывает этой работе Комитет по делам религии.

В свою очередь Виктор Бондаренко поделился впечатлениями о жизни еврейских общин Украины. Он обещал и впредь оказывать всемерную поддержку возрождению еврейской жизни. Руководитель украинского Комитета по делам религии отметил хорошую работу общины, которая проявляет заботу о каждом еврее, стараясь конкретными делами улучшить жизнь всех ее членов.

Αὐτὸν ἔβλεπον

ЗОНА НАДЕЖДЫ

«Αὐτὸν ἰδὼν ἠγάπησα καὶ ὄψαμαι

καὶ οὐκ ἔσται ἄλλο,

ὅτι οὐκ ἔστιν ὅτι ἰσχυρὰ, ὅτι οὐκ ἔστιν ἐπιπέδον ἐπιπέδον...

Ἰπὸ ἀσπιδίου ὀφθαλμοῦ ἰσχυρὰ ἰσχυρὰ. Ἐπὶ τὸν ἰσχυρὸν αὐτὸν ἰσχυρὰ

ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν, ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν αὐτὸν ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν...»

Ἐπὶ τὸν αὐτὸν ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν

ἀπὸ τῆς ἀσπίδος ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν ἰσχυρὸν.

Фамилию человека, написавшего это письмо, мы не называем не только из этических соображений. Просто сейчас это не важно. Главное – этот человек обрел надежду и понял: он не всеми забытый «жид», а человек, чья судьба не безразлична другим людям.

...Все началось около года назад. В донецкую синагогу пришло письмо от заключенного одной из колоний. Он писал, что к ним в зону приходят христианские миссионеры различных конфессий, проводят богослужения. Но то, что они проповедают, чуждо ему, потому что он – еврей.

«Мы давно думали об этом, – рассказывает руководитель религиозной общины иудеев Донецка Иегуда Келерман. – Однако у нас очень мало людей, а объем работы большой. Но когда мы прочитали это письмо, то поняли, что дальше тянуть нельзя. Ведь человек сам нашел нас, и первый написал, не прося ничего, кроме знаний и веры. Это было для нас знаком Всевышнего».

Затем последовали обращения в управление по исполнению наказаний, поиски евреев по колониям Донецкой области, переговоры с руководством пяти исправительных учреждений, где нашли 27 отбывающих заключение евреев, и, наконец, первая поездка.

«Евреи там разные, сидят по разным статьям: от экономических до разбойных нападений, – продолжает Иегуда Келерман. – А в одной из зон для нас устроили “экскурсию”. Это очень страшно. Появляется только одно желание – поскорей оттуда уйти. По словам главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого, благословившего и поддержавшего нас, Любавичский Ребе говорил, что когда человек находится в тюрьме, его дух смятен, и именно в это время ему нужна особая поддержка. И в Америке, и в Израиле, например, есть раввины, которые вместе со специальным персоналом занимаются только тюрьмами».

Все встречи проходили по-разному, общим было только одно – их неожиданность для всех по ту сторону зоны. Неожиданность от того, что к ним, именно к ним, приехали «с воли», о них вспомнили. Иногда люди раскрывались уже после первого разговора, но были и другие, уже принявшие христианство из-за незнания собственных традиций. А некоторые сразу прощались и уходили, едва выслушав рассказы наших ребят: они только начинали задумываться о своем еврейском предназначении. Но отказаться от встречи не хотел никто, приходили все и слушали, слушали, слушали... А ребята просто рассказывали о себе, о своей общине, о традициях еврейского народа. «Наши традиции, наш образ жизни – это и есть наша религия, – говорит студент ешивы “Томхей Тмимим” Давид Юсимов. – Все это взаимосвязано. Без традиции не может быть еврейского народа».

А потом из трудовой колонии начали приходиться письма... «Благодаря вашему посещению в душе что-то открылось. Почувствовал себя человеком, появилась уверенность в будущем... Вокруг только зло во всех его проявлениях. Чуть что – оскорбления. И не поймут те, кто говорит такое, что их насмешки пробуждают чувство национального достоинства»... «Подобное пишу впервые в своей запутанной жизни. Наша встреча произвела на меня яркое впечатление. Давид предлагал мне помощь. Но для меня в данный момент лучшая помощь – это ваш ответ... Да, я был поражен, когда Давид гордо заявил: “Я – еврей”. Понимаете, в том болоте открыться, поговорить откровенно невозможно... К вам у меня одна просьба: могу ли я рассчитывать на помощь с еврейской литературой? Вышлите мне, пожалуйста, книгу “Быть евреем”...» Таких писем немало.

Сейчас работники синагоги пытаются наладить своим подопечным регулярную материальную помощь. Шлют посылки в колонии, предметы первой необходимости – зубную пасту и мыло, тетради для писем и сигареты, чай и конфеты. И книги.

– Вы не боитесь, что с их стороны это просто игра?

– Не знаю, игра или нет, – заметил Иегуда Келерман. – Вначале всегда кажется, что человек лишь играет в религию. Но потом оказывается, это уже далеко не игра. Все начинается несерьезно, но потом перерастает в очень глубокое чувство. Сейчас главное, чтобы человек почувствовал себя евреем.

...А перед праздником Пейсах был второй визит в колонии. Сотрудники синагоги решили организовать там настоящий сейдер. Были песни на русском и иврите, «Кидуш» и «Ма ништана». И, конечно же, рассказ о выходе евреев из Египта.

– Мы ведь провели сейдер не в тот день, не в то время и не по всем правилам, – рассказывал Келерман, – но наши мудрецы говорят, что самое главное — стремление и искренность намерений человека. А слушали нас очень внимательно. Только рассказ об исходе из Египта длился более часа. И я не видел незаинтересованных лиц. Конечно, это не просто. Пейсах – праздник освобождения. Представьте, каково было праздновать его людям, сидящим в тюрьме. Но свобода бывает разная. И человек, находящийся «на воле», тоже может быть «заключенным». Свобода для еврея – когда между ним и Всевышним больше ничего не остается, когда преодолено все, что мешает на пути к Б-гу. А значит, свободным можно быть везде. Есть много примеров из истории, в том числе и недавней: евреев бросали в тюрьмы за веру, но сломать их не смогли. Они и там продолжали соблюдать еврейские традиции. Перед началом сейдера я сказал, что сейчас мы будем проводить обряд, который уже более 3300 лет соблюдается везде, где живут евреи. Даже во времена гонений в Испании, когда евреи были вынуждены скрываться, креститься, всегда, даже под угрозой смерти, тайно, в подвалах они всегда проводили пасхальный сейдер.

– Изменилось ли отношение к вам по сравнению с первым вашим приездом?

– В этот раз люди были разговорчивей. Нас встречали приветливей, как хороших знакомых, даже еврей-христианин.

– Пришли все?

– Были и новые. Первый приезд всегда непросто. Трудно было сразу обнаружить всех евреев, кто-то из них не знал о нас, кто-то боялся. Но после первой встречи о нас заговорили. И вот, пришли новые люди.

– Для чего вы проводите эту работу? Чтобы возродить религию? Чувство национального самосознания? Или просто не хотите оставлять человека одного, в беде?

– Это просто доброе дело, – ответил Давид Юсимов. – Даже если один из тех, с кем мы общались, просто остановится и задумается над смыслом своей жизни, если он захочет вернуться к нормальной жизни, значит, мы работали не зря.

Аזי אדעיאעו

ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ СО СМЫСЛОМ

Умер Давид Ильич Колотилин – удивительный человек, проживший редкую по своей полноте жизнь. В этой жизни было все: война, которую он прошел танкистом (горел в танке, получил три ранения и 12 государственных наград), работа (имел редкую профессию стеклодува), семья (вырастил троих детей)... Но, пожалуй, главной в его жизни была вера. Мало кто сделал столько для возрождения еврейской жизни в Волгограде, сколько он.

При советском режиме сплоченная им община собиралась подпольно, чтобы совершать молитвы и другие еврейские обряды. Если надо было похоронить человека по иудейскому обычаю, обращались к Давиду Ильичу. Оказывал он и материальную помощь нуждающимся членам общины. Благодаря его деятельности искры еврейской жизни в Волгограде не потухли и сохранились до благоприятных времен. И когда была официально зарегистрирована Волгоградская еврейская религиозная община, то вопроса о том, кто будет ее председателем, даже не возникло.

Честность – одно из основных качеств, которое отмечают знавшие Давида Ильича. А еще – неистощимый оптимизм, жизнелюбие. Он жил по принципу «каждый день дарован Г-сподом» и, наверное, поэтому так много успевал. Чтоб еще больше успевать, будучи на пенсии, даже купил себе мопед!

У него были золотые руки – домашняя мебель, самодельные шахматы, графин со стеклянным оленем внутри, тончайшие рюмки, – все это тому подтверждение. А еще увлекался живописью, оставил после себя несколько картин. Интерес к жизни сделал его очень эрудированным, интересным собеседником, обладающим глубокими и разносторонними познаниями в самых разных областях. Разве мог такой человек не знать истории страны, в которой живет, еврейской истории, истории своего рода? Об истории рода он написал целую книгу, ставшую семейной реликвией. Позже начал создавать более подробный ее вариант. Жаль, что полностью закончить эту работу он так и не успел...

Волгоградская еврейская религиозная община, Волгоградский еврейский общинный центр глубоко соболезнуют родным и близким покойного. В память о нем мы обещаем сделать все от нас зависящее, чтобы вернуть синагогу, где габаем был его отец. На общем собрании общины принято решение: волгоградскую синагогу в память о нем назовем «Бейс Довид».

Борух Даян а-Эмес, Благословен Истинный Судья!

На 56-м году ушел из жизни замечательный человек, великий музыкант, народный артист Украины, кавалер ордена «За Заслуги» 3-й степени, художественный руководитель Нового камерного оркестра «Времена года»

Гарри Борисович Логвин.

Он был большим другом еврейской общины Днепропетровска, мы видели в нем идеал музыканта, творческого, щедрого человека, всего себя отдающего людям. Этот человек широкой и доброй души, несмотря на огромную занятость, всегда был готов помочь, откликнулся на любую просьбу.

Прекрасная музыка великого, нашего любимого скрипача звучала на многих концертах и мероприятиях нашей общины. Молитвой Кол Нидрей в исполнении Гарри Борисовича завершалась церемония торжественного открытия Хоральной синагоги «Золотая Роза» в Днепропетровске...

Гарри Борисович Логвин будет и впредь жить в наших сердцах.

י אִדֶּה עִתְּוֵיךְ

«САД ИЗРАИЛЯ» В ПОДМОСКОВЬЕ

Так называется лагерь в Истринском районе, в одном из самых райских мест на северо-западе Московской области, в деревне Румянцево. Это один из многих лагерей сети «Ган Исроэл», которые давно уже существуют во всем мире, там, где есть Хабад.

В этом году лагерь для девочек открыл свой двенадцатый сезон, и в пятый раз приняла участие в его организации Голда Клейнберг, супруга виртуального раввина сайта «Jewish.ru» Боруха Клейнберга. Кстати, это самый большой еврейский сайт в русском Интернете. Несколько слов о Голде Клейнберг. Она киевлянка, учитель физики и математики, к еврейству пришла через молодежный еврейский лагерь для студенток 11 лет назад. В «свободное» от летнего лагеря время она работает в женском гуманитарном университете Хаи-Мушки, преподает Тору.

Мы попросили Голду Клейнберг ответить на ряд наших вопросов.

– Скажите, отличается ли заезд этого года от прошлогоднего?

– В принципе нет. Мы по-прежнему стараемся собрать детей, не знакомых с еврейством, чтобы они познакомились с историей нашего народа, с его традициями.

Большинство москвичи. А из нового отмечу, что в этом году в наш лагерь по направлению ФЕОР приехали девочки из маленьких городов Российской Федерации, где нет общин, раввинов. Вот их-то мы особенно хотим ввести в лоно еврейской жизни.

– Сколько в этом году детей и какого они возраста?

– Лагерь не так уж мал, здесь более двухсот девочек от 7 до 15 лет. Это только галахические еврейки. Примерно половина приехала не впервые, многие из них в четвертый и пятый раз. Значит, нравится, интересно. В этом году желающих было гораздо больше, чем мы смогли принять.

– А кто здесь занимается с детьми?

– В основном это молодые, но уже опытные педагоги. Вожатые у нас из Америки, все профессиональные педагоги, выпускницы педагогических колледжей США, которые по пять-шесть лет работали в подобных лагерях во всем мире. В России все они впервые.

– А почему нет российских вожатых?

– Есть. Это пять студенток женского университета Хаи-Мушки.

– Ваш лагерь отличается от других летних еврейских лагерей?

– Я думаю, у нас интереснее (улыбается). Здесь дети знакомятся с историей еврейского народа через праздники. Вчера, например, в лагере был Пурим, сегодня Пейсах, завтра будет Лаг ба-Омер. Каждый праздник, как вы знаете, – важная страница истории нашего народа. Дети под руководством своих педагогов не только воссоздают эти странички истории, но и осознают ее.

– У вас бывают трудные дети?

– Бывают, и очень много. И мы не отбираем в лагерь по принципу «хороший» ребенок или «плохой». Сейчас много «трудных» семей, детей, у которых было трудное детство, просто сами по себе «трудные» дети. И мы стараемся никого не обделять теплом и заботой. А результат знаете какой? Очень часто после лагеря приходят письма от родителей, звонят по телефону: «Спасибо! Вернулся совсем другой ребенок».

– Гости из МЕОЦа к вам приезжают?

– Еще бы! Главный раввин России Берл Лазар наш частый гость. Здесь работает и его жена Хана. В лагере сложилась многолетняя традиция: по Субботам раввин проводит третью трапезу и всегда при этом рассказывает какую-то историю и поет песню – у нас это называют «песня ребе Лазара». Дети быстро подхватывают, запоминают его песни. В других лагерях таких не знают.

Сложилась еще и другая традиция: на третью Субботу собираются дети, которые бывали в лагере в прежние годы, чтобы вместе с раввином Лазаром спеть его любимые песни. Одна из них «Леха, доди».

А совсем недавно в лагерь прибыло письмо со стихами Ефима Шкловского, положенными на музыку Евгении Беловой. Кто знает, может быть, эта песня «Ты нас согрел» станет в будущем гимном «Сада Израиля»:

*Çääüü äi çéá Èñò ðü,
xèñòíé è áúñòðíé,
Á öái ò ðá Ðíñèè
Òú í àññáðäé.
Áái Èñòryé! Áái Èñòryé!
Á öái ò ðá Ðíñèè è òú í àññáðäé!
Äíáðüü äíááðüü
Ï òèö è äáðáüüá,
Òái öái è í áññ áé
Òú í àññáðäé.
Áái Èñòryé! Áái Èñòryé!
Òái öái è í áññ áé òú í àññáðäé!
Ðíñèíé ááðáçéíé,
Ðá:üþ í í
ñéíáñéíé,
Ñéíáñí ááðáéñéèí
Òú í àññáðäé.
Áái Èñòryé! Áái Èñòryé!*

נְעִימָה אֶבְרָהָם אוֹר אֵיבֶר

מִי אֵיבֶר!..

Закончится смена для девочек, и после небольшого перерыва сюда приедут мальчики из Москвы, Подмосковья, со всей России, зазвонят детские голоса, распевая еврейские песни, повторится цикл еврейских праздников, словом, продолжится еврейская жизнь – жизнь нашего народа.

אַבְרָהָם אֵבֶר אֵיבֶר

ПЕВИЦА, ВИЦЕ-МЭР ИЕРУСАЛИМА

Мое знакомство с Ларисой Герштейн произошло заочно, накануне ее выступления в Израильском культурном центре. Войдя домой, я сразу услышала по радио «Эхо Москвы» ее волевой, сильный голос низкого тембра: «Мы пытаемся договориться с палестинцами цивилизованными методами. Но за такие попытки человечество заплатило веками жертв и кровопролитий...» Рискую показаться смешной, но до сих пор никому еще не удалось убедить меня в том, что «с людьми надо говорить на понятном для них языке», то есть на силовые методы отвечая силой, но Лариса Герштейн сумела внушить мне это за то время, пока я дослушала ее речь. И неудивительно, что придя на ее вечер, я уже с нетерпением ждала ее выступления, слушая, как директор Израильского культурного центра Йоси Тавор представляет Ларису вице-мэром израильской столицы, заместителем председателя Сионистского форума и инициатором создания Общинного культурного центра в Иерусалиме.

Лариса поразила меня простотой общения с аудиторией, способностью с завидной естественностью, «на ходу» вникать в самые обыденные проблемы. И тем, кто слушал ее, вовсе не казалось странным, что подчас свой трудовой день эта женщина, будучи заместителем мэра, начинает беседой с мусорщиками, которые постоянно требуют повышения и без того по нашим меркам астрономической зарплаты, и что несмотря на немислимую занятость она держит в памяти судьбы и лица тысячи человек... Сколько она уже успела, а ведь еще молода! Лариса Герштейн стояла у истоков создания русской секции Союза писателей в Израиле, вещала на радио «Свобода» в Мюнхене, работала преподавателем русских реалий (в том числе ненормативной лексики) в разведшколе США, трудоустроивала около ста выпускников организованной ею в Иерусалиме школы журналистики (немало из них стали потом русскими пресс-атташе в различных министерствах и ведомствах) и многое еще. Кроме

того, она пишет песни и выступает как профессиональная певица. Наверное, понятно, что без хорошего чувства юмора при такой нагрузке не выжить, не то что остаться милой, обаятельной женщиной! С каким юмором пародировала Лариса тех, кто приходит к ней показать новый гимн Израиля (оказывается, это постоянный поток) или собственную книгу (по ее утверждению, половина Израиля состоит из пишущих людей).

Но разве успеть все, что хотелось бы? Увы! Лариса с неподдельным сожалением сетовала, что до сих пор так и не записала компакт-диск своих песен, в то время как большинство участников фестиваля, посвященного Булату Окуджаве, где она только что побывала, таковыми успели обзавестись. И совсем обескураживающе трогательно рассуждала о том, что в отличие от блондинок брюнеткам любовь дается ценой мучительных усилий. На удивление естественно воспринималось, что эта красивая женщина, играющая немалую роль в культурной и общественной жизни Иерусалима, исполняющая песни на семи языках, организовавшая пять новых фестивалей искусств и получившая на прямых выборах мэра Иерусалима меньше нынешнего избранника только на около тысячи голосов, постоянно думает, как те или иные ее действия и поступки расценивает муж (это в прошлом известный диссидент, а ныне журналист Эдуард Кузнецов), старается оставаться для него притягательной...

Конечно, в начале вечера зал был определенно настроен говорить о больной израильской проблеме. Не пыталась ее обойти и Лариса Герштейн. О перспективах политической ситуации в Израиле она сказала очень эмоционально: «Я считаю, что Перес и Арафат должны аккуратно положить Нобелевскую премию на стол. Я не пророчествую, а точно знаю, что, к сожалению, будет плохо по крайней мере еще несколько месяцев. Но Израиль – это святая земля, поэтому там может и должно произойти чудо». И все же ей стоило немалых усилий отвести попытки превратить весь вечер в политический диспут.

Лариса Герштейн удивила всех признанием, что до четырех лет почти не разговаривала, а в первом классе не овладела ни счетом, ни письмом. Своими успехами она во многом обязана стараниям отца, известного режиссера-документалиста. Кстати, мать Ларисы никогда не разделяла ее увлечения режиссерскими затеями, зато с удовольствием и по многу раз слушает в ее исполнении песни, записанные для испаноязычных телесериалов. Кстати, как певица Герштейн не получила профессионального образования, но это не мешает ей достойно выступать на сцене.

Одной из первых в Израиле она стала исполнять на иврите романсы на стихи Пастернака, Цветаевой, Мандельштама. С ней сотрудничали такие известные в Израиле переводчики, как Марк Драчинский, Зеев Гейзель, Петр Криксунов.

Прожив несколько лет в Мюнхене и год в Париже, ныне вне исторической родины Лариса свою жизнь не мыслит. Она убеждена, что всякий приезжающий в Израиль получает возможность начать жизнь с начала, да так «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». «Важно перестать слушать советы, которые сыплются со всех сторон, и заставить понять окружающих, – считает она, – что вы – тоже личность». Обозначив свою политику довольно шокирующе для нашего уха как «национальный протекционизм», она сказала, что видит свою миссию в том, чтобы происходило взаимопроникновение культур – израильской и той, что привносят репатрианты из бывшего Союза. По ее словам, даже не слишком благополучным и хорошо устроенным людям она сумела предоставить возможность найти интересный круг общения, так или иначе себя проявить. В конце вечера Герштейн щедро раздавала

свои визитки, с подкупающей искренностью обещая принять в Израиле всех, кто приедет туда не гостем, а насовсем.

Но собравшимся в тот вечер и без того было ясно, что перед ними не только женщина, актриса, но человек, способный осуществлять задуманное. Она завоевала нас всех независимо от возраста, жизненного опыта, особенностей характера, и мы с чувством внимали исполняемым ею песням Окуджавы о чистой и возвышающей душу любви, смеялись над посвященной Юрию Никулину шуточной песенкой. Иные даже плакали, когда она пела на идише «Купите папиросы». В эти моменты Лариса казалась просто певцом горестей и бед вечно гонимого народа-странника. Возникло впечатление, что неизбывную печаль еврейской души лучше всего способны передать русские романсы, начинающиеся отрицательным императивом «не уходи, не смущай, не зови, не плачь». Мы узнали, что песню «Ямщик, не гони лошадей!» переводил муж Ларисы Эдуард Кузнецов, который благодаря этому сумел, наконец, «добить» долго не дававшийся ему иврит...

К концу вечера пожилые слушатели были растроганы, молодые же завсегдатаи Израильского культурного центра утверждали, что встреч подобного уровня в Израильском культурном центре не было целый год. Действительно, неизгладимое впечатление.

יֵאָדָה עֵשׂוֹ אֶעָאֵר דִּיאִיִּיעֵעֵ

ЕВРЕЙСКОЕ КИНО ВЛАДИМИРА ДВИНСКОГО

Стоит ли удивляться, что кино, возникшее в конце позапрошлого века, молниеносно пробило «крепость» черты оседлости и стало неотъемлемой частью жизни ее обитателей? «Иллюзион гос» – так называли улицу, ведущую к тем местам, где приезжие киномеханики показывали кино жителям местечка. Разумеется, фильмы на еврейские темы появились не сразу. Но довольно скоро — во втором десятилетии XX века — в России вышло около 100 художественных и документальных фильмов еврейских по сути. А незадолго до Второй мировой войны еврейского кино в России не стало, и последней лентой условно можно считать фильм «Семья Оппенгейм», созданный в 1939 году Григорием Львовичем Рошалем по роману Фейхтвангера. В фильмах военного и послевоенного времени еврейская тема мелькала, но возрождение еврейского кино как такового началось только в 1990 году фильмом Р. Нахмановича и Ю. Марьямова «Еврейское кладбище». Название это символично. Что-то иронично-трагическое есть в том, что

возрождаться еврейское кино начало именно с такой темы. Сегодня, спустя десяток лет, уже можно говорить о еврейском кинематографе как о явлении, вполне сложившемся.

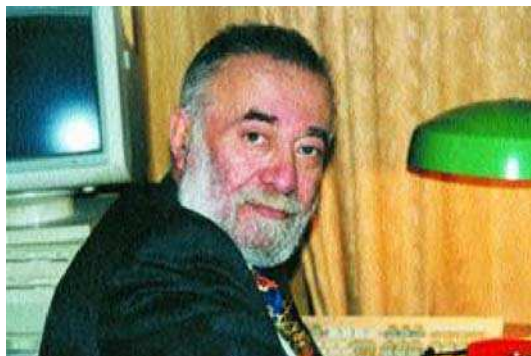

Синагога в Шаргороде.

Безусловно, важным кинособытием этого лета стала премьера фильма Владимира Двинского «В субботу я – король». В анонсе картина была представлена как «документальная киноповесть о штетле» – еврейском местечке (продюсеры Владлен Арсеньев, Антон Малышев, министерство культуры РФ).

Презентация фильма состоялась 24 мая в большом зале Центрального дома кинематографистов, где присутствовали мэтры современного кино: Всеволод Шиловский и Вадим Абдрашитов, Валерий Ланской и Борис Головня, Александр Шейн и Мирон Черненко, который и вел этот вечер. После просмотра писатель Анатолий Приставкин, известный гуманист нашего времени, сказал о фильме много хороших слов. «Это высокая трагедия о трагедии очень страшной» – так определил он жанр этого кино.

К картине «В субботу я – король» Владимир Двинский шел без малого 10 лет. Ей предшествовали несколько работ — фильм о Шолом-Алейхеме «Привет тебе, Шолом», вышедший около полугода назад, и еще два фильма на еврейскую тему, к сожалению, по разным причинам не завершённые — «Свет праведных» и «Судный день». «Свет праведных» был задуман как лента о минском гетто, главной героиней должна была стать бывшая узница этого гетто, девушкой угнанная из Германии в Минск. Ее история драматична и романтична одновременно. В Эльзу влюбился немецкий офицер, и ему правдами и неправдами удалось вывезти из гетто ее и еще 20 евреев... Ныне Эльзы уже нет в живых. Фильм не состоялся большей частью из-за финансовых проблем.

Владимир Двинский.

Кантор в синагоге Марьиной рощи Абрам Конников.

Выйдя из синагоги в Марьиной роще, я обратил внимание на двух людей, они стояли напротив и с каким-то особым волнением смотрели на синагогу. Откровенно говоря, я не смог пройти мимо них: восторг и волнение в глазах этих людей притягивали. Конечно же, я с ними заговорил.

Оба они оказались бывшими москвичами и бывшими гражданами СССР, уехавшими еще «на заре перестройки» – 11 лет назад, в США. В Бостоне Геннадия Конникова, профессионального музыканта, ждала работа в одной из ортодоксальных синагог. Почему? Тому есть как минимум две причины. Но сначала я хочу рассказать о женщине, приехавшей вместе с ним, его жене.

Неля Фарштендиккер – профессор медицины. Она дочь местечкового еврея Иосифа Фарштендиккера, родившегося в Бершади, а в годы Великой Отечественной войны ставшего офицером и остававшегося на военной службе долгие годы. Он ушел на фронт в шестнадцать. Ушел, как он не раз вспоминал, чтобы заменить своего отца Наума, ополченца, погибшего в первые дни обороны Москвы. Иосиф Фарштендиккер гордился и своим отцом, и званием советского офицера. Когда началась эмиграция в Израиль, он не сразу смог понять, что же происходит. И только в середине 80-х, когда антисемитские настроения в Москве приняли если не массовый, то весьма ярко выраженный характер, он одобрил желание детей покинуть страну, в которой родился и вырос не только он, но и многие поколения его предков.

Теперь о Геннадии Конникове. Высшее музыкальное образование он получил в Москве, был преуспевающим преподавателем музыки, но хотел заниматься не музыкой вообще, а вполне конкретной – еврейской. Однако позвольте, кому ее в те годы было преподавать?.. Интересно, откуда у молодого еще человека могло быть представление о еврейской музыке? Ответ на этот вопрос связан с его отцом – Конниковым Абрамом Меер-Ицковичем. Думаю, для прихожан синагоги в Марьиной роще возвращение этого имени будет особенно дорого. Абрам Меер-Ицкович был кантором старой, деревянной синагоги в Марьиной роще. Он был человеком, глубоко уважаемым евреями Москвы за добропорядочность, за наслаждение, которое он доставлял им своим пением. Многие, идя в синагогу в Марьиной роще, так и говорили: «Пойдем, послушаем Абрама».

Родом Абрам Конников, как и его предки, был из Витебска. Здесь же закончил хедер, работал в театральных мастерских, но вера в Б-га, с детства не покидавшая его, хороший голос, доставшийся ему от предков, любовь к идишу, который всегда оставался его родным языком, привели в конце концов его в синагогу – сначала в витебскую, а потом и в московскую. В этой-то старой синагоге в Марьиной роще и состоялась бар-мицва Геннадия Конникова. Было это 40 лет назад.

И еще о его отце. Хорошо знавшие Абрама Конникова считали этого человека праведником. Его желание помочь людям, помочь действительно, было огромным. Он и умер как праведник, в первый день Рош а-Шона 5731 (1970) года, не дожив до шестидесятилетия только несколько дней.

И вот еще о чем мне рассказал Геннадий.

– Об открытии Московского еврейского общинного центра в Марьиной роще я узнал в США. До этого мы слышали о происшедшей здесь трагедии, о пожаре, устроенном в деревянной синагоге, где хазаном был мой отец, а прихожанином и дед. Кстати, мой дед Меир имел в Витебске свой магазин, где продавали краски. В доме много рассказывали о том, что его покупателями были художники Пэн, Шагал, Юдовин...

– Чем вы занимаетесь сейчас?

– С первого дня в Бостоне я работаю в синагоге, которую называю «моя синагога». На самом деле она называется «Темпл Эмес», что в переводе на русский означает «Храм Правды». В этой синагоге я руководитель и дирижер хора, мечтаю привезти его сюда, в этот замечательный еврейский храм, и уже говорил об этом с руководителем Московского еврейского общинного центра р. Мордехаем Вайсбергом...

Синагога, в которой я служу, знаменита своей канторской школой. Наш старейший кантор – знаменитый человек, 7 июля ему уже исполнилось 100 лет. И, конечно же, он будет в этот день петь в синагоге.

– Вы давно не были в Москве? Как ее находите?

– Я не был здесь больше 10 лет. Рассуждать о том, как изменилась Москва, дело не мое. Для меня самая большая перемена к лучшему – это возрождение здесь еврейской жизни, возвращение еврейской молодежи к своим традициям, а настоящим потрясением для меня стала возрожденная из пепла синагога, построенная именно на том месте, где была старая деревянная. Что будет создан такой еврейский храм, я бы не поверил ни за что, если б не увидел это сегодня своими глазами, если бы сам не побывал в нем, не помолился. Это еще одно свидетельство, что Б-г нас не покидает и евреи будут существовать всегда.

– Что вы пожелаете прихожанам этой синагоги?

– Не только им – всем евреям. Что может пожелать еврей? Веры, надежды и, конечно же, не забывать о своих корнях. Только это сохранило нас и в будущем сохранит как единый народ.

МОРЕ ЗА ОКНОМ СТРАНЫ

Àààèä Ì àðèèè

Все мы живем на морском берегу – чуть ближе к воде, чуть дальше от нее. Мы еще не привыкли к тому, что «Средиземноморье» – это не только географическое положение, но и образ жизни, что израильтяне – это морская нация. По тем или иным причинам мы селимся преимущественно не в песках Аравы и Негева и не среди оливковых холмов Самарии, а на узкой кромке вдоль моря – там, куда наши кочевые предки не часто спускались с нагорий со своими баранами и козлами. Сегодня море стало для нас естественным продолжением суши, ценимой на вес золота.

Катера в Шербурском доке. Утром их в порту не оказалось.

Адмирал Шмуэль Перес живет на берегу моря. После демобилизации он каждый день в половине шестого утра приходит на берег и проводит здесь час-полтора. На горизонте скользят боевые катера ВМС, которыми он командовал всю свою флотскую жизнь, с борта которых смотрел на берега Израиля, Ливана, Египта, Эфиопии.

– Интифада? – говорит Шмуэль. – Бунт? Террор? Палестинское сопротивление? Это повторение пройденного, все это здесь уже было. Была борьба против англичан, были антиеврейские погромы – хотя бы в том же Хевроне. Палестинцы хотят независимости, и они ее в конце концов получают – разумеется, не военным путем, а политическим. Поэтому нам придется раньше или позже вернуться к столу переговоров. Барак это понимал, Шарон это понимает.

Шмуэль Перес родился на морском берегу, в Хайфе. Его родители – польские евреи – прошли гитлеровские лагеря, «на память» на их руках остались синие лагерные номера. Они поженились еще до вторжения

фашистов в Польшу, война разлучила их, – и они вновь встретились в 1945 году после освобождения в Эрец Исраэль, куда прибыли из Италии с волной нелегальной алии.

Много лет спустя Шмуэль – уже старший морской офицер – поехал с матерью в Польшу и, сидя за рулем машины, исколесил всю страну. И слушал рассказы матери о прошлом – дома об этом не разговаривали...

В армию Шмуэль ушел в 1964 году и сразу после школы молодого бойца попал в ВМФ. Его приморское детство и отрочество естественно перетекли в морскую службу.

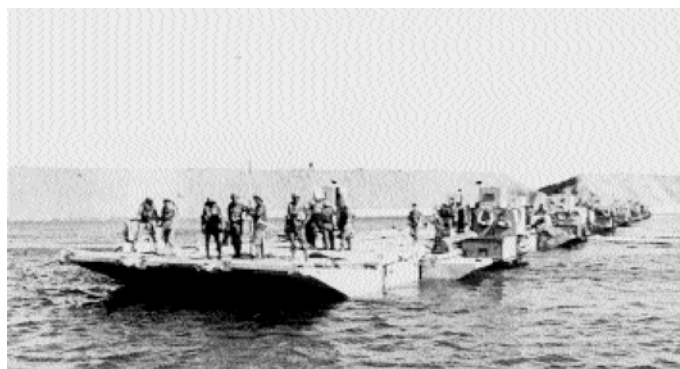
– Возможно, это и несправедливо, но никому и в голову не приходит рассуждать о «пехотной романтике» – говорят лишь о «морской романтике». Можно предположить – и не ошибиться, – что ваша морская жизнь была полна тем, что принято называть «опасными приключениями». Расскажите, пожалуйста, об одном из таких случаев.

– Вся история нашего морского флота – это, пожалуй, одно большое «опасное приключение», если можно так выразиться. Наш флот начался с надувных лодок, с подвесных моторов. После Шестидневной войны мы пришли к выводу, что оптимальный вариант для нас – небольшие и недорогие быстроходные суда, максимально оснащенные средствами ведения электронной войны. Двенадцать таких судов были заказаны в Шербуре.

– Вы имели отношение к «Операции Шербур»?

– Да, и самое непосредственное: я в ней участвовал.

Стоит напомнить читателям о знаменитой Шербурской операции. В ноябре 69 года израильтяне, на потеху всему свету, «угнали» из французского Шербура пять ракетных катеров. Правда, катера эти были оплачены до последнего сентима, и их передача заказчикам была отменена лишь по причине эмбарго, наложенного французским правительством на поставки вооружений израильской армии. Болезненное эмбарго, в свою очередь, было введено в результате операции наших коммандо под началом легендарного Рафуля в бейрутском аэропорту – в ответ на захват террористами нашего гражданского самолета. Рафуль и его люди, высадившись в Бейруте, взорвали и сожгли практически весь гражданский воздушный флот Ливана. Шмуэль Перес на своем судне курсировал тогда вдоль бейрутского побережья – он забрал бы наших людей, если бы вертолеты по каким-либо причинам не сумели их эвакуировать после выполнения боевого задания.

– Каким образом вам удалось осуществить этот дерзкий угон? Угнать среди бела дня пять военных судов, обогнуть всю Европу...

– Ну, во-первых, дело было не среди бела дня, а ночью. И, как в плохих детективах, всюду бушевал осенний шторм. Как это ни парадоксально, но нас, может, и не хватило бы так скоро, если бы один британский журналист, аккредитованный в Шербуре, не пришел в портовое кафе пить свой утренний кофе. Привычно оглядывая акваторию порта, проклятый писака не поверил своим глазам: вчера стояли пять ракетных катеров, а сегодня и след их простыл. Куда они делись?.. Журналист почуял, что пахнет паленым, побежал трезвонить по всем известным ему телефонам. Начался скандал.

Надо сказать, что наши морские экипажи, сменяя друг друга, жили в Шербуре – ходили в штатском, никак не выделялись. Нам, конечно, помогали кое-какие люди, что тут говорить... Когда пришло время, мы все тем или иным путем оказались на борту. Горючее, вода, необходимое продовольствие – все это было припасено заранее. Рассвет застал нас в открытом море, мы держали курс на Хайфу.

– Кто командовал операцией?

– Военно-морской атташе адмирал Мока Лимон. На нем французы и отыгрались – попросили его незамедлительно «покинуть пределы». Но Мока действовал в соответствии с распоряжением премьер-министра Голды Меир. Ицхак Рабин был тогда начальником Генштаба. В архивах сохранились собственноручные записки Голды и некоторых других людей, ведь факсов в то время еще не существовало.

– Через четыре года началась война Судного дня. Каковы были функции флота, ваши функции в этой тяжелой войне?

– Прежде всего, ВМФ не понес в ходе войны никаких потерь – противник нес потери. Я командовал тогда соединением торпедных катеров, мы «закупорили» море и были в нем полновластными хозяевами. Существовала, разумеется, своя специфика в наших действиях: русским ракетам «Стикс», несущим полтонны взрывчатки на пятьдесят километров, мы противопоставили наши отечественные ракеты «Габриэль» с дальностью полета 20 километров. Но наша электроника превосходила русскую, мы этим пользовались, и наши тактические приемы – быстроходность, маневренность – были вполне эффективны в борьбе с русскими судами класса «Оса». В первые же часы войны мы – впервые в истории морских сражений – продемонстрировали ночную «войну ракет» на море.

И выиграли ее.

Потом, когда в самый разгар войны начались поставки американского оружия, на нас была возложена обязанность охраны морских конвоев.

– Мы начали наш разговор с того, что в нынешней интифаде нет принципиально ничего нового. Как вы видите дальнейшее развитие событий – с точки зрения как военной, так и политической?

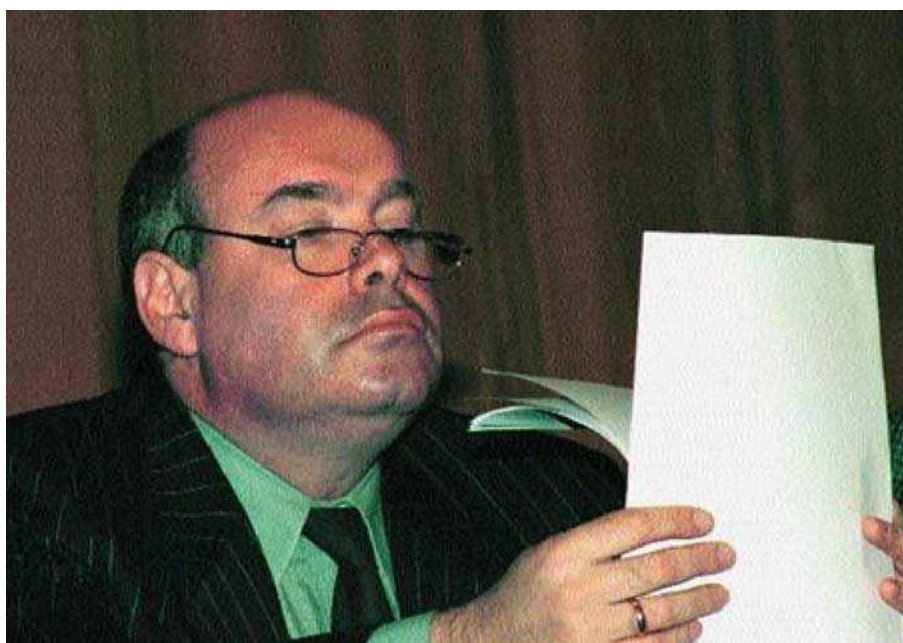
– Террор – это оружие слабаков, отчаявшихся слабаков. Террор направлен против гражданского населения, а не против армии. Что могут сделать палестинцы с их минометами против нашей армии, вооруженной самолетами и танками? Наш танковый полк может взять Газу и раздавить ее своими гусеницами. Но что будет дальше?

Мы должны прийти к соглашению с палестинцами – с позиции силы. Договориться – и отделить их от себя. Отсечь. Они хотят свободы, это их право. Боевиков можно уничтожить ракетами или огнем танковой артиллерии, стремление к свободе – нельзя, во всяком случае в начале XXI века. Поэтому надо искать путь к соглашению – время для этого подходящее, и арабы понимают это не хуже нас. Взгляните: после смерти трех их лидеров – Садата, короля Хусейна и Асада – их преемники не поменяли политический курс своих предшественников. И это кое о чем говорит. Они знают, насколько мы сильны, и это определяет их политику.

Но мы больше не можем позволять себе ошибок. Мы ошиблись три раза подряд: накануне войны Судного дня 1973 года ошиблась разведка, в Ливанской войне 1982 года мы использовали ошибочную стратегию, во время войны в Заливе в 1991 году мы не ожидали ракетных обстрелов – и ошиблись. Сегодня мы говорим: арабы не посмеют применить против нас неконвенциональное оружие. Дай Б-г нам не ошибиться.

РАССТАВАНИЕ С ПРОШЛЫМ НЕИЗБЕЖНО

Михаил Ефимович Швыдкой в современной русской культуре, в театроведении в особенности, – явление заметное и значимое. Президент Российского центра Международной ассоциации театральных критиков, вице-президент Комитета коммуникаций Международного института театра при ЮНЕСКО, один из основателей телеканала «Культура» и первый его руководитель, с 1993 года заместитель министра культуры, с 1998 года – министр культуры РФ, – вот далеко не полный перечень общественных и государственных должностей, которые занимал и занимает поныне Михаил Ефимович. Но все они, слава Б-гу, не увели его от истинного его призвания – театроведения. Думается, в первую очередь именно как театровед он останется в русской и мировой культуре.

ΟΓΩΓ ΕΘΑΒ-ΘΑΝΨ

Статьи и рецензии Михаила Ефимовича публиковали, начиная с 60-х годов в «Известиях», «Московском комсомольце», «Независимой газете», в журналах «Театр», «Огонек», и ни одна из этих публикаций не оставалась незамеченной. Многие спектакли своими постановками в театрах России обязаны острому слову театрального журналиста Михаила Швыдкого, ведущего телепрограмм «Театр и жизнь», «Портреты друзей», журналиста, более десяти лет проработавшего в журнале «Театр» (с 1977 года ответственным секретарем, с 1987-го – заместителем главного редактора). Он немало способствовал тому, чтобы многие пьесы, не востребованные в застойные времена по понятным причинам, наконец воплотились на сцене.

К мнению этого человека прислушиваются театральные критики, режиссеры театров, актеры, писатели, художники. Он – один из самых видных знатоков не только русского, но и мирового театра. Темой его кандидатской диссертации (1977) были собственные исследования в области английской исторической драмы XX века, и по сей день, уже без малого четверть века спустя, они не потеряли своей актуальности – на этот труд постоянно ссылаются исследователи английского театра. Михаил Ефимович изучил

традиции мирового театра второй половины XX века, и эти исследования стали темой его докторской диссертации (1991). Если ко всему сказанному добавить, что М.Е. Швыдкой – автор более десяти сценариев документально-художественных фильмов, среди которых кинокартины, посвященные Ю. Любимову, П. Бруку, П. Штайну, если напомнить, что он написал такие талантливые книги (театроведческие, но интересные и широкому читателю), как «Секреты одиноких комедиантов», «Заметки о зарубежном театре второй половины XX века», то становится понятным, почему имя ученого Михаила Швыдкого так почитаемо и уважаемо в театральном мире России и зарубежья.

Ученый, политик, Михаил Ефимович не нуждается в особом представлении, но все же я решил предварить этими строками нашу с ним беседу. А коль уж написал несколько слов о его научной и общественной работе, дополню свой набросок и штрихами биографии М. Швыдкого.

Родился Михаил Швыдкой пятьдесят три года назад в киргизском поселке Кант в семье профессионального военного, прошедшего всю Отечественную войну, он начинал солдатом, закончил полковником. Отец его родом из Подолии, из местечка Хмельник, знаменитого некогда учеными раввинами, но больше веселым нравом его обитателей.

Сам Михаил Ефимович сказал об отце так: «Папа – украинский советский еврей из Винницкой области, родился в 1912 году. Очень рано остался сиротой. Двенадцатилетним мальчишкой он уже работал шахтером в Донбассе. А потом – чисто советская биография: воевал, был офицером...».

Предки М. Швыдкого по материнской линии и сама мама родом из Одессы (может быть, этим и объясняется гуманитарный его талант?), ее девичья фамилия Блюммер.

Биография самого Михаила Ефимовича в определенном смысле тоже типично советская. Но это биография человека, к которому благосклонна судьба. Он всегда целенаправленно занимался только тем, к чему его влекло, то есть театроведением. Вскоре после окончания школы поступил на театроведческий факультет ГИТИСа, который окончил в 1971 году; потом в течение двух лет служил в рядах Вооруженных сил, а после демобилизации пришел в отдел критики журнала «Театр» и уже в ту пору был замечен не только театральными журналистами, но и работниками радио и телевидения. В конце 70-х – начале 80-х годов М. Швыдкой – обозреватель ведущих программ по вопросам культуры в СМИ... Глубокая, не поверхностная линия судьбы, складывающаяся по восходящей.

Михаил Ефимович Швыдкой принял меня в своем рабочем кабинете. Скромная обстановка этого кабинета, достойная простота его хозяина, его эрудиция, которая обнаруживается сразу и вдруг, – во всем отражается высокий вкус и истинная культура. И, конечно, мы встретились, чтобы поговорить об идишском театре в России.

– 12 августа 2001 года – очередна

я годовщина расстрела руководителей Еврейского антифашистского комитета, среди которых было немало деятелей еврейской культуры. В числе погибших был и Вениамин Зускин – ведущий актер ГОСЕТа. По большому счету, в тот день была расстреляна еврейская культура на идише в СССР. Что думаете вы о ГОСЕТе?

– Государственный еврейский театр принадлежит к числу самых увлекательных, но и самых трагических легенд советского театра, советской театральной истории. Его подчас переплетают, путают с театром «Габима», который в середине 20-х годов прошлого века вынужденно уехал за рубеж и обосновался в Израиле. Но судьба ГОСЕТа была иной, хотя он формировался в контексте тех же театральных исканий, в которых формировался и «Габима», в контексте исканий, которые были пробуждены революционным временем 20 – 30-х годов в советской России. Это было удивительное время – время пробуждения национального самосознания. Еврейство в революции обрело очень многое. Как известно, черту оседлости отменили после февральской революции, и именно после этого молодые еврейские революционеры стали задавать тон в политической и культурной жизни России.

Естественно, что у народа, который долгие десятилетия, даже столетия жил отверженным на территории Российской империи, возникла потребность в художественном самовыражении. И это предопределило рождение ГОСЕТа – театра, который, с одной стороны, впитывал все, что было в большой культуре, разумеется, и в классической еврейской литературе, возникшей за тысячелетия до новой эры; с другой стороны, он, конечно, выражал дух идишитской культуры, которая существовала в Европе, преимущественно в Германии, Польше, а позже – в России. Версии идиша в Европе были разными, а болгарские евреи, например, говорят на чистейшем кастильском наречии XIV – XV веков, которым они овладели перед тем, как их изгнали из Испании.

Идишитская культура в России – не то же самое, что в других странах Европы. Это живая культура, в которой было намешано всякое-разное. Заметный след в ней оставил образ юга России, Малороссии, что повлияло, безусловно, и на русскую литературу XX столетия. Эта новая идишитская культура рвалась навстречу новому зрителю, новой публике, однако по-прежнему говорящей на идише, публике, которая была заморожена новыми возможностями, открывшимися ей благодаря социалистической революции. Эта публика хотела осознать свое прошлое, но и в известном смысле проститься с ним.

– Разве прошлое не бессмертно?

– С точки зрения философии, наверное, это так. Но я хочу продолжить разговор о ГОСЕТе.

Трагедия этого театра была связана с трагедией евреев в Советской России. И это естественно: в Советском Союзе позже, уже во время войны, начиная с 1943 года, антисемитизм стал очень важной тенденцией в политической жизни. Вторая половина 40-х была отмечена знаменитыми процессами, связанными с космополитизмом, где евреям была уготована роль жертв.

Трагедия ГОСЕТа была еще и в том, что публика стала бояться ходить в этот театр. Мои родители и старшие коллеги вспоминают, как это было уже в 47-м – 48-м годах. Они боялись идентифицировать себя как евреев. Это вполне объяснимо, тем более после убийства Михоэлса, после того как был арестован Зускин и его товарищи, после разгрома Еврейского антифашистского комитета. И еще евреи стали стесняться собственного происхождения.

Напомню, что ГОСЕТ закрыли по удивительному определению: как театр, который не пользуется интересом у публики. Это явилось одним из самых серьезных аргументов, который выдвигался тогда, помимо всех прочих, связанных с идеологией:

публика перестала ходить, не для кого играть – этим и аргументировали закрытие театра. Конечно, это была трагедия и для евреев-зрителей, и для евреев-артистов.

Потом, в 50-е годы, после смерти Сталина, в особенности после того как стало ясно, что «дело врачей» сфабриковано, в годы хрущевской «оттепели» стали возникать маленькие «бродячие» труппы, они играли «Блуждающие звезды» и «Тевье-молочника» Шолом-Алейхема...

– Это напоминает о пуримшпиллерах, которые бродили по местечкам черты оседлости России...

– Ваша ассоциация не случайна. Но пуримшпиллеры были в лучшем положении, чем еврейские труппы, возникшие в конце 50-х – начале 60-х годов в СССР. Надо учесть, что они состояли из насмерть перепуганных, но все же оставшихся в живых артистов бывшего ГОСЕТа. Они играли, но уже никогда не достигали тех высот, какие были доступны им в том театре. Не было великих артистов, не было художественной идеологии, не было художников таких, как Тышлер или Альтман... Тогда они были еще живы, но уже никогда не работали с еврейским театром, с еврейскими актерами.

Возникновение гастролирующих еврейских коллективов не стало возрождением еврейского театра – это была трагедия угасания целой культуры. С моей точки зрения, сегодня идишистская культура не просто угасает, а исчезает. Она хранится как воспоминания, как обрывки фраз, как книги, которые давным-давно уже никто не читает.

– А как же игра в идишистскую культуру, возникшая в сегодняшней России? Эти бесконечные мероприятия, фестивали?

– В вашем вопросе есть ответ: это игра.

– Но ведь попытки возродить идиш и культуру на нем предпринимаются не только в России – еще в США, Израиле.

– С образованием Израиля стала пропагандироваться и развиваться ивритская культура, которая на самом деле к культуре русских евреев, к культуре идишистской имеет отношение очень отдаленное. Я никогда не забуду, как повел отца на спектакль «Закат» по пьесе Бабеля, поставленный Любимовым в театре «Габима». Театр этот приехал на гастроли в Москву из Израиля в конце 80-х годов. Мой отец, которому было тогда за восемьдесят, думал, что он, человек, понимающий идиш, может обойтись без переводчика, и он очень удивился, что не понял практически ни одного слова. Выйдя из театра, мы несколько минут шли молча. Но скоро отец задал мне вопрос, который был комичным и естественным одновременно: «Слушай, Миша, это – еврей?» – спросил он у меня про людей, которые приехали из Израиля. Для него, выросшего в местечке и прожившего жизнь советского человека, эти люди, приехавшие из Израиля, были непохожи на тех, к кому он привык с детства. И поэтому он задал такой вопрос.

– Вопрос вашего отца напомнил мне слова Экклезиаста: «Отчего прежние дни были лучше теперешних?» Что же делать? Может, создать какой-нибудь памятник, музей идишистской культуры?

– Идишистская культура умирает, и к этому надо относиться совершенно спокойно. Не надо жалеть о том, чего нельзя воскресить, – это ушло в прекрасное

небытие, где и должно оставаться. Любая искусственная культура, культура без подпитки, бессмысленна. Я думаю, что сегодня музей ГОСЕТа скорее может явиться частью музея Бахрушина. Все, что происходит с идишистской культурой, трансформируется в эдакий кабарежно-эпистолярный жанр, приятный, милый по-своему для ушей, для глаз, но никакого отношения к высокому искусству не имеющий, потому что нет естественной, национальной почвы. В России – это воспоминания об ушедшем, причем иногда сладостные воспоминания. Но это воспоминания о том, чего уже никогда не будет. Потому, быть может, эти воспоминания всегда так остры.

Воспоминания о ГОСЕТе могут быть интересны всем, независимо от национальности. Когда Зускин играл Шута, а Михоэлс – Лира, великий театровед Гордон Крэг удивлялся тому, что в России существует театр с таким пониманием Шекспира. Помните его слова: «Теперь мне ясно, почему в Англии нет настоящего Шекспира в театре. Потому что там нет такого актера, как Михоэлс». В этом историческая оценка роли ГОСЕТа, выше которой нет и не будет. Это не вернется никогда, потому что нет ни еврейской публики, ни еврейских артистов.

– ГОСЕТ – театр, возникший в России. Можно ли его, на ваш взгляд, считать театром русско-еврейским?

– Я уже говорил: то еврейское возрождение, которое возникло после революции, происходило в контексте русской культуры, русского театра, русской сцены. ГОСЕТ родился в Петрограде при содействии русской актрисы Марии Федоровны Андреевой. Не случайно и Зускин, и Михоэлс были дружны с великими русскими артистами. Не случайно и идишистская культура – это не просто острая восточная пластика, как у ивритского театра. В игре актеров ГОСЕТа присутствовало всегда нечто мягко-русское, постоянно связанное с психологией русской жизни.

Я думаю все-таки, что ГОСЕТ – это еврейский театр в России, русский еврейский театр. И он по праву принадлежит русской культуре.

– Как по-вашему, будет ли когда-то создан музей памяти погибших театров?

– Дело в том, что я сторонник общей экспозиции. В конечном итоге все театры были так или иначе подавляемы советской идеологией. Уничтожение русских театров – театра Таирова, театра Мейерхольда, равно как и театра Михоэлса, – это были настоящие убийства. Как феномен художника культуры ушедшей жизни эти театры заслуживают, быть может, особого внимания и уважения. Но я не думаю, что нужен специальный музей. Память об этих театрах будет сохранена в разных музеях, в том числе и в театральных. И не только в них.

– Конечно, мертвого не оживишь, и ГОСЕТ, и идишистская культура прочно заняли свои ниши в прошлом. Тогда какое будущее у евреев в России? Вы считаете, у них есть перспективы?

– У меня свой подход. Я – человек нерелигиозный, человек абсолютно русской культуры. Я еврей настолько, насколько это связано с общедемографическими процессами. Вот когда торжествует антисемитизм – я еврей, когда нет, я не идентифицирую себя с евреями. Только антисемитизм рождает во мне ответное еврейское чувство. Я всегда ощущаю себя меньшинством, когда принимают какое-либо

решение, стараюсь встать на сторону меньшинства, понять любую боль. Но вместе с тем я всегда чувствую себя представителем большой русской культуры.

Когда-то мой друг Гриша Горин сказал: «Евреи – странный народ: чем больше их уезжает, тем больше их остается». Евреев стало больше, они перестали бояться быть евреями, и это очень важно. Но я считаю, что культивирование того еврейства, которое связано с идишистской культурой, бессмысленно. Мы живем сегодня в демократическом обществе, в демократической стране, где я могу считать себя русским. Если люди хотят себя идентифицировать с евреями, с еврейской культурой – это счастье, это благо. Слава Б-гу, есть возможность идентифицировать себя не по воле чиновника, а по своей собственной воле, что очень важно.

– Ваши последние слова о демократическом обществе провоцируют меня на другой вопрос, также связанный с августом, но не 1952 года, а 91-го: близится десятилетие путча. Сейчас ваши взгляды на те августовские события такие же, или что-то изменилось?

– То, что свершилось, не могло не свершиться. Во многом это было связано с ощущением, что власть очень легко взять, власть «лежит» на улице. И каждый, кто проявит свою силу, ее захватит. Это путч на самом деле разрушил Советский Союз, а не политика Горбачева. Я уверен, что если б не было путча, то СССР можно было бы сохранить. Но история не знает сослагательного наклонения. Все оказалось очень трагично.

– Вы вспомнили о Горбачеве, а о Ельцине?

– Роль Ельцина трудно переоценить хотя бы потому, что он попытался сломать и сломал то ощущение тупого повиновения любой власти, которая заявляет, что она верховная. Победа над путчем – это еще один очень важный шаг в сторону от рабства, когда можно было сказать людям, объявившим себя властью: «Нет! Мы не будем повиноваться вам, как стадо баранов». И я думаю, это был самый важный урок путча, урок, который нужно помнить. Нужно хранить в памяти не только политические последствия августа 91-го, но и, что очень важно, психологические условия формирования гражданского общества в России. Гражданское общество рождается трудно. Десять лет – не исторический срок. Но я повторяю: построение демократического общества было бы невозможно без победы над путчем, одержанной благодаря самоотверженности народа. Люди не захотели возвращаться назад. Я уверен, что это важный урок для страны.

Размышляя над всем, сказанным в этой беседе Михаилом Ефимовичем Швыдким, человеком, знающим толк не только в театроведении, но и в истории, я прихожу к отчасти тривиальному и все же новому для себя выводу, что еврейский вопрос в России существует. И антисемитизм, о котором упоминал М. Швыдкой, существовал, существует и, увы, будет существовать, ибо, к сожалению, прав был Эйнштейн, заметив в беседе с Михоэлсом, что антисемитизм – это тень евреев. Тем не менее евреи, еврейские общины продолжают существовать во многих странах, куда наш народ занесли исторические события. В новых странах складывалась своя культура, нередко и новый язык. Все эти культуры оказывались временными, но след их – вечен...

Мне думается, что без великого поэта Иегуды Галеви, жившего в пору раннего средневековья в Испании, не было бы другого великого еврейского поэта Бялика, создававшего свои стихи в XX веке в России, равно как без пуримшпиллеров, появившихся в пору позднего средневековья в Западной Европе, не было бы театра ГОСЕТ, возникшего в XX веке в Восточной Европе – в России...

Àäë ááíííó Ì àò ááé Ááéçáð

БОРОТЬСЯ С АНТИСЕМИТИЗМОМ НЕ НАМЕРЕНА

17 мая депутат Государственной Думы Александр Федулов внес на рассмотрение коллег проект постановления о том, чтобы президенту России было направлено письмо, призывающее обратить внимание на проявления антисемитизма в стране и усилить борьбу с этим опасным явлением. Дума этот проект отклонила большинством голосов. Мы предлагаем вашему вниманию интервью с Александром Федуловым

– Как появилась идея «бросить» в парламент эту проблему и как вы оцениваете реакцию на нее?

– Дело в том, что у меня собралось множество обращений по вопросам национальных отношений, которые и воплотились в конкретный проект постановления. Когда я вносил этот проект в первый раз – это был ноябрь прошлого года, – то не думал, что он вызовет такую реакцию.

– Как официально называется этот проект?

– «Об обращении к президенту Российской Федерации». Предыдущий его вариант назывался «Об обращении к президенту РФ. Об осуждении проявлений антисемитизма, фашизма и национализма в Российской Федерации». Все эти понятия существуют в одной плоскости, отличаются только оттенки проявлений.

– Какова судьба первых проектов?

– За первые два проголосовало по 72 человека, третий поддержали 126 человек. Четвертый проект, который обсуждался 17 мая и был не до конца рассмотрен, получил 219 голосов. Чтобы его приняли, не хватило 6 голосов.

– Теперь проект вообще похоронен?

– Нет. Я встречался с председателем Комитета по делам национальностей и двумя его заместителями. От них пока не было конкретных предложений по данному проекту, но мы договорились, что они будут представлены.

В основе останется мой проект постановления. А что касается их предложений, то я попросил относительно проявлений антисемитизма конкретно указывать, какие организации в этом замечены, в каких средствах массовой информации они печатают свои антисемитские заявления и как реагирует на них государственная власть.

– Александр Михайлович, известно, что фашиствующие организации находят поддержку в органах юстиции, это почти не скрывается. Так, подавляющее большинство уголовных дел, явно свидетельствующих об антисемитских и нацистских проявлениях, суды не доводят до справедливого финала.

– Да, такая проблема есть. 7 марта 2001 года на свой запрос я получил непосредственно из Генеральной прокуратуры ответ за подписью заместителя генерального прокурора Колмогорова. Он сам приводит такой пример: прокуратурой Волгограда возбуждено уголовное дело по первой части статьи 74 по фактам публикации в газете «Колокол» материалов антисемитского характера. И вот обратите внимание: уголовное дело неоднократно прекращалось. Незаконные решения о прекращении таких дел отменялись, в том числе и Генеральной прокуратурой. То есть в субъектах Российской Федерации ситуация достаточно сложная, и мне кажется, что компетентные органы просто не желают надлежащим образом работать.

В том же письме генерального прокурора указано много подобных фактов. Например, в отношении публикации статьи «Катехизис еврея» в газете «Тюменская правда» (судя по названию, издание коммунистов. – В.П.) возбуждено уголовное дело по первой части статьи 282. Это дело дважды прекращалось «за отсутствием состава преступления». После моего депутатского запроса, изучения дела Генеральной прокуратурой незаконное решение о прекращении уголовного дела отменено.

И последнее. По моему депутатскому запросу уже три месяца решается вопрос о возбуждении уголовного дела по книге Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Пока результатов нет. Видя, что органы государственной власти надлежащим образом не реагируют на их деятельность, пронацистские организации все больше расползаются, по всей стране учащаются проявления антисемитизма. Мой проект постановления преследовал цель пресечь их. Государственная Дума должна была принять обращение к президенту для наведения конституционного порядка в сфере национальных отношений.

– Как вы оцениваете опасность для страны такого бездействия по отношению к пронацистским организациям?

– Я считаю, что недостаточные действия в этом направлении могут привести к повторению трагедии, случившейся в начале 30-х годов прошлого века в Германии. Демократия, а также социально-экономическая и политическая среда при отсутствии адекватной реакции государственной власти на их действия такого рода дают возможность фашиствующим элементам усиливать свое влияние. К сожалению, многие не понимают, какая огромная опасность лежит в основе националистических теорий.

– И все-таки положительная динамика в голосовании Думы есть...

– Положительная динамика, конечно, есть. 219 депутатов соглашаются обратиться к Президенту, следовательно, они признают, что на территории России существует проблема, связанная и с антисемитизмом, и с фашизмом. Да и как не признать, если в проекте Постановления приводятся такие ужасающие факты, как обстрел синагоги в Боровичах Новгородской области, поджог еврейского детского сада в Калининграде, неонацистский дебош в еврейской воскресной школе, осквернение кладбищ и синагог в Астрахани, Нижнем Новгороде, Биробиджане и т.д.

Кроме того, в этом проекте сказано, что Государственная Дума скорбит о жертвах Холокоста, войн и межнациональных конфликтов, иначе говоря, Холокост, если этот проект пройдет, будет признан на государственном уровне. Если Государственная Дума проявит высокую гражданственность и примет это обращение, на государственном уровне будет признана и проблема антисемитизма.

– Нетрудно, наверно, спрогнозировать и международную реакцию на нынешнее решение парламента...

– Конечно. И хотя мы договорились с Комитетом по делам национальностей совместно доработать мой проект, у меня есть опасения, как бы совместная доработка не удушила сам проект и не привела к тому, что те силы, которые консолидировались вокруг его принятия, будут разбиты. Не преследует ли Комитет по делам национальностей именно эту цель, скоро станет ясно.

– Какие аргументы высказывались против вашего проекта?

– Как всегда в аппаратной игре: «субъективное мнение Федулова», «проект сырой» – и ничего конкретного. Доходило до абсурда, противники говорили: «Давайте включим в проект русофобию, сионизм...» Я спрашиваю: «А знаете, что эти понятия означают?». В ответ молчание. Вопрос снят. За подобными предложениями стоит отсутствие определенного уровня культуры. А претензий содержательного характера не было. Было просто желание заблокировать принятие проекта. В принципе такое желание сохраняется.

– Представители каких фракций в основном голосовали против вашего проекта?

– КПРФ, Аграрная партия.

– И ЛДПР?

– ЛДПР, как страус в песке.

Не голосует, но тем самым поддерживает. Я благодарен за стойкую позитивную позицию фракциям «Яблоко», «СПС». Активизировалось в плане поддержки «Единство», консолидировано проголосовало за принятие проекта, тогда как ранее выступало против. Это уже шаг вперед. Значительная часть «Народного депутата» и «Регионов России» тоже проголосовала «за».

– Хотя не хватило вроде всего-то 6 голосов, судя по всему, перспективы не слишком радужные...

– Я продолжаю надеяться. В противном случае в четвертый раз не вносил бы проект. Но я внесу его в пятый и, если не получится, в шестой раз. Я из тех, кто борется до конца и не считает нужным сдаваться.

– Александр Михайлович, как вы полагаете, если Дума не приняла официальное обращение, должен ли президент, зная об этом наболевшем вопросе, сам вмешаться и принять решительные меры?

– Я думаю, что президент должен был сам вмешаться. Результаты обсуждения ему известны.

Немного арифметики. За проект А.М. Федулова было подано 219 голосов, чтобы он прошел не хватило 6. Провал проекта Федулов объясняет тем, что против него проголосовали левые депутаты. Но фракция КПРФ насчитывает 85 депутатов, Аграрная группа – 42. Даже если к ним присоединилась количественно ничтожная фракция ЛДПР (13 человек), списочный состав депутатов перечисленных объединений всего 140 человек. Чтобы «завалить» проект Федулова необходимо было еще примерно столько же проголосовавших против и воздержавшихся.

Фракции «Яблоко» и «СПС» солидарно голосовали за предложение Федулова. Значит, необходимые голоса против проекта подали, в основном, вчерашние партайгеноссен коммунистов, которые, в отличие от своих ортодоксальных и туго соображающих товарищей, вовремя сориентировались и составили солидную часть фракции «Единство», групп «Народный депутат» и «Регионы России».

В середине июня еще одна попытка Федулова добиться согласия Думы потерпела провал: большая часть российских парламентариев не посчитала нужным бороться с рецидивами национал-социализма в российском варианте. Вряд ли Владимир Путин разделяет их мнение, однако конструктивно вмешаться в ситуацию президент пока не спешит, возможно опасаясь растерять какую-то часть своей популярности.

Необходимо заметить: даже десятой доли высказываний в антисемитских публикациях некоторых российских печатных органов с лихвой хватило бы западным судам для вынесения обвинительного приговора. Однако в нашей стране для лингвистической оценки опубликованных текстов специально подбираются такие эксперты, которые, к примеру, словосочетание «жидовская морда» способны трактовать как дружеское обращение.

Среди порядочных людей принято не подавать антисемитам руку. Из элементарной брезгливости. Хорошо бы в цивилизованных странах мира и, конечно же, в нашей, все же устремившейся на путь цивилизованного развития, помнили об этом постоянно.

Αἰνῆσθε τὸν Ἰησοῦν τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου ὁ ὢν ἡ κεφαλὴ τῆς ἐκκλησίας

Ἐξ ἰσχυρῶν ἐστὶν ἡ βασιλεία αὐτοῦ

ПОД ЗНАКОМ СВАСТИКИ

16 июня группа молодых людей черной краской разрисовала свастиками стены и дверь Волгоградского общинного центра. Большие черные свастики и перечеркнутая звезда Давида «украсили» здание в самом центре города-героя Сталинграда, построенного на костях наших отцов и дедов, погибших

в борьбе с фашизмом. Особенно вопиющим выглядел этот факт в преддверии 60-летия с начала Великой Отечественной войны.

Еврейская община Волгограда обратилась в милицию с заявлением о возбуждении уголовного дела. Ведь это не единичный случай: подобные «творения» молодых «художников» украшают то здесь, то там городские стены и заборы.

А недавно был осквернен памятник Якову Ерману. Состояние межнациональных отношений в регионе вызывает серьезное беспокойство.

А. Хаседеица, Агеева

ПАРАДОКСЫ ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Béîá Ýòèíãîð

После погрома. Художник Й.Матлер.

Трагедия лета 1941 года в маленьком польском городке близ восточной границы Польши Едвабне весной нынешнего года взбудоражила всю Польшу, напомнив о черной странице ее истории. Это связано с тем, что в прошлом году польский историк Ян Томаш Гросс, живущий в Нью-Йорке опубликовал очерк «Лето 1941-го в Едвабне», в котором со слов очевидца рассказал об уничтожении поляками евреев этого городка, затем вышла его книга «Соседи» с подробным описанием этого преступления.

До войны в Едвабне проживало 1600 евреев – это было 60 процентов населения городка. В начале войны, в понедельник 23 июня 1941 года, в городок вошли немецкие войска, а 25 июня поляки приступили к еврейским погромам. Они убивали своих соседей топорами, протыкали вилами, вырезали им языки, выкалывали глаза, топили в пруду, рубили головы. Простые обыватели играли в футбол отрезанной головой учителя иврита.

Местный ксендз отказался остановить кровопролитие, потому что считал всех евреев коммунистами. Было и негласное одобрение местных поляков, «согласовавших» погром с немцами.

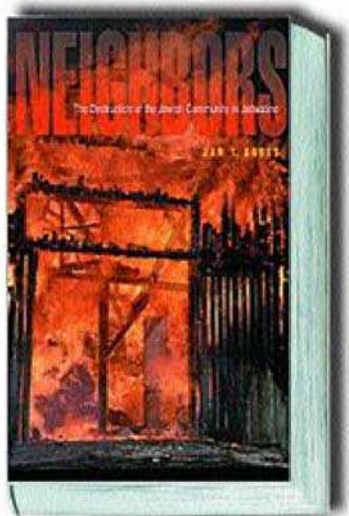
10 июля гитлеровцы отдали приказ об уничтожении всех оставшихся в живых евреев, и исполнителями этого приказа стали поляки. Они согнали евреев на

центральную площадь, а затем повели их в сарай на окраине городка, куда раньше уже побросали тела растерзанных жертв. Там и сожгли всех вместе, живых и мертвых. По дороге к месту сожжения поляки постарались сделать шествие евреев шутовским. Их построили в колонны по четыре во главе с девятистолетним раввином, которого заставили нести красное знамя, принудили играть оркестр, заглушавший крики жертв... Местная жительница Антонина Выжиковская спрятала семерых евреев от расправы. Позднее ей пришлось скрываться, опасаясь мести своих земляков, после того, как они избili ее за сострадание к евреям. И все это сделали не нацистские захватчики, а самые обычные жители, многие годы мирно сосуществовавшие со своими еврейскими соседями.

Поляки искали виноватых в советской оккупации в 1939 году, которая повлекла за собой аресты поляков органами НКВД.

До недавнего времени на месте захоронения евреев стоял памятник, надпись на котором сообщала о зверском акте гитлеровцев. Сейчас установлен новый памятник с надписью: «Памяти евреев, убитых и сожженных 10 июля 1941 года».

Следует, однако отметить, что спустя четыре года после войны, в мае 49-го года, в Ломже состоялся процесс, в результате которого большая часть обвиняемых получила от 8 до 15 лет тюрьмы, а один был приговорен к расстрелу, но позднее приговор заменили 15 годами лишения свободы. Сам процесс прошел без огласки, в печати о нем ничего не сообщалось, и в стране об этом практически никто не знал.

Книга Яна Томаша Гросса «Соседи».

Расправа в Едвабне не была единичным случаем. Польская газета «Жечпосполита» писала 5 мая 2000 года, что истребление еврейского населения руками местных поляков проводилась также в Радзивиллове, где было убито 650 евреев, и в Вонсоши, и в Визне. Численность уничтоженных в последних двух местечках газета не приводила.

Поляки расправлялись с евреями и в других местах. Об одном из них – Рожанах – рассказал известный публицист и писатель Матвей Гейзер, узнав об этом из беседы с выдающимся политическим деятелем Израиля, бывшим премьер-министром Ицхаком Шамиром («Лехаим», № 3, 2001).

В ноябре 2000 года был арестован по обвинению в соучастии в геноциде евреев 77-летний житель Щецина – единственный из восьми поляков, которые вместе с немцами входили в команду лагеря массового уничтожения евреев в Хелмно-на-Нере. Там были удушены газом и сожжены свыше 300 тысяч человек. Дело расследовалось дважды, в 1945 и в 1963 годах, но оба раза было закрыто («Жечпосполита», 4-5 ноября 2000 г.).

Антисемитские настроения в Польше оставались и после Второй мировой войны. 4 июля 1946 года в городе Кельцы произошел погром со многими жертвами. В 1952 году, находясь в сталинском лагере на севере страны, я познакомился с одним пожилым евреем, который был свидетелем этого погрома, а затем спустя несколько лет каким-то образом оказался в руках советских органов безопасности. Он рассказывал мне о диких бесчинствах поляков в Кельцах в отношении местных евреев, чудом уцелевших в годы оккупации.

Нельзя не признать, что антисемитские настроения в Польше подогревал тот факт, что в состав польского руководства входили несколько евреев – Якуб Берман и Хиляри Минц. Кроме того, несколько евреев было в органах безопасности на ответственных постах, и это обстоятельство ловко использовалось антисемитскими элементами.

В середине 60-х в Польше была развязана злобная антисемитская кампания по инициативе партийного руководства во главе с тогдашним первым секретарем Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии Владиславом Гомулкой. Многие оставшиеся в живых евреи, в основном представители интеллигенции, вынуждены были покинуть Польшу. По всей стране проходили массовые митинги, организованные властями, на которых раздавались призывы «очистить Польшу от евреев-сионистов». Мне довелось в это время быть в научной командировке в Варшаве, так что я сам был свидетелем этой позорной антисемитской вакханалии. В отдельных местах с евреями расправлялись физически.

Новый всплеск антисемитской кампании произошел в 70-е годы. Входившая в состав руководства Польской объединенной рабочей партии группа так называемых «партизан» во главе с генералом Мечиславом Мочаром стала всячески раздувать ненависть к евреям, хотя их в то время оставалось в стране всего несколько десятков тысяч, и они практически не играли никакой роли в политической жизни. Именно тогда мировая печать заговорила о специфическом польском феномене – «антисемитизме без евреев».

После падения коммунистического режима были преданы огласке многие факты о роли некоторых нынешних польских политических деятелей в раздувании антисемитской кампании

60-х – 70-х годов. Весной 2001 года «Газета Польска» сообщила, что Анджей Майковский, министр канцелярии нынешнего президента Александра Квасьневского, отвечающий за его международные контакты, был организатором гонений на евреев в высших учебных заведениях Варшавы в марте 1968 года. Так, в своем докладе на заседании актива Союза социалистической молодежи его тогдашний генеральный секретарь Анджей Майковский призвал к «очищению партии и государственного аппарата от сионистов и ревизионистов». После публикации он вынужден был признаться, что «дал себя использовать в развернутой тогда кампании». Депутаты сейма от «Солидарности» потребовали отставки Майковского, но он заявил, что не собирается

уходить со своего поста, а его доклад более чем тридцатилетней давности является «ошибкой молодости».

Советнику президента по делам национальных меньшинств Казимежу Моравскому припомнили статью, написанную в 1968 году, в которой он «представил причины, цели и методы антипольской кампании, ведущейся мировыми сионистскими центрами». Он вынужден был подать в отставку.

Советник по международным делам, бывший член политбюро ЦК ПОРП Станислав Чосек, семь лет проработавший в 90-х годах послом в Москве, оказался автором письма Главного совета Союза польских студентов, вице-президентом которого он был, Владиславу Гомулке, в котором выражалось «осуждение развязанной силами сионизма... кампании против Польши». В письме студенты обещали не допустить, чтобы «враги Польши – реакция, сионизм и империализм – нарушали спокойствие, так необходимое в созидательном труде». Чосек не стал отпираться, предоставив президенту право решать судьбу его дальнейшей карьеры. Он заявил, что публикацию «Газеты Польской» в отношении него «стоит читать в контексте тогдашних реалий, а не сегодняшнего дня».

Антисемитская пропаганда, которая велась в Польше на официальном уровне в течение многих лет, дала свои «плоды». 49,2 процента поляков сейчас считают: хорошо, что ныне в Польше меньше евреев, чем было когда-то. Противоположного мнения придерживаются 11,6 процента.

47,2 процента согласны с тем, что у евреев в Польше слишком большое влияние, не согласны с этим мнением 36,2. 72,4 процента против того, чтобы просить прощения у еврейского народа; 12,8 процента считают, что это надо сделать («Новая Польша», № 3, 2001).

Неудивительно, что антисемитские эксцессы в Польше продолжают и по сей день. Так, 11 ноября 2000 года, в день Независимости страны, в нескольких городах прошли демонстрации скинхедов, националистов и неонацистов, которые по сложившейся традиции выкрикивали: «Евреи, вон из Польши!» – и сжигали флаги Израиля. Как и каждый год, главари экстремистских группировок в очередной раз известили местные власти о планируемых демонстрациях, а чиновники, как всегда, не нашли основания их запретить. Так же традиционно не реагировала на фашистские выходки полиция, не получившая никаких приказаний от начальства, которое утверждало, как обычно, что раз демонстрация легальная, прерывать ее нельзя. Однако, как отмечает газета «Впрост» от 26 ноября 2000 года, 90 процентов поляков все же против разрешения подобных демонстраций, а 85 – за то, чтобы наказывать распространение высказываний фашистского толка.

Удивление и возмущение во всем мире вызвало решение главы местной администрации Освенцима, позволившего открыть дискотеку в здании бывшего кожевенного завода, где во время немецкой оккупации сортировали волосы евреев – жертв массового уничтожения. И лишь после многочисленных протестов, прежде всего в еврейских кругах и в Израиле, это решение было отменено. А 8 мая 2001 года в Освенциме было осквернено еврейское кладбище – на 15 памятниках сделаны надписи с нацистской символикой. В том числе на памятнике последнего еврея, жившего в Освенциме, Семена Крюгера.

Зарегистрированная в 1999 году организация «Национальное возрождение Польши» в своей идейной декларации заявила: «Евреи из Польши будут удалены, их имущество ликвидировано. Планомерное и радикальное удаление евреев – это последний этап политики по еврейскому вопросу». В связи с этим газета «Впрост» писала 14 мая 2000 года: «Как возможна деятельность НВП, если наша конституция гласит: “Запрещается существование партий и других организаций, опирающихся в своих программах на тоталитарные методы и практику нацизма, фашизма и коммунизма, а также тех, программа которых предполагает или допускает расовую или национальную ненависть”. Куда смотрят прокуратура и министр юстиции?»

Жертвой антисемитских эксцессов стал Марек Эдельман – последний оставшийся в живых член штаба восстания в Варшавском гетто весной 1943 года.

В этих условиях опубликование книги Яна Томаша Гросса вызвало колоссальный шок среди польской и международной общественности. Трудно было представить, что поляки, так пострадавшие в годы нацистской оккупации – погибло почти 3 миллиона человек – участвовали в уничтожении евреев. «В нашей истории тоже есть темные пятна, и мы не можем их дальше замалчивать, как бы это ни было для нас больно, – заявил в начале апреля 2001 года президент Польши Александр Квасьневский израильской газете “Едиот Ахронот”. – Все тайны прошлого должны быть открыты. Подобные страшные события могут иметь разное происхождение, но не должно быть забыто главное: массовые убийства евреев поляками. Евреи должны услышать из наших уст, из уст поляков, просьбу о прощении». Квасьневский признался в этом интервью, что не мог осилить более двух страниц в день, когда читал книгу «Соседи», – до такой степени его шокировали подробности погрома.

Ян Новак-Езеранский, один из героев антинацистского сопротивления, солдат Армии Крайовой, знаменитый связной между польским подпольем и польским правительством в изгнании, писал: «Неопровержим факт, что стариков и детей, мужчин и женщин в Едвабне с невероятной жестокостью убивали поляки... Если мы ждем от других удовлетворения за преступления против Польши и поляков, мы должны и сами проявить готовность дать удовлетворение за зло, причиненное ближним... Если мы добивались от России признания в Катыньском преступлении, оглашения имен виновников и обстоятельств уничтожения безоружных польских военнопленных в Катыньском лесу и других местах, то мы не можем выдвигать претензии к автору книги “Соседи” за то, что 60 лет спустя он установил и подтвердил документами массовое убийство, совершенное поляками в Едвабне, убийство, о котором мы предпочитали бы не помнить и не знать» («Жечпосполита», 26 января 2001 г.).

Варшавское гетто в огне. Апрель 1943.

Не могла не отреагировать на книгу и польская католическая церковь. 27 мая 2001 года высший клир во главе с главой католической церкви кардиналом Йозефом Глемпом на специальной церемонии извинился перед еврейской общиной Польши «за преступления, которые имели место в июне 1941 года в Едвабне и других местах». Кардинал отдельно извинился за терпимость церкви в отношении Холокоста.

Многие иностранные наблюдатели считают, что важнейшую роль в решении польской католической церкви сыграл бывший кардинал Кароль Войтыла, ныне Папа Римский Иоанн Павел II, недавно публично извинившийся за антисемитизм перед евреями от имени всех католиков.

Следует однако отметить, что не все иерархи польской католической церкви солидарны с Йозефом Глемпом. Так, епископ Ломжи Станислав Стефанек обвинил евреев в попытке извлечь материальную выгоду из тех далеких событий и назвал сведения о погроме «тщательно подготовленной провокацией». А польская националистическая экстремистская группа – «Ассоциация противодействия антипольской деятельности» подала апелляцию на решение прокуратуры страны отказаться от расследования обвинений, выдвинутых против поляков в недавних публикациях во многих мировых и польских СМИ, посвященных зверским расправам над евреями в 1941 году, поскольку прокуратура считает, что нет предмета для расследования, так как убийства евреев не вызывают сомнений.

Тем временем новый общественный Институт национальной памяти уже начал опрашивать свидетелей по факту массового уничтожения еврейского населения в Едвабне.

10 июля на траурной церемонии в Едвабне, посвященной 60-летию погрома, при большом стечении людей президент Польши Александр Квасьневский от себя лично и от имени тех поляков, которые переживают боль и стыд за эту трагедию, попросил прощения у еврейского народа. Он подчеркнул, что это самый трудный шаг за годы его президентства.

Но сказать только о том, что какая-то часть поляков виновна в истреблении евреев в Польше в годы войны, это значит сказать не всю правду о польско-еврейских отношениях. Польша была первой страной в Европе, оказавшей вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии. Ни одно воинское подразделение под польским флагом не сражалось на стороне Германии. Польша была единственной оккупированной нацистами европейской страной, в которой не было марионеточного правительства. Поляки сражались в армиях антигитлеровской коалиции, а в самой стране существовало широкое движение сопротивления, активно действовало вооруженное подполье. Все польские политические силы – от правых до левых – вели упорную борьбу против нацистов. Польские правые организации, в отличие от большинства стран Европы, не встали на путь сотрудничества с нацистами несмотря на существование в Польше довольно стойкой антиеврейской традиции.

«Польские антисемиты сражались против Гитлера, а некоторые из них даже участвовали в акциях спасения евреев, хотя за это им грозила смерть, – подчеркивает известный польский публицист и политолог еврейского происхождения, главный редактор “Газеты выборчей” Адам Михник, – так возник специфический польский парадокс: на оккупированной польской земле можно было одновременно быть антисемитом, героем антигитлеровского сопротивления и участником операций по спасению евреев» («Общая газета», № 18, 2001). Адам Михник пишет, что несколько лет назад известный польский интеллектуал Ян Блоньский опубликовал в еженедельнике «Тыгодник повшехны» эссе именно об этом парадоксе. Он напомнил о громком воззвании католического фронта возрождения Польши, написанном католической писательницей Зофией Коссак-Шчуцкой. В этом воззвании, прозвучавшем в августе 1942 года, говорилось: «В Варшавском гетто, отделенном стеной от мира, несколько сот тысяч смертников ждут смерти. У них нет надежды на спасение. К ним никто не придет на помощь. Количество убитых евреев перевалило за миллион, и эта цифра увеличивается с каждым днем. Гибнут все. Богатые и бедные, старцы, женщины, мужчины, молодежь, грудные дети... Они виновны лишь в том, что родились евреями, приговоренными Гитлером к уничтожению. Мир глядит на эти преступления, самые страшные из всех, что видела история, и молчит... Дальше нельзя терпеть. Тот, кто молчит перед фактом убийства, тот сам становится пособником убийцы. Кто не осуждает – тот разрешает. Поэтому поднимем голос мы, поляки-католики». Но далее польская писательница заявляет: «Наши чувства в отношении евреев не изменятся. Мы по-прежнему считаем их политическими, экономическими и идейными врагами Польши. Более того, мы отдаем себе отчет в том, что они ненавидят нас больше, чем немцев, что возлагают на нас вину за свое несчастье. Почему, на каком основании, – это остается тайной еврейской души, неустанно подтверждаемой фактами. Осознание этих чувств не освобождает нас от обязанности осудить преступления... В упорном молчании международного еврейского сообщества, в увертках немецкой пропаганды, стремящейся сбросить вину за резню евреев на литовцев и поляков, мы чувствуем враждебную для нас акцию». Адам Михник подчеркивает, что «это воззвание иллюстрирует парадокс польского отношения к погибающим евреям».

Но поляки, спасавшие евреев, меньше всего исходили из концепции Зофии Коссак-Шчуцкой. Среди Праведников народов мира – это почетное звание присваивается Национальным институтом памяти Катастрофы и Героизма Яд-Вашем в Иерусалиме лицам, спасавшим евреев в годы нацистской оккупации, – поляки занимают первое место. На 1 января 1992 года из 9949 праведников 3558 были поляками. На сегодняшний день, как 10 июля сказал на церемонии в Едвабне посол Израиля в Польше, поляки составляют третью часть всех Праведников народов мира.

Президент Польши Александр Квасьневский на траурной церемонии в Едвабне, посвященной 60-летию погрома. 10 июля 2001 года.

Среди тех, кто оказывал помощь в спасении евреев, была семья нынешнего Папы Иоанна Павла II. Владислав Бартошевский, выдающийся государственный деятель современной Польши, нынешний министр иностранных дел, писатель, узник Освенцима и сталинизма, активный участник Варшавского восстания в 1944 году, в годы оккупации был одним из организаторов «Комитета помощи для спасения евреев». В Израиле он удостоен звания Праведника народов мира. Другой известный польский политический деятель и дипломат – Ян Карский, участник движения сопротивления, неоднократно проникал в Варшавское гетто, где собирал информацию об истреблении нацистами евреев, которую затем передавал польскому правительству в Лондоне и союзникам. Он писал: «Тысячи и тысячи евреев участвовали в подпольном сопротивлении,.. но они скрывали свое еврейское происхождение, чтобы не подвергать себя двойному риску. После войны я узнал, что мой непосредственный начальник, Ежи Маковецкий – еврейского происхождения. Я нередко с ним виделся... Он не хотел, чтобы даже я знал о том, что он как-то связан с евреями. Это было вдвойне опасно» («Воля», № 6-7, 1997).

Замечания Яна Карского подтверждают слова Адама Михника, что участники антигитлеровского сопротивления часто были антисемитами, и евреи, боровшиеся в подполье против нацистов, вынуждены были скрывать свою национальность. Ян Карский настаивал на более активных действиях против нацистов, в частности на «бомбардировках возмездия», призывал союзников разбомбить железнодорожные пути, ведущие к Освенциму, а также газовые камеры и крематории. Как отмечал заместитель директора Королевского колледжа в Лондоне И.Д. Гейсфорд, «влиятельным людям, близким к президенту Рузвельту и премьер-министру Черчиллю, трудно было понять, что отчеты Карского – не преувеличение, и они отказались ему верить» («Воля», № 6–7, 1997).

После войны Ян Карский поселился в США, он стал одним из выдающихся ученых, специалистом по Восточной Европе и международным отношениям. За свои заслуги перед еврейским народом он удостоен звания Праведник народов мира.

Помощь, оказанная польскими антифашистами евреям в годы войны, – одна из светлых страниц в истории Польши. И нельзя не согласиться со словами Адама

Михника, что «тот, кто пытается вырвать преступление в Едвабне из контекста эпохи и построить на нем некое обобщение, тот, кто утверждает, что так вели себя только поляки и все поляки, – тот насаждает ложь такую же мерзкую, как многолетнее вранье о преступлении в Едвабне».

ДОЛЯ ПРАВДЫ В СКАЗКЕ О ЕВРЕЙСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ?

Àëàéñàí äð Ñèí àëíí èéíá

Ëç í àèçñàí í íé éí èã

В легенду о еврейской солидарности, где правда смешана с вымыслом, верят не только те, кто не любит евреев и считает целью еврейской солидарности захват власти над всем миром, но и те, кто симпатизирует евреям и считает, что другие народы должны брать с них пример взаимопомощи. На практике же солидарность евреев всегда была не наступательной, а оборонительной, причем ее не хватало даже для того, чтобы удержать тех, кто бежал от погромов, от возвращения туда, где погибли их родные.

Ëòí àáñ ò íééàé, í áñ: àñ ò í ú á ñ á ð à ò úñ,

Ëà ò è í à ç à á - é ì ó: è ò à ä ý ì á í á ú ò ú ÿ?

× ò í á á ñ á ð à ò ú ÿ è ç ç à ì é í ò ò í á é ð á á,

Ñ ò í ÿ ò ú á ð ï ð í á á ñ á ð á á ç à á ð á á.

(Ñ ò è õ è á á ò í ð à)

В средние века еврейская солидарность была сильнее нынешней, но и тогда она принимала общенародный национально-религиозный характер лишь в ответ на самые жестокие гонения. Когда они прекращались, солидарность сводилась в основном к защите экономических интересов общины (а не всего народа). В крупнейших общинах проживало по несколько сотен семей. Все члены общины хорошо знали друг друга, а

нередко и состояли в родстве. Еврей помогал еврею не просто как единоверцу, а как соседу, другу или родственнику.

Община эффективно защищалась не столько от преследований со стороны неевреев (от них можно было откупаться), сколько от проникновения «чужих» евреев, в которых старожилы видели лишь конкурентов. В XII веке еврейские общины Франции ввели закон о запрете поселения. Затем его приняли евреи в Италии, Германии, Чехии, Польше, Литве и других странах. Этот закон запрещал «пришлым» евреям вступать в еврейскую общину другого города без разрешения ее правления – кагала. Обычно разрешение давали только тем, кто платил кагалу крупную сумму за право водворения. Кроме того, общины не только принимали, но и специально приглашали иногородних раввинов – считалось, что раввин из числа местных жителей не может быть беспристрастным арбитром в тяжбах между ними. Высшая религиозная школа – иешива, принимающая только местных жителей, не имела бы авторитета в еврейском мире. Поэтому большинство учащихся иешив всегда, как и в наше время, составляли приезжие.

Закон о запрете поселения мешал евреям поголовно эмигрировать из регионов, где отношение окружающего населения к ним было крайне враждебным, в те местности, где к ним относились с большей терпимостью. Как правило, этот закон не применялся к евреям, покинувшим родные места вследствие погрома или изгнания. Общины обычно давали приют лишь тем, кто уже пострадал. Если же над евреями в каком-либо городе или стране только сгущались грозовые тучи (то есть издавались новые антиеврейские законы, шли слухи о готовящемся погроме и т. п.) и они хотели уйти в более спокойные места до того, как грянет гром, шансов на прием еврейскими общинами, находящимися в этих местах, было немного. А когда гром, то есть погром, уже разразился, бежать было нелегко.

Но и те, кому удавалось бежать, считались лишь временными и неполноправными членами приютивших их общин. Их принимали с условием не нарушать «хазоку», то есть монополию старожилов на аренду жилья и «доходных мест» (например, шинка или корчмы). Если другой еврей претендовал на ту же аренду, предлагая хозяину больше денег, такое посягательство строго наказывалось – вплоть до отлучения. Законы о «хазоке» были направлены в основном против пришлых евреев, которые нуждались в жилье и заработках.

В 1648 году на Украине вспыхнуло восстание крестьян и казаков под руководством Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой (Польша и Литва). Оно сопровождалось резней панов и евреев, многие из которых были арендаторами, – управителями панских имений. Евреев (причем отнюдь не только арендаторов), захваченных мятежниками, забивали палками насмерть, поджаривали на углях, сдирали кожу с живых. Счастьем было попасть в руки крымских татар – союзников Хмельницкого. Они уводили пленных в Турцию и потом отпускали за выкуп. В 1652 году Натан Ганновер – свидетель и летописец ужасов Хмельничины, писал, что турецкие евреи не только выкупают из плена своих украинских единоверцев, но и содержат их за свой счет «по сей день», то есть уже три-четыре года. Бедные и пострадавшие от войны общины Польши и Литвы не имели таких возможностей для оказания помощи беглецам, как богатые общины Турции и других стран – от Голландии до Египта.

Когда беглецы с Украины хлынули в Литву (в состав которой в то время входила и Белоруссия), Ваад – высший орган еврейского самоуправления этой страны – предоставил им приют. Две тысячи самых нуждающихся беженцев были приняты на

содержание литовскими общинами в течение нескольких месяцев. Тысячи беглецов нашли убежище в общинах Польши, Чехии, Германии и других стран, хотя эти общины в нормальных условиях почти не принимали «чужих».

Однако беженцы, как правило, рассматривались принявшими их общинами в качестве «бедных родственников», которым из милости предоставляли кров, пищу и одежду, но не позволяли конкурировать с местными жителями и вести свое дело. Они должны были наниматься на работу к местным евреям за очень низкую плату, снимать комнаты в их домах и не имели права на прямые деловые отношения с христианскими домовладельцами, работодателями и заказчиками. Со временем многие беженцы все-таки становились полноправными членами общин. Другим это не удавалось, и они возвращались туда, откуда бежали.

Осенью 1648 года евреи из общин Западной Украины, разгромленных войсками Хмельницкого при поддержке части местного населения, бежали в Польшу. Но уже зимой 1648–1649 гг. тысячи беженцев, которые не имели средств на жизнь в чужих краях и не могли рассчитывать ни на «хазоку», ни на длительную помощь от приютивших их общин, вернулись в свои родные города и местечки, поверив ложному слуху о скором заключении мира. Весной 1649 года казацкие отряды вновь вторглись в Западную Украину, и некоторые только что восстановленные общины опять подверглись нападениям.

В августе 1649 года Хмельницкий заключил с поляками Зборовский договор, предоставивший автономию Украине и запретивший евреям жить и торговать в этой стране. Но почему казацкие полковники, на чьих саблях еще не высохла еврейская кровь, требовали вписать эту статью в договор? Неужели они думали, что евреи вернутся к убийцам своих родных?

В 1651 году война возобновилась, и казаки потерпели поражение. Затем был заключен Белоцерковский договор, урезавший украинскую автономию. Евреям разрешили вернуться на Украину на тех же правах, какие у них были до 1648 года. Но почему польские паны добивались включения такой статьи в договор? Конечно, они нуждались в арендаторах для управления своими деревнями. Но зная об участи замученных евреев, как могли они верить, что евреи вернутся на Украину в роли ненавистных крестьянам арендаторов независимо от того, будет ли им это разрешено или запрещено?

Паны сталкивались с «хазокой», когда хотели заменить одних арендаторов другими. Кроме того, литовский Ваад рекомендовал кагалам в тех случаях, когда окажется невозможным принудить пришлых евреев к отъезду «властью Израиля», обращаться за содействием к христианским властям. Эти просьбы охотно удовлетворялись – речь шла о бедных евреях, от которых паны не ждали никакой выгоды.

Оборотная сторона страницы из pinkosa «Ваад четырех стран».

Все знали, что евреи, бежавшие в Польшу и Литву, не смогут долго там оставаться. Поэтому Хмельницкий добился включения в Зборовский договор антиеврейской статьи. Ведь его «гетманат» формально оставался частью Речи Посполитой, а евреи были польскими подданными, и для запрета им жить в какой-либо местности требовалась привилегия «недопущения иудеев», которую и получила Украина в виде данной статьи. Хмельницкий понимал, что из-за расправ над вернувшимися евреями поляки могут обвинить украинцев в несоблюдении договора и под этим предлогом сами станут нарушать те его статьи, которые им не нравились. Было важно, чтобы возвращение евреев даже с польской точки зрения считалось незаконным. Зборовский договор действовал лишь полтора года, Белоцерковский – 8 месяцев. Евреи не успели вернуться за это время на Украину в массовом порядке.

Литовский Ваад распределял беженцев по общинам, обязывал кагалыные власти обеспечить им бесплатное питание. Но Ваад постановил, что даже живущие на собственные средства люди, которым удалось спасти не только свою жизнь, но и свои деньги, могут оставаться в принявших их общинах в течение «по крайней мере» одного года. В начале Хмельничины Ваад еще надеялся, что война скоро закончится и беглецы вернутся на родину. Но вскоре евреям пришлось бежать и из самой Литвы. В 1654 году Хмельницкий признал себя подданным царя Алексея Михайловича. Украина воссоединилась с Россией. Царские войска двинулись на запад. Кое-где это сопровождалось резней евреев (в Могилеве) либо их изгнанием (из Вильны). Но в целом литовско-белорусское еврейство пострадало меньше, чем украинское, поскольку у русских стрельцов не было такой ненависти к евреям, как у украинских казаков и крестьян, которые прежде зависели от евреев-арендаторов.

Война кончилась лишь в 1667 году. В том же году литовский Ваад выслал из страны беженцев, которые, лишившись имущества, залезли в долги и не смогли их выплатить за 15–19 лет пребывания в Литве.

Вот почему евреи возвращались в любой округ правобережной Украины как только он вновь попадал под власть поляков. Левобережная Украина отошла к Московскому государству, где евреям тогда вообще запрещалось проживать. Тем не менее, в конце XVII-го и в XVIII веках евреи не только приезжали торговать на левый

берег Днепра, но и пытались остаться там на постоянное жительство. Время от времени происходили новые мятежи, сопровождавшиеся погромами, – восстание Семена Паляя в 1702 году, затем Гайдачина, продолжавшаяся с перерывами около 50 лет и завершившаяся резней в Умани в 1768 году.

Конечно, отношение к евреям на Украине, как и в других странах, со временем изменилось к лучшему. Но евреи возвращались в любую страну после самых страшных гонений не тогда, когда там полностью исчезала юдофобия (чего нигде не произошло до сих пор), а тогда, когда власти разрешали им вернуться, нередко и без разрешения. Все шло по циклу: «погром-бегство-возвращение-погром».

В результате разделов Польши в конце XVIII веках литовские, белорусские и украинские евреи стали русскими подданными. В 1844 году Николай I упразднил кагалы. С тех пор право евреев поселиться в том или ином городе зависело уже не от еврейской общины, а от полиции. Но сами евреи всегда считали свой закон о запрете поселения вполне целесообразным. Он утратил силу лишь из-за вмешательства государственной власти – в Западной Европе это произошло уже в XVIII веке. Однако и в последующие времена евреи вовсе не радовались, что в их городе или местечке селился чужой еврей-конкурент.

Многие евреи покидали родные места не только из-за погромов или изгнаний, но и вследствие издания ограничительных антиеврейских законов, повышения налогов с евреев за «терпимость», экономического банкротства, невозможности унаследовать родительскую «хазоку», которая переходила только к одному из сыновей, и по другим причинам. Если им не удавалось найти еврейскую общину, которая бы их приняла, или создать новую общину, где ее прежде не было, если обстоятельства не позволяли вернуться на родину, то оставался только один путь – крещение. Но над выкрестами часто тяготело подозрение в тайном соблюдении иудейских обычаев, что могло привести и в застенки инквизиции. В 1728 году двое братьев Райцес во Львове были осуждены на жестокую казнь и погибли как мученики за попытку возвращения крещеного еврея в иудейство. Страх и желание отомстить обидчикам заставляли многих выкрестов демонстрировать ненависть к своему народу, чтобы доказать «искренность» своего обращения.

Некоторые из них заявляли, что «жида пьют христианскую кровь», и именно их «свидетельство» придавало правдоподобие «кровавому навету», несмотря на то что папы римские не раз объявляли в своих буллах эти обвинения ложью и клеветой. От выкрестов исходили и другие доносы, причем, в отличие от «кровавого навета», – не всегда ложные. Они обвиняли евреев в том, что последние прячут в своих общинах крещеных евреев, вернувшихся к отцовской вере, что какой-то еврей непочтительно отозвался о христианской вере (хотя это было несравнимо с оскорблениями, которыми осыпали иудаизм тогдашние христиане). Доносили они и о том, что евреи нарушают законы, ограничивающие их права. Это приводило к изданию новых антиеврейских законов, штрафам и конфискации имущества евреев, погромам, изгнаниям, арестам, пыткам и казням.

Выкресты были участниками религиозных диспутов между евреями и христианами. Ведь кроме них почти никто в тогдашнем христианском мире не знал иврита и арамейского языка и не мог прочесть Талмуд, который служил основной мишенью нападок на иудаизм. Нередко это приводило к сожжению всех экземпляров Талмуда, имевшихся в городе или государстве, и к новым гонениям на евреев. Выкресты

встречались даже среди погромщиков – запорожцев и гайдамаков. Но так вели себя не все.

Еврейские историки обычно делят выкрестов на две группы – принужденных отречься от веры своих отцов и добровольно переменивших религию. При этом к первым относят лишь тех, кто крестился под страхом смерти, пыток, изгнания или всевозможных издевательств, а также детей, отнятых у родителей и переданных на воспитание в христианские семьи или монастыри, в более позднее время – в России при Николае I – в военные школы кантонистов. Остальные выкресты рассматриваются как добровольно отрекшиеся от иудаизма.

Многие из насильно окрещенных (особенно испанские и португальские «марраны») тайно придерживались иудаизма, хотя это грозило им судом инквизиции, и открыто возвращались к прежней вере при первой возможности. Когда во время Хмельничины польский король Ян Казимир разрешил вернуться к иудаизму евреям, принявшим под страхом смерти православие, этим правом воспользовались, по свидетельству Натана Ганновера, все насильно обращенные, которые бежали с казацкой Украины.

Те евреи, которые крестились не при столь трагических обстоятельствах, рассматривались прежними единоверцами не как несчастные жертвы грубой силы, а как вероотступники. Их отношения с некрещеными евреями почти всегда были крайне враждебными. Религиозные евреи до сих пор совершают похоронные обряды в случае вероотступничества члена семьи, считая, что он умер для своего народа и своих родных. Поэтому и власти Речи Посполитой полагали, что если родители крещеного еврея считают своего сына умершим, то и он вправе смотреть на них как на уже покойных. Закон разрешал любому выкресту потребовать от своих родителей положенную ему долю наследства еще при их жизни (!). Если это был единственный сын, он забирал все. В России по Уложению о наказаниях 1845 года преступники-евреи, крестившиеся во время суда или следствия, могли рассчитывать не только на уменьшение срока каторжных работ, но и на их замену ссылкой на вольное поселение. Те, кто крестились, чтобы ограбить родителей или спастись от заслуженного наказания за воровство или грабеж, были способны на ложь, клевету и любую другую подлость. Они создавали негативный образ еврея в глазах общества – некрещеные евреи жили замкнуто, и христиане знали их меньше, чем выкрестов.

Однако и группа «добровольных отступников» не была однородной. Пока существовали правовые ограничения для евреев и на них оказывалось давление с целью крещения (в России это имело место до Февральской революции 1917 года), трудно говорить о свободном выборе евреями христианской веры. Если еврей крестился, чтобы жениться на христианке, его обращение лишь условно можно считать добровольным – ведь без этого брак бы не разрешили. Эти люди были потерянны для еврейства, но обычно не становились его врагами.

Другое дело те, кого вынудили отречься от веры отцов не только иноверцы, но также (косвенным путем) и собственные единоверцы, которые сперва лишили их возможности получить какую-либо «хазоку» и тем самым заставили покинуть свои общины, затем не приняли их ни в какую другую общину и таким образом вытолкнули из еврейского мира вообще. Именно эти выкресты были самыми опасными для евреев.

Но когда некоторые из них поддерживали кровавые наветы, другие, напротив, выступали против них. В начале XVIII века выкрест Ян Серафимович объявил, что

ритуальные убийства предписываются евреям Талмудом и даже «признался», что сам совершал такие убийства (причем остался безнаказанным!). Другой крещеный еврей – Иосиф Торжевский, большой знаток еврейской письменности, опроверг его утверждения. Польский католический епископ Иосиф Андрей Залуский, выслушав обоих, пришел к выводу, что все слова Серафимовича, включая признания в убийствах, являются ложью и клеветой.

Двумя веками ранее, в начале XVI века Иоганн Пфефферкорн крестился, чтобы выйти из тюрьмы, где он сидел за кражу, и заявил, что Талмуд содержит тексты, оскорбительные для христиан. Из-за его доноса в Германии начались гонения на еврейские книги, которые сотнями сжигались на площадях (как и в 1933 году). Однако тот же Пфефферкорн категорически опровергал легенду о ритуальных убийствах и употреблении евреями христианской крови для своих обрядов.

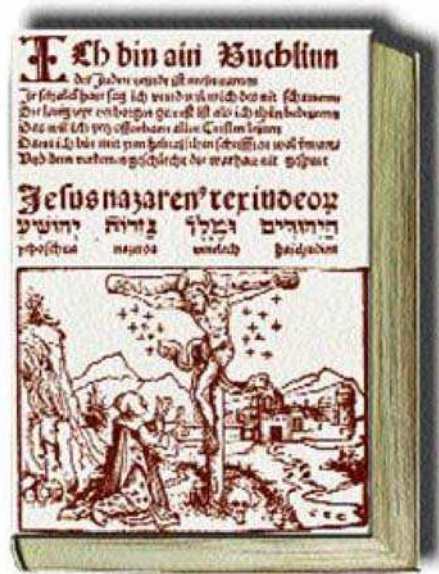
Первое публичное сожжение Талмуда. XV век.

При Николае I во время Велижского дела по обвинению евреев в ритуальном убийстве выкрест Грудинский заявил следственной комиссии, что готов показать описание такого убийства в одной «тайной» еврейской книге, но когда перевели указанное им место из книги, оказалось, что речь идет о правилах убоя скота по еврейскому закону о кошерной пище. Грудинский признался, что донес из желания заработать, и по царскому повелению был сдан в солдаты. После разбирательства евреи были признаны невиновными. Но далеко не всегда подобные доносы выкрестов вообще проверялись. Часто, особенно в средние века, им просто верили на слово – очень уж хотелось поверить.

Разумеется, не все трагедии, пережитые еврейством в средние века и начале нового времени, были связаны только с доносами некоторых выкрестов или с последствиями закона о запрете поселения. Этим печальным событиям есть много объяснений в еврейской литературе как светской, так и религиозной. Данная статья написана не для того, чтобы опровергнуть традиционные объяснения, а для того чтобы обратить внимание на почти забытые обстоятельства истории нашего народа, сыны которого из поколения в поколение совершают один и тот же грех и несут за него кару.

Верующие евреи знают, что не только разрушение Второго Храма, но и многие последующие бедствия в еврейской истории вплоть до наших дней – это наказание за «синас-хинам» – неоправданную враждебность одних евреев к другим, которая в разные эпохи и в разных странах принимала многие формы.

По моему мнению, самым массовым и хроническим проявлением этой несправедливой ненависти одних сынов гонимого народа к другим был закон о запрете поселения. Он действовал в наиболее длительный и мрачный период в истории еврейства, в эпоху погромов, изгнаний, инквизиционных преследований, насильственных крещений и бесчисленных правовых ограничений, которая началась с первого крестового похода в 1096 году и закончилась страшной уманской резней на Украине в 1768 году, хотя сам этот закон утратил силу несколько позже.

Книга Иоганна Пфефферкорна «Враг евреев». Аугсбург. 1509 год.

Представляется, что выражение «синас-хинам» следует переводить на русский язык с учетом не только грамматики, но и контекста, в котором оно встречается в раввинской литературе, не как «беспричинная ненависть» (обычный вариант перевода), а как «неоправданная враждебность», которая приводит к последствиям, совершенно несоизмеримым с причинами, ее вызвавшими, в следующих случаях:

1) отсутствие явной рациональной причины вообще, то есть неприязнь на подсознательном уровне – классическая беспричинная ненависть;

2) несоизмеримость причины и следствия. В этом случае реакция на обиду выходит за рамки принципа Торы «око за око, зуб за зуб», но не в ту сторону, о которой говорил Иисус: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», а в ту, о которой говорил Сталин: «За глаз выбьем оба, за зуб – целую челюсть»;

3) ненависть к одним людям за вину других. В этом случае обиженный стремится отомстить не только своему обидчику, но и его родным, землякам, соплеменникам, единоверцам и другим людям, как-то связанным с обидчиком, но к самой обиде непричастным;

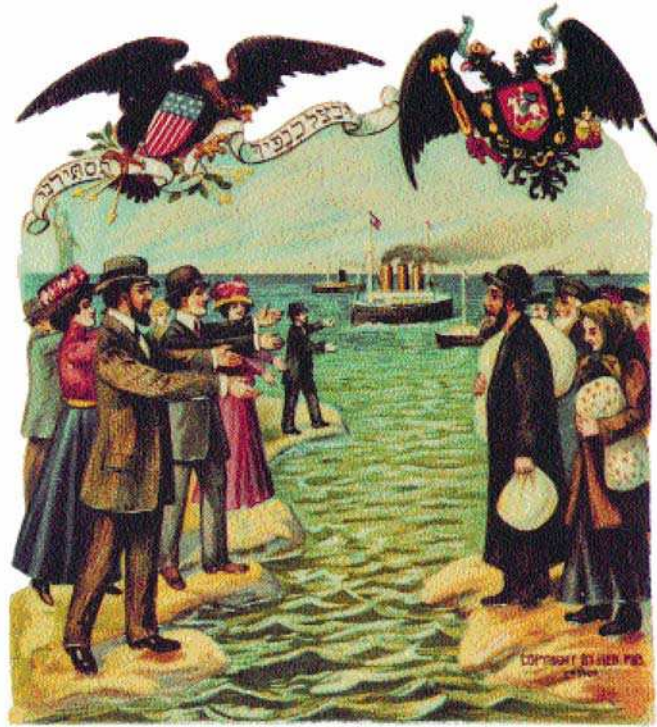
4) ненависть, основанная только на подозрении. В этом случае людей ненавидят не за то, что они действительно сделали, а за то, что они якобы совершили или даже только могут совершить (по мнению ненавистников);

5) ненависть к тем, кто действительно совершил поступки, за которые их ненавидят, но сами эти поступки не греховны и не должны вызывать столь негативной реакции у нормальных людей. Чаще всего в основе ненависти подобного рода лежит чувство соперничества, конкуренции, ревности и особенно зависти. Объектом такой ненависти становятся обычно те люди, которые больше своих ненавистников преуспели в жизни и (или) превосходят их по красоте, материальному достатку, уровню образования, эрудиции, талантам, способностям, физическому развитию и состоянию здоровья. Подобная ненависть является основной причиной революций. Очень часто такого рода ненависть обращалась и обращается до сих пор как раз против нашего народа, в котором много способных и талантливых людей;

6) ненависть за критику, особенно в тех случаях, когда ненавистник понимает, что его критикуют справедливо.

Закон о запрете поселения был основан на подозрении, что все (или почти все) пришлые евреи – дурные люди, он наказывал одних людей за вину других и даже тех, кто был действительно в чем-то виноват, подвергал, как правило, гораздо более суровой каре, чем они того заслуживали, превышая меру, установленную законом Торы, «око за око». Он причинял «чужим» евреям, отвергнутым общиной, гораздо более серьезные неприятности, чем они сами в худшем случае причинили бы общине, будучи в нее приняты. Неоправданная враждебность к своим единоверцам и соплеменникам была возведена в ранг закона, который действовал почти во всех ашкеназийских еврейских общинах в течение многих веков и рассматривался общественным мнением как вполне целесообразный.

По сути, это был грех всего нашего народа. И наказанием за него стали все новые и новые бедствия, которые обрушивались на евреев отчасти по их собственной вине: они сами себе создавали врагов, доносы которых приводили к страшным гонениям. Из-за этого закона невозможно было заблаговременно покинуть те места, где над евреями сгущались тучи: общины в других местах обычно принимали лишь тех, кто уже пострадал от погромов, да и им чаще всего приходилось возвращаться к своим гонителям при первых, даже самых ненадежных, признаках успокоения.

Будь современные евреи настолько солидарны, как им это приписывают, не уезжали бы они так скоро после Холокоста в Германию. Можно спорить о моральной оценке их поведения, но всем ясно, что они опасаются не слишком любезного приема в Израиле. Еврейское государство на основании Закона о возвращении, введение которого в 1950 году можно считать отменой самими евреями закона о запрете поселения для Израиля (но не для диаспоры), принимает всех евреев и членов их семей за немногими исключениями.

Новоприбывшим, особенно в первый год жизни в стране, помогают намного больше, чем нынешние российские власти русским беженцам. Но позиция израильского общества отличается от правительственной. Многие люди, родившиеся в Израиле или живущие там длительное время, видят в своих новых согражданах не братьев, а конкурентов. Человек, отработавший годичный испытательный срок на предприятии, принадлежащем государству или Гистадруту – всеобщему профсоюзному объединению, получает «квиют» – нынешний аналог «хазоки». После этого уволить его можно только за нарушения правил работы, но не потому, что нашелся кто-то другой, кто с этой работой лучше справится. Такая система защищает старожилов от потери работы, а новоприбывших – от ее получения: ведь вакансий почти не бывает. Рассчитывать можно главным образом на частный сектор, на который система квияута распространяется скорее де-юре, чем де-факто. Там работу трудно найти и очень легко потерять.

В 1940 году лидер молодежного сионистского движения Менахем Бегин, бежавший от нацистов из Польши в Литву, был арестован НКВД. Впоследствии в своей книге «В белые ночи» он вспоминал поляков – соседей по камере, которые «говорили о еврейской солидарности как о тяжком грехе, о коварном заговоре». Бегин не мог их разубедить и мечтал о том, чтобы снять «навет заговора» с этой «легенды неевреев» и превратить ее в «гордость самих евреев». Мечта Бегина о еврейском государстве сбылась, он даже стал главой его правительства. Но братская солидарность всех евреев так и осталась мечтой.

Правда, нельзя сказать, что чувство солидарности полностью исчезло среди современного еврейства. Солидарность достаточно ярко проявлялась и в поддержке, в том числе финансовой, Израиля евреями диаспоры, и в борьбе многих советских евреев за выезд из СССР в 70-х и 80-х годах, и в помощи, которую оказали этой борьбе еврейские организации США и Израиля, и в кампании за освобождение Натана Щаранского и других «узников Сиона» из тюрем, лагерей и ссылки. К сожалению, во всем этом участвовала лишь небольшая часть еврейского населения.

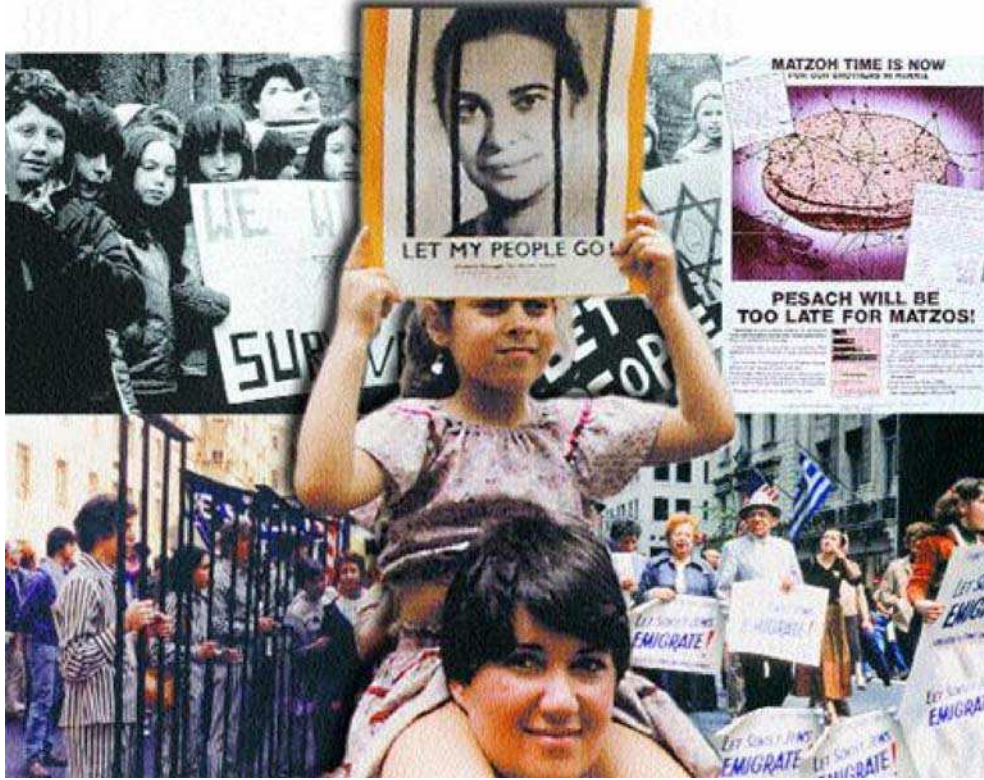
В наше время почти при любом коллективном еврейском мероприятии в диаспоре даже неверующие евреи в той или иной степени соблюдают кашрус, субботу и другие предписания религии. Это имеет место практически во всех еврейских учебных заведениях, летних и зимних лагерях для детей и молодежи, на учебных семинарах и научных конференциях. Спонсорами еврейских организаций выступают в большинстве случаев религиозные евреи, для которых следование принципу «Все сыны Израиля ответственны друг за друга» – это мицва, то есть заповедь. У неверующих чувство еврейской солидарности обычно выражено слабее.

Само существование евреев как вечного народа, которое (во всяком случае в диаспоре) немислимо не только без национальной, но и без религиозной солидарности, может быть основано только на вечных же, субботних началах, предохраняющих народ от будничной разобщенности. Без веры мы довольно скоро убедимся, что вечность и долговечность – это не одно и то же.

В заключение предлагается несколько вопросов для читателей.

1. Можно ли было евреям не принимать в свое время таких законов, как «хазока» на место жительства и работу?
2. Можно ли считать законы о «хазоке» и «квинюте» справедливыми?
3. Насколько справедливо или несправедливо следовать принципу свободной конкуренции?
4. Что является критерием справедливости – мнение большинства, экономическая либо политическая целесообразность или что-то еще?
5. Необходимы ли социальные гарантии? Если да, то какие?
6. Не является ли система социальных гарантий (на чем основан социализм) источником социальной несправедливости?
7. Можно ли испытывать чувство солидарности с людьми, которые не являются родственниками, друзьями или знакомыми?

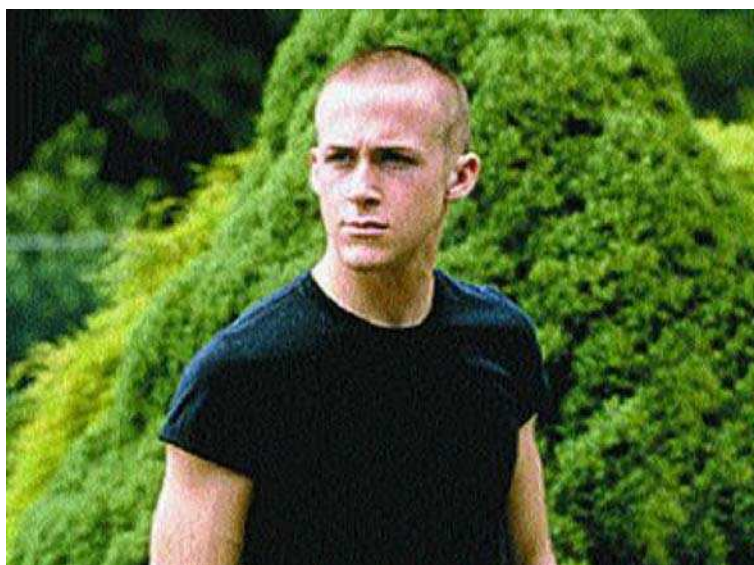
Если кто-то задумается над этими вопросами, значит, статья написана не зря.

ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ «Х»

Àðàì Íîèèí

28 января 2001 года Большой приз фестиваля Сандэнс (Sundance, USA) получил фильм «The believer», а спустя полгода, 30 июня, этот же фильм – в русском варианте «Фанатик» – был удостоен Гран-при XXIII Московского международного кинофестиваля. Думаю, фабула этой картины уже известна большинству интересующихся кино: молодой человек, еврей по происхождению, отвергает иудаизм и становится лидером группировки скинхедов. Вместе с ними он оскверняет синагоги, убивает евреев.

Бессмысленно спрашивать, хороший ли это фильм. Если уж подбирать эпитеты, то эта картина крайне экстремальна, что хорошо для Сандэнса, но для «буржуазной» Москвы она, казалось бы, «не в формате». Поэтому нужно выразить благодарность жюри ММКФ, наградившему режиссера-дебютанта Генри Бина, экспериментирующего как с темой, так и с эстетикой, за мужественное решение. Безусловно, «Фанатик» была едва ли не самой сильной и необычной картиной в московском конкурсе: социальное кино, заостряющее до предела политические проблемы, в данном случае – правого экстремизма, может быть сделано художественно убедительно и... скандально.

Теперь я хотел бы упомянуть о двух, на мой взгляд, подспудных причинах, итогом которых стал триумф «Фанатика» в Москве. Во-первых, это ореол победителя в Сандэнсе, где отсматриваются наиболее актуальные кинотенденции, а во-вторых – неожиданно вернувшееся в моду вместе с 1970-ми, когда это было в фаворе, политическое кино с его антитоталитарным, антифашистским пафосом.

Итак, разберемся по порядку.

Sundance

С трепетом в сердце я начинаю этот рассказ о ежегодном фестивале независимого американского кино. Резкий всплеск интереса в конце 80-х – начале 90-х к лентам, снятым на небольшие деньги, отрицающим голливудские традиции и условности, ориентированным на думающую аудиторию, определил лицо Сандэнса: интеллектуально, радикально, независимо. Фестиваль Sundance, проходящий в штате Юта под патронажем голливудской звезды Роберта Редфорда (кто не помнит вестерн «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид»!), предлагает публике наиболее интересные эстетические киноидеи рубежа веков.

Фильмы, впервые показанные в Сандэнсе, часто становятся событиями и имеют шумные отклики среди любящих кино. В Сандэнсе стартовали «Обморок» Тома Кэлина и «Яд» Тодда Хайнса, «р» Дэррена Аронофски и «Я стреляла в Энди Уорхола» Мэри Харрон – сенсации арт-кино 90-х, картины, наиболее ярко воплотившие основные темы независимого кино: однополый секс, все виды насилия и безумия. На этом фестивале в 1992 году состоялся полнометражный дебют Квентино Тарантино: пусть его «Бешеные псы» остались без наград, но именно Сандэнс превратил Тарантино в любимца «больших» фестивалей и проложил ему дорогу для «Пальмовой ветви» в Каннах два года спустя.

Наконец, в Сандэнсе показал свои фильмы «Добро пожаловать в кукольный дом» (1995) и эпатазирующее «Счастье» (1998) мой любимый Тодд Солондз, своеобразный наследник Вуди Аллена в теме рефлексий жителей Нью-Йорка еврейского происхождения.

Столь широкое вступление позволяет читателям лучше представить атмосферу, в которой «рассерженные молодые люди» эры миллениума реализуют свои киноамбиции. Поиск новых, подчас бесстыдно-провокационных сюжетов, свежих идей, – вот что делает Сандэнс лично для меня гораздо более привлекательным, чем те же Канны с их пафосом и жуткой «красной тряпкой» для звезд.

Последнее искушение Дэнни Бэлинга

Известно, что в искусстве существует тридцать шесть драматургических сюжетных ситуаций. Дело здесь не только в самой практике искусства вообще, которая сложилась более двух тысяч лет назад, а в архетипах нашего сознания. Например, сюжетная ситуация под названием «Богоборчество», крайне важная для классической литературы, у тех же Шекспира, Достоевского стала базисом для многих шедевров мирового кино, созданных, скажем, Пазолини или Висконти. В гораздо более скромных масштабах образ богоборца воссоздал Генри Бин в лице главного героя фильма «Фанатик» – маниакального антисемита Дэнни Бэлинга (в исполнении Райана Гослинга).

Вообще-то так не бывает. Да, действительно, еврея можно представить социалистом (имя им легион), идеологом битничества (Аллен Гинзберг), борцом за права негров (Эбби Хоффман) или даже личным другом Арафата (Шимон Перес), но вот нацистом, стремящимся любой ценой убить «символ» «мирового зла» – банкира еврейского происхождения, вообразить невозможно. Однако режиссер Генри Бин, с изрядной долей сочувствия, рассказывает нам историю такого невероятного персонажа.

Некоторые кадры «Фанатика» обладают такой же знаковой силой, как красное пальто девочки из краковского гетто в черно-белом «Списке Шиндлера»: например, сцена идентификации главного героя с солдатом вермахта, убивающим еврейского ребенка, и одновременно с отцом этого мальчика. Впрочем, «Фанатик» – фильм на

удивление традиционный по своему изобразительному языку. В данном случае провокационна и вызывает споры тема картины, которая с лихвой компенсирует отсутствие новаторских режиссерских приемов.

Не стану останавливаться на сюжете «Фанатика». Сфера моих интересов – социально-психологический контекст, сделавший актуальным тему еврея-нациста, одержимого искренней ненавистью, понять которую человеку другой культуры и другого социума крайне трудно. Заслуга жюри МКФ состоит в том, что оно предпочло «Фанатика» целому ряду фильмов, в которых были показаны «правильные», политкорректные истории.

Боюсь, если бы жюри состояло из представителей российской еврейской общественности, то несчастного Генри Бина забросали бы камнями прямо на сцене. Фильм, исследующий темные стороны подсознания, своеобразную душевную патологию, может не нравиться на этическом уровне, так как, возможно, оскорбляет чьи-то национальные чувства.

Нонконформистский пафос режиссера нельзя оценивать с точки зрения еврея, имеющего за плечами советский жизненный опыт. Именно государственный антисемитизм не позволил нам до конца ассимилироваться, а религиозные преследования избавили от проблемы духовных поисков. Для мультикультурной Америки последних десятилетий этническая принадлежность не всегда совпадает с религиозной. Так, Аллен Гинзберг пришел к буддизму, а Боб Дилан – к католичеству. Поэтому еврей-антисемит, разумеется, случай клинический, но не нам его судить.

Жизнь Дэнни Бэлинга беспросветно убога. Он сам – явный социопат, заикленный на «еврейской угрозе». Его покровители, уважаемая «правая» семья Кумпф, считают Дэнни хорошим оратором и перспективным наци в отличие от накачанных пивом тупых бритоголовых из его команды. Но все идеи и рассуждения Дэнни – это всего лишь пошлый пересказ «Mein Kampf», сдобренный традиционной для XX века антисемитской риторикой: «Евреи любят своих героев – Маркс, Фрейд, Эйнштейн. Но что, в итоге, они дали миру? Маркс – коммунизм, Фрейд – подростковый секс, Эйнштейн – теорию пустоты».

Дэнни чуть не растерзал журналиста, когда тот напомнил ему о бар-мицве, которая состоялась у Дэнни, как у каждого религиозного еврейского подростка. Главный герой яростно манифестирует свой антисемитизм, превращая его в элемент наглой провокации. Он буквально запрограммирован на насилие и получает удовольствие, причиняя боль даже своей подружке.

Его навязчивая идея – «убей своего врага». Но кто **реальный** враг для Дэнни? Б-г Авраама или собственный помутненный разум? Здесь я хочу процитировать Эли Визеля: «Убийство – как цель, а не как средство – представляет собой вызов бессмертию, обещанному человеку. Тот, кто убивает, убивает Б-га». Эти слова подчеркивают замысел режиссера: показать очевидное стремление Дэнни к саморазрушению, ибо он мечтает убить еврея в себе самом, бросая вызов Всевышнему.

Этот фильм не претендует на фундаментальный анализ вопросов веры и терпимости. Зритель должен сам решить, чем стала смерть Дэнни в Судный день: примирением с Б-гом или бегством от себя по лестнице, ведущей в никуда.

АЛЕКСАНДР ФРИДМАН – РЫЦАРЬ НАУКИ

Àðíí × áðí ýé

Áñèè áú îòèðíé çáçáó ý,

В áá íáçáàè áú «Òðèáí áí»...

Òðèáí áí! Áí ñèð í îð íí æèòáèüü

Ëèøüíáí í íæð éí èæíúð í íéíé -

Ì àòáí àòèèè èßáèòáèüü

Ì íéíáíé ì àòáíðíéíá

Ë áíáí í úé ààèàò îð

Í à áðí à

íñèíî òðíí òá ááá-òí...

Òáèò, ÷òí éíá á ÷áí í îðáè íí

Áàèüðá ñáí íá Ýéíøòáéíá:

×ó ý òíðí í áí îðíüíí ñòáí

Á ýòíí ì èðá-óðááíí á

Áèááè á èðèáèçí á í ðí ñò ðáí ñò áá

Ì í Áàèáèòèè ðáçáááíí üá

Ðáíøèðáí èá Áíáéáí í íé?

Á yòîî í àáî ðàçíàðàòüü!.

Ýòò Òðèáî áí áúë ó:áí úî

Ñ áááòúèì ááüü à çàèèáí úî.

Î, áèáü è í àá í ááíñèèí íî

Î íâð çàçáð, Òðèáî áí!

Это строки из стихотворения выдающегося русского поэта Леонида Мартынова (1905-1980) «Если бы открыл звезду я...» Не так уж часто поэты посвящают свои стихи ученым; можно сказать, это явление уникальное. Что же так привлекло Л. Мартынова в жизни и творчестве А. Фридмана? Обогнал Эйнштейна, прикоснулся к тайне расширяющейся Вселенной, математик, метеоролог да в придачу еще и боевой летчик – разве этого недостаточно, чтобы вдохновить стихотворца?! Попробуем кратко рассказать об А. Фридмане, разумеется, в прозе.

В десятом номере журнала ВВС Красной армии «Вестник воздушного флота» за 1925 год напечатан некролог «Памяти профессора, летчика-наблюдателя А.А. Фридмана». Но Фридман был не просто рядовым летчиком-наблюдателем: когда его самолет во время Первой мировой войны вылетал на боевое дежурство в небо северо-западного фронта, немецкая фронтовая радиостанция передавала предупреждение: «Внимание! В воздухе Фридман!». Немцы беспокоились не напрасно: они знали, с кем имеют дело... Этот человек был «космонавтом», но не в общепринятом ныне смысле этого слова. Он не поднимался в космическое пространство, не был покорителем космоса, хотя в начале 20-х годов сама идея межпланетных путешествий стала уже «модной», уже были известны имена Н. Кибальчича, К. Циолковского, Р. Годдара, Г. Оберта и других энтузиастов завоевания космоса, уже публиковались научные и научно-

популярные работы и ставились фильмы о предстоящих космических свершениях, уже об этом рассуждали люди вполне серьезные... Даже социально-политический фантаст В. Ульянов-Ленин проявлял интерес к космической тематике.

Имя А. Фридмана не было известно широкой публике, он не стал кумиром толпы, жаждущей немедленного «прыжка в космос». Однако с его именем неразрывно связаны такие фундаментальные понятия, как «красное смещение», «разбегание Галактик», «мировые уравнения», «модели Вселенной». Ибо А. Фридман явился основоположником современной космологии – физического учения о Вселенной как едином целом. Нелегко было подняться на такую научную вершину: для этого потребовалось вступить в дискуссию и поколебать позиции гениального Альберта Эйнштейна. Великий ученый и молодой профессор из Петрограда никогда не встречались. Они скрестили оружие на страницах престижного научного журнала «Zeitschrift für Physik» («Вестник физики»). Точнее, они встретились на бескрайних просторах Вселенной. И на этом глобальном ристалище случилось чудо: победу одержал малоизвестный А. Фридман – и великий Эйнштейн благородно признал его правоту. Кто еще может похвастаться таким успехом!

А. Фридмана нельзя отнести к категории «забытых ученых». Статьи о нем имеются во всех русских и большинстве зарубежных энциклопедий, в которых он характеризуется как выдающийся физик и математик. В массовой научно-популярной литературе Фридман упоминается редко. Еврейские энциклопедические издания, как правило, «забывали» о Фридмане, и лишь «Российская еврейская энциклопедия» 1997 года поместила информацию об этом замечательном ученом, да и то почему-то в статье об отце А. Фридмане, малоизвестном музыкальном деятеле.

Александр Александрович Фридман родился 17 (29) июня 1888 году в Санкт-Петербурге. В 1910 году закончил физико-математический факультет столичного университета и был оставлен при кафедре математики. Начинается его педагогическая и научная деятельность. Он читает лекции по высшей математике, работает в аэрологической обсерватории. С началом Первой мировой войны А. Фридман вступает в добровольческий авиаотряд, ведет занятия в авиационной школе, организывает армейскую аэронавигационную службу. В 1916 году возглавляет центральную аэронавигационную и аэрологическую службу фронта. Во всех своих начинаниях он проявил блестящие инженерные способности и качества выдающегося организатора. В 1917 году Фридман принял активнейшее участие в строительстве московского авиационного завода и вскоре стал его директором.

Год спустя он отправляется в Пермь для оказания научной помощи местному университету, работает там профессором и заместителем ректора, создает ряд технологических отделений. Пермский университет становится крупным центром высшего технического образования. С 1920 года Фридман – профессор петроградского университета, работает в главной геофизической обсерватории, а в 1925 году возглавляет ее. Еще в 1906 году восемнадцатилетним юношей он вместе с прославившимся вскоре математиком Я. Тамаркиным выполнил работу по теории чисел, увидевшую свет на страницах немецкого журнала «Математические анналы».

Сразу после создания А. Эйнштейном общей теории относительности А. Фридман проявил глубочайший интерес к этому великому открытию, особенно к «мировым уравнениям», введенным Эйнштейном. На базе решения этих уравнений Эйнштейн пытался определить геометрические свойства Вселенной. В частности, он допускал тезис о том, что мир имеет форму цилиндра. Эйнштейн также пришел к

выводу, что при определенных условиях Вселенная пространственно ограничена. Естественно, такое серьезное и весьма неожиданное утверждение, поразившее современников, не могло быть однозначно принято всеми. Появились критические выступления, которые не были достаточно убедительными: для того чтобы опровергнуть Эйнштейна, требовался научный заряд необычайной силы. И вот такой «заряд» взорвался: в 1922 году в журнале «Известия физики» появилась статья «О кривизне пространства мира». Автор подверг концепцию Эйнштейна глубоко обоснованной и весьма существенной критике. Он показал, что «мировые уравнения» Эйнштейна ни при каких условиях не могут быть однозначными и с помощью этих уравнений нельзя дать определенный ответ на вопросы о форме (если это слово вообще применимо) Вселенной и ее конечности или бесконечности.

Далее автор рассматривал вопрос о радиусе кривизны пространства. Эйнштейн, излагая свою теорию, считал этот радиус величиной постоянной. Никому не известный автор статьи заявлял: радиус кривизны пространства изменяется во времени, и при этом условии возникает возможность нестационарных решений «мировых уравнений». Автор предлагал три варианта таких решений и, соответственно, выстраивал три возможные модели Вселенной. Две из них – с монотонным увеличением радиуса кривизны, причем одна из первых двух допускает расширение Вселенной из некой точки, а вторая предполагает расширение из массы, имеющей конечные размеры. Третья же модель представляет собою пульсирующую Вселенную, радиус которой изменяется с определенной периодичностью. Автор признавал бесконечность Вселенной, ее пространства и массы.

**Автор подверг концепцию Эйнштейна глубоко обоснованной и
весьма
существенной критике.**

Эта полемическая статья была прислана из Петрограда, под ней стояла подпись – Александр Фридман. Имя это мало что говорило даже специалистам. Однако Эйнштейн внимательно отнесся к новому взгляду, отвергавшему его утверждения. В одиннадцатом выпуске того же журнала он опубликовал статью «Замечания к работе Фридмана “О кривизне пространства”», в которой отстаивал свои позиции. Но прошло некоторое время, и в шестнадцатом выпуске журнала появилась новая публикация Эйнштейна на ту же тему, в которой он признавал свою ошибку и, соответственно, правоту Фридмана. Так завершился научный спор Эйнштейна – Фридмана.

Интересно отметить одно обстоятельство, весьма характерное для Эйнштейна: несмотря на поражение великий физик счел необходимым увековечить имя оппонента в своих сочинениях. Во всех последовавших изданиях знаменитой книги «Сущность теории относительности» Эйнштейн специально подчеркивал: «Его (Фридмана. – А.Ч.) результат затем получил неожиданное подтверждение в открытом Хабблом расширении звездной системы... Последующее представляет не что иное, как изложение идеи Фридмана... Не вызывает поэтому никаких сомнений, что это наиболее общая схема, дающая решение космологической проблемы».

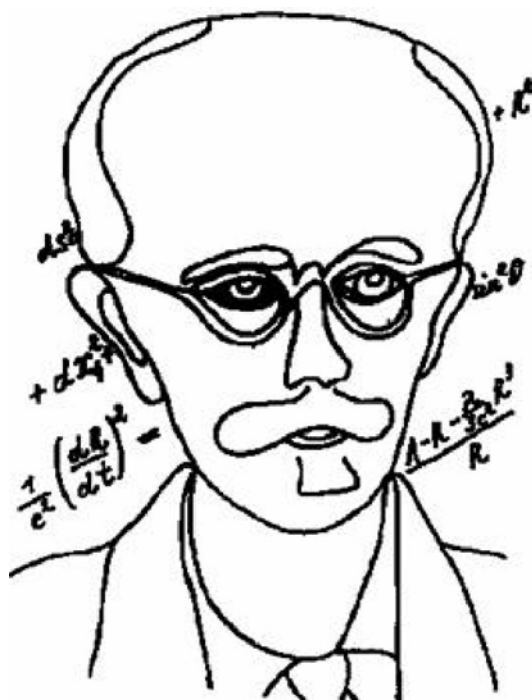
Окончание полемики с Эйнштейном, столь благоприятное для Фридмана, стимулировало его дальнейшие работы в области космологии. Они сыграли основополагающую роль в становлении этой науки. Всеобщее научное признание модели нестационарной Вселенной, разработанной Фридманом, произошло после утверждения открытия американским астрономом Э. Хабблом так называемого красного

смещения – иными словами, смещения линий в сторону красной части спектра источника. Красное смещение происходит, когда расстояние между источником излучения и наблюдателем увеличивается. Это свидетельствует о процессе расширения Вселенной – наблюдается эффект «разбегания» Галактик во всех направлениях. В свою очередь, этот эффект подтверждает верность предположения о нестационарной модели Вселенной.

Вскоре после смерти Фридмана бельгийский аббат Ж. Леметр (впоследствии первый президент Папской академии наук), опираясь на его идеи, создал свою концепцию возникновения Вселенной в некий определенный момент из одного «атома-отца» – теорию «Большого взрыва» («Big-Bang»). Она получила поддержку в работах крупнейшего астрофизика А. Эддингтона. В настоящее время эту модель все чаще называют моделью Фридмана-Леметра. В годы советской власти теория эта была объявлена идеалистической. «Интересно, что в сталинские времена, – пишет директор Института теоретической физики им. Ландау Российской академии наук В. Захаров, – с этой теорией боролись беспощадно, и те, кто ее проповедовал, могли спокойно угодить в тюрьму. Эта теория была абсолютно запрещена, поскольку последовательный атеизм, который был религией того времени, совместим только с идеей бесконечного времени, бесконечной повторяемости всего».

Нас, отделенных от времени Фридмана десятками лет, поражает исключительная широта научных интересов этого замечательного человека. Образно выражаясь, он как бы выискивал пустые пространства науки, чтобы заполнить их. Все работы Фридмана отмечены печатью выдающегося интеллекта, отличаются высоким уровнем новизны, блестящим математическим талантом, убедительностью доказательств, ясностью изложения. В области теории относительности он совместно с В. Фредериксом готовил фундаментальные труды, но успел опубликовать лишь первый том из пяти намеченных – «Основы теории относительности». Большой интерес представляет книга Фридмана «Мир как пространство и время» (1923) – талантливая популяризация теории относительности.

Другое направление научной деятельности Фридмана – гидромеханика и гидродинамика. В капитальном труде «Опыт гидромеханики сжимаемой жидкости» (1922, 1934, 1963) автор изложил исчерпывающую теорию вихревого движения в жидкости, проблемы возможных движений сжимаемой жидкости при воздействии на нее определенных сил, исследовал кинематические свойства сжимаемой жидкости.

Динамическая метеорология – еще одно направление работ Фридмана. Его труды в этой области носят основополагающий характер. В работах по теории атмосферных вихрей выведено уравнение для определения скорости вихря. Изучены вертикальные атмосферные течения, установлены закономерности изменения температур на различных высотах – заложены основы теории изучения погоды и ее прогнозирования. Фридман создал основы статистической теории турбулентности. Он внес также весомый вклад в теорию и практику воздухоплавания: в 1925 году совершил рекордный полет на аэростате, достигнув высоты 7400 метров. Для всей деятельности А. Фридмана характерно стремление довести до конца результаты исследований, от теории – к практике.

Точную оценку Фридмана как ученого дала его жена Екатерина Фридман: «Умение всматриваться в глубину, широким взмахом, ясно, кратко изложить, применить к практике или оставить в виде новой теории, осветить со всех сторон и дать новый толчок мысли – таковы были характерные особенности его работы, а его творческая мысль проникала во все закоулки накопленных им знаний и освещала их ярким светом его дисциплинированного ума и творческой фантазии».

16 сентября 1925 года А.А. Фридман скончался в расцвете сил от брюшного тифа. Ему было всего 37 лет. Смерть ученого вызвала поток некрологов в научных журналах России и других стран. Среди авторов этих поминальных статей – великий математик В. Стеклов, крупнейший механик, специалист в области теоретических основ ракетной техники И. Мещерский и многие другие. В 1931 году А. Фридман посмертно удостоен высшей советской награды за научную деятельность. А поэтическое пожелание Леонида Мартынова сбылось лишь отчасти: если и не звезда, то один из объектов на Луне назван именем Александра Фридмана.

À îôîðî éáí èè èñîîîîîîîîîî à èáððèè à À. Õùèèèèè «Ñáðèý èîîî îî». 1970 ãã

ЛЕХАИМ АВГУСТ 2001 АВ 5761 – 8 (112)

ЭДДИ – ЗОЛОТАЯ ТРУБА

Àí àò îèèé Êîçàè

Ê 25-ÊÁÒÈÐ ÑÎ ÁÎÇ ÑÎ ÁÐÒÈ ÝÄÄÈ ÐÎÇÎ ÁÐÀ

Представьте себе: в вашем городе неожиданно стало известно, что на днях на главном стадионе состоится фантастический футбольный матч – местная команда-чемпион страны вступит в единоборство с футболистами, прибывшими недавно... с Марса! или с Юпитера! Нетрудно вообразить, какой ажиотаж вызвала бы такая новость у болельщиков!

Именно в такое лихорадочное состояние впали мы – одесские мальчишки – летом 1939 года, когда кто-то сообщил, что в Одессу прибыл на гастроли джаз Эдди Рознера.

Что такое джаз или, как тогда говорили, джаз-банд, мы уже знали: патефонные пластинки, на которых были записаны танго и фокстроты, вальсы-бостоны и румбы, имелись в некоторых домах, хотя тогда обладать патефоном было равносильно едва ли не владению сегодня хорошей иномаркой типа «ауди» или «вольво». Помню, в нашем восьмом классе появилась новенькая – Нелли Ивановичева, приехавшая из загадочной, в то время неведомой буржуазной Болгарии, где ее отец был военным атташе. Конечно, все наши пацаны сразу же влюбились в белокурую Нелличку. А вскоре она пригласила нас в гости, и мы увидели американский патефон, на внутренней крышке которого была изображена собачка, слушающая граммофон. Это была знаменитая марка «Хиз мастерс войс». Вот здесь-то мы и наслушались вволю джазовых мелодий!

Был еще у моего дяди приемник СВД-9, похожий на маленький храм из лакированного дерева, откуда под загадочное мерцание изумрудного глазка лилась джазовая музыка из Рима, Лондона, Будапешта...

Был и у нас, в СССР, свой джаз – джаз Леонида Утесова, который мы видели в сводившей нас с ума комедии «Веселые ребята». И все-таки это был наш, «домашний» оркестр. А тут в Одессу прибыл подлинный, ЗАГРАНИЧНЫЙ, западный джаз, как говорили, то ли из Варшавы, то ли из Белостока.

Тут же мы – несколько мальчишек с Базарной, что пересекает знаменитую Ришельевскую, бросились опрометью – куда? Ну конечно же, в парк имени Шевченко.

Там недавно соорудили Зеленый театр, и все концерты проходили на его сцене. Был нестерпимо горячий день, солнце жарило со всей яростью, но мы уже бежали рысью, перепрыгивая через трамвайные рельсы, по Успенской, минуя Канатную, к Марзливской и по ней к ограде парка...

Мы перелезли через высокую стрельчатую ограду, кто-то зацепился, кто-то порвал штаны, но мы уже бежали к забору театра.

Если подумать, кто мог там быть в полдень, когда самое лучшее место в Одессе в такое время – пляж Ланжерон?

Но... Ньюма Шпаер, опередивший всех, вдруг остановился и поднял кверху палец:

– Они! Шоб я так жил, они!

Мы тоже замерли на секунду: да, за забором была слышна музыка!

Проникнуть днем в театр и расположиться на горячих, как раскаленная жечь, деревянных скамейках не составляло труда, и вот мы видим на сцене НАСТОЯЩИЙ джаз! Репетиция была как все репетиции, бестолковая (так нам казалось), оркестр не играл, а больше спорил, обсуждал что-то, смеялся, мы слышали обрывки фраз по-польски. Иногда брались несколько нот, артисты осваивали сцену. Но нам было важно не это. Мы были первыми, кто в Одессе увидел джаз Эдди Рознера!

А потом мы увидели его – невысокого, изящного брюнета с тонкими усиками на смуглом лице, увидели, как он подносит к губам мундштук кларнета и издает серебристые трели, пробуя инструмент. И вдруг он взмахнул рукой, крикнул: «Смайлинг» («Улыбайтесь!»), – и оркестр неожиданно стройно начал мелодию.

Ослепительно сверкая на солнце, поистине золотая труба Эдди Рознера бросила в синее одесское небо знаменитый «Сент-Луи блюз»!

Мы ошалели, обалдели – какое еще слово из детского нашего лексикона могло передать то, что мы в тот момент почувствовали? Мы знали уже эту чарующую мелодию, но только по приглушенным, едва уловимым радиосигналам из Парижа и Лондона. И вот он, знаменитый блюз, который мы потом столько раз слышали в исполнении прославленного Луи Армстронга, льется в наши уши, звучит для нас!

С этого дня каждый вечер я бежал в парк, преодолевая высокую его ограду, и залезал на высокое дерево у самого забора театра, откуда прекрасно было видно, а главное, слышно все, что происходило на сцене переполненного театра.

Потом джаз уехал. После была война. Рознер на время ушел из нашей юности. «Сент-Луи блюз» был забыт. Но не навсегда.

Стоило стране после Победы немного оттаять, как снова заиграла в парках музыка, запели по радио новые солисты, зазвучали новые песни...

И снова на советской эстраде появился Рознер – теперь руководитель Государственного джаз-оркестра Белоруссии. Но то ли время пришло другое, то ли что-то произошло с самим трубачом, то ли мы стали другими – теперь его концерты уже не привлекали такого количества публики, как тогда, в довоенные годы. Да и пластинки с записями того же «Сент-Луи блюза» уже не ценились фанатами на вес золота. Теперь-то я понимаю, что произошло. Война, как это ни странно, приблизила нас к Западу. Трофейные патефонные пластинки, трофейные фильмы, буквально наводнившие наши экраны, волей-неволей открывали нам, советским людям, замкнутым прежде в ограниченном пространстве, так называемый «западный образ жизни».

Маленький пример. После войны мы смотрели по несколько раз английский «шпионский» фильм «Джордж из Динки-джаза». Какой там играл оркестр! Это было нечто фантастическое! И, конечно, это зрелище, это исполнение «перебивали» даже оркестр Рознера!

Я столкнулся с Рознером через несколько лет после войны в Агентстве по охране авторских прав, где получали гонорары сценаристы и композиторы. Что это Рознер – я сразу даже не догадался. Он был щупл, бледен, шевелюра сильно поредела, выглядел наш кумир плохо... А ведь я помнил его в довоенном кремовом костюме, ослепительного в свете рампы, с набриолиненным пробором, щегольскими испанскими усиками, а труба... Она и в самом деле казалась золотой!

Больше Рознера я не видел. И не слушал. А потом он как-то незаметно постепенно исчез. Словно растаял. Его не стало...

Спросите любого молодого человека нашего времени: кто такой Рознер? Он в ответ пожмет плечами. Рознера помнят сегодня только музыканты, да и то старшего поколения, большей частью ценители джаза. Между тем, судьба этого человека достойна того, чтобы рассказать о нем подробнее.

Несколько лет назад я случайно познакомился с Юрием Владимировичем Цейтлиным – музыкантом и соратником Рознера, автором текстов многих его песен.

Этот уже немолодой и очень больной человек многое рассказал о работе и дружбе с Эдди Игнатъевичем. Позже я прочел его книгу, посвященную великому трубочу.

Адольф Рознер родился в 1910 году в Берлине в семье еврейского ремесленника.

Способный мальчишка учился в консерватории по классу скрипки и закончил ее с золотой медалью. Однако, когда джазовый бум докатился из Штатов до Европы, Эдди отложил свой традиционный еврейский инструмент – скрипочку и взялся за трубу. Он быстро достиг в исполнении такого совершенства, что стал в Германии джазовой звездой. Великий чернокожий Луи Армстронг прислал ему свою фотографию с надписью «Белому Луи Армстронгу».

Кто знает, как сложилась бы судьба молодого артиста, если бы к власти в Германии не пришли фашисты. Рознер бежал в Польшу. Здесь он женился на Руте Каминской – дочери знаменитой еврейской актрисы Иды Каминской, прославившейся впоследствии своей игрой в знаковом антифашистском фильме «Магазин на площади», удостоенном многих фестивальных призов.

В Польше Рознер не обрел спокойной творческой жизни: в 1939 году пришлось снова бежать от гитлеровцев. Куда? Конечно же, в СССР!

Разве мог предполагать молодой Эдди, переходя границу вместе с толпами беженцев, среди которых преобладали евреи, что в благословенной стране Серпа и Молота его ждет слава, успех и... тюрьма?

Но все это было еще впереди.

А тогда в Страну Советов прибыл польский джаз, состоявший в основном из варшавских, белостокских, лодзинских евреев. Я хорошо помню веселого смешного толстяка Павла Гофмана, певца Лотара Лямпея, гитариста Луи Марковича. Это они – Гофман, Маркович и присоединившийся к ним в Москве Юрий Цейтлин исполняли имевшую бешеный успех шуточную песенку «Мандолина, гитара и бас!».

Был в оркестре, как рассказывал Цейтлин, неджазовый музыкант Арнольд Гольдбергер. Окончив в Вене консерваторию, он успел стать лауреатом международного конкурса скрипачей. Однако польского еврея должны были выслать из Австрии на родину, в Польшу. Тогда Арнольд стал тайно выступать в одном из маленьких венских кафе. Однажды им заинтересовался некий вроде бы меценат. Скрипач разоткровенничался и поведал свою горькую историю. Венский господин оказался чиновником муниципалитета, и паренька в момент выслали в Польшу. Здесь он сразу же попал в солдаты – началась Вторая мировая война. Затем плен, и гитлеровский офицер приказывает одному из своих солдат:

– Отведите этого жида в лес и расстреляйте!

По пути Арнольд случайно стал говорить с солдатом по-немецки. Тот осветил его лицо фонариком и ахнул: они вместе учились в Венской консерватории.

Немец отпустил пленного, и тот разыскал своих. А потом было бегство в СССР и случайная встреча с Рознером. Так в оркестре появилась вторая «еврейская»

скрипка. Третьей можно было бы назвать самого Рознера, но он брал скрипку редко, предпочитая свою «золотую» трубу.

Директором оркестра был Давид Рубинчик, кстати, отец известного нынче кинорежиссера Валерия Рубинчика.

Одним словом, синагога, а не оркестр. Не случайно, когда в 1954 году Рознер явился в Минск, будучи уже заслуженным артистом Белоруссии, в культотделе ЦК КП республики ему бросил какой-то функционер:

– Что, опять будет жидовский оркестр?

В годы войны джаз Рознера колесил по стране, давал концерты фронтовикам. Особенно тепло, вспоминал Цейтлин, музыкантов встретили в штабе К.К. Рокоссовского, который потом лично поблагодарил за концерт.

К 1944 году популярность Рознера достигла апогея. Гастроли на Украине и в Закавказье прошли с триумфом. В Ереване, например, кто-то из поклонников Рознера за ночь приписал на всех афишах к его имени букву «к». Уж очень хотелось, чтобы имя Эдди звучало по-армянски – «Эддик»!

Но на пути к вершине славы стали появляться грозные тучи. Сразу после Победы, пишет в своих воспоминаниях Ю. Цейтлин, великий вождь и учитель где-то в узком кругу обронил многозначительную реплику: «Война кончилась, но народ надо держать в мобилизационной готовности».

И вскоре в «Известиях» появилась разгромная статья, направленная против безыдейности, развлекательности и просто веселости программы Рознера. Статья пестрела такими словечками и выражениями: «низкопоклонство», «смех ради смеха», «третьюесортный трубач из кабаре», «главный юмор – лысина Гофмана»...

Возмущенный Рознер отправился в Минск к партийному руководству республики с просьбой о разрешении на выезд в Польшу. Музыканта успокоили и дали ему и жене путевки на курорт.

Дальше было не так оптимистично. Спустя некоторое время фамилию Рознера было приказано снять с афиш. Затем в Минске было решено расформировать весь коллектив. Знаменитый джаз Рознера распался. Основная часть группы отправилась во Львов, чтобы оттуда уехать в родную Польшу.

Туда же отправились и Рознер с семьей. Однако, как пишет Цейтлин, с оформлением документов у Рознера произошли какие-то неприятности. Эшелон с польскими репатриантами ушел из Львова, а Рознер угодил под арест. На следующий день была арестована и его жена Рута. Четырехлетнюю дочку передали знакомым.

Заслуженному артисту БССР, музыканту с мировым именем была определена 58-я статья и десять лет лагерей «за измену Родине».

«Какой родине, – пишет Цейтлин, – он ведь родился в Германии».

Рута Каминская получила пять лет высылки в Казахстан.

Как позже выяснилось, Рознера принудили подписать «признание», что он хотел через Польшу выехать в США.

Восемь лет провел тот самый «артист в кремовом костюме с набриолиненным пробором, с золотой трубой в руках» в бараках магаданского лагеря. Рассказывая об этом периоде жизни Эдди, Цейтлин поведал мне поразительную историю. В лагерь, где Рознер руководил тюремным оркестром, попал пленный немец. Это был странный, чуть ли не из гитлерюгенда глупый паренек, который едва ли не сам перешел в плен к русским. Нетрудно себе представить, каково пришлось бы чужеземцу в российском лагере, где находились не военнопленные, его однополчане, а матерые зэки.

Его спас Рознер. Оказалось, парень был тоже берлинец – земляк! Стараясь как-то облегчить его участь, Рознер взял немца в свой оркестр. Как удавалось Эдди обманывать лагерное начальство, выдавая немца за своего музыканта, неизвестно. Но известно, что после войны, вернувшись в Германию, немец писал Рознеру, мечтал о встрече с ним, считая его своим спасителем.

Когда я услышал эту историю, мне сразу вспомнилась картина «Список Шиндлера», где немец спасает от смерти евреев. Я подумал: таких фильмов немало. Но мы еще не знали случая, когда бы еврей спасал от мучений, каторжной жизни и даже смерти немца! Думаю – такой фильм был бы не менее интересен и значителен.

В 1953 году Рознера освободили и полностью реабилитировали.

С энергией он взялся за создание нового джаза и создал его! Но... теперь он оказался в тисках страха: он боялся выйти на сцену с трубой и только дирижировал. В лагере у Эдди не было трубы, потому он мог только дирижировать.

Но Рознер и это сумел преодолеть и снова стал играть, правда, как отмечали музыканты, качество игры мастера упало на несколько порядков.

Рознер устал. Ко всему добавился развод с женой, которая уехала с дочерью в Польшу.

Эдди Игнатъевич всеми силами пытался достичь зенита своей прежней славы, но его время уходило.

Однако к 1957 году оркестр Рознера снова стал выступать, и афиши с именем Эдди снова запестрели на улицах советских городов.

Но однажды Рознеру сообщили в Росконцерте, что его музыкальный коллектив распался. Рознер оказался безработным. Последний приют великому трубачу предоставила Гомельская филармония, но здесь Рознер уже не мог работать.

Он оформил выезд в Западный Берлин, на свою родину. Наконец он вернулся туда, где не был столько лет, лишь в 1972 году! Больной, измученный и усталый...

Вот как закончил когда-то свою книгу о Рознере Юрий Цейтлин:

«Узнав, что Эдди Рознер в Берлине, Эллингтон звонил дочери Эдди, обещал помочь. Даже берлинская еврейская община предложила Рознеру работу. Но Эдди оставался верен музыке. Он уже лелеял планы создания большого музыкального шоу, чтобы приехать с ним в СССР. Он почти выполнил заказ на музыку к фильму. Но все чаще в дом наведывались врачи, приезжала карета “скорой помощи”...

8 августа 1976 года Эдди Рознера не стало.

На берлинском еврейском кладбище есть скромная, ничем не примечательная могила. Надпись на плите до предела скромна: “Адольф/Эдди/РОЗНЕР”».

... Года два назад я позвонил Юрию Цейтлину, чтобы справиться о его здоровье. Мне сообщили, что его уже нет в живых.

Думается, вряд ли еще живы в России или в Польше музыканты – саксофонисты, скрипачи, тромбонисты – все те, кто пережил вместе с великим трубачом моменты славы и успеха, горькие часы разочарований и неудач...

В 1992 году режиссер Эльдар Рязанов организовал телепередачу со Старого Арбата. Это была встреча с уличным, «бродячим» оркестриком, наигрывавшим модные

мотивы времен перестройки. Среди музыкантов телезрители увидели знаменитого когда-то ударника Бориса Матвеева. Он играл у Рознера, снимался в фильме «Карнавальная ночь».

Наверное, это был «последний из могикан» – человек того времени, когда слово «джаз» было редкостью, когда звуки модных и подчас виртуозных оркестров Бенни Гудмена, Дюка Эллингтона, Луиса Армстронга, Бенни Берегана, Томми Дорсея можно было только случайно поймать в радиоэфире...

Далекое и по-своему прекрасное время!

И я, пишущий сегодня эти строки, спустя столько лет спрашиваю себя: неужели это я бегал когда-то в одесский парк Шевченко каждый вечер, чтобы, преодолев ограду, вскарабкаться на дерево и хотя бы издали посмотреть с замиранием сердца на маленькую фигурку в кремовом костюме на сцене и слушать волшебные звуки золотой трубы?

Неужели это было? Даже трудно поверить...

«Я ПРЕЗИРАЮ АНТИСЕМИТОВ»

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

К столетию со дня рождения С. В. Образцова

Сергей Владимирович Образцов – истинный русский интеллигент, дворянин, сын академика Владимира Николаевича Образцова, воплотил в себе все лучшие качества московской интеллигенции.

Я познакомился с ним во время работы над книгой «Соломон Михоэлс» и могу без преувеличения сказать, что появлению этой книги в значительной мере обязан Сергею Владимировичу.

Над книгой я работал много лет, долго мучился сомнениями: писать ее или не писать. Поделиться своими сомнениями с Образцовым и заодно расспросить его о встречах с Михоэлсом мне посоветовал актер Семен Михайлович Хмара. Я позвонил

Сергею Владимировичу. Он сказал: «Я, конечно, очень занят, да и едва ли буду вам по-настоящему полезен – с Михоэлсом я встречался не так уж часто, но отказать не смею, а откладывать не могу – мне уже без малого девяносто». Это было в июне 1987 года.

На следующий же день к четырем часам я был у Сергея Владимировича на улице Немировича-Данченко в его небольшой квартире огромного дома. Стоит ли говорить, сколько мне дали эти встречи?

– Судьба Михоэлса – это судьба умнейшего человека, понимающего, что происходит вокруг. Встречались мы нечасто, – вспоминал Образцов, – но без его поддержки мне было трудно. Однажды я пригласил его на специальный просмотр «юбилейного» и уже принятого к постановке в качестве праздничной премьеры спектакля. Но что-то меня тревожило, что-то не нравилось... Михоэлс и Маршак посмотрели спектакль. После просмотра – молчание. Только через несколько минут: «Вы меня пригласили, Сергей Владимирович, значит у вас сомнения, и сомнения еще какие!» Сомнения прошли – спектакль не пошел... Таков Михоэлс.

При нашей первой встрече Сергей Владимирович вдруг довольно неожиданно задался риторическим вопросом: «Кто я по национальности?» И тут же дал абсолютно нетривиальный ответ:

– Посмотрите на меня! Внешне я больше всего похож на жителя Нормандии. Во всяком случае, в молодости был похож: волосы светлые, глаза голубые. И вообще, зачем столько разговоров о национальности? Я родился в Москве. Я по национальности – москвич.

В ту пору начала гласности Образцов много раз выступал в прессе против деятельности общества «Память». Он выступал против антисемитской организации откровенно и смело. Я спросил, что побуждает его в таком возрасте заниматься столь опасным делом. На что он резко, даже, как мне показалось, с некоторой обидой, ответил: «Да как же может уважающий себя русский человек пройти мимо такого?! Я ненавижу, презираю антисемитов!»

Немного погодя, после разговоров на другие темы, он снова вернулся к теме антисемитизма.

– Однажды после спектакля – а это было в январе 1953 года, – я зашел к Илье Григорьевичу (Эренбургу. – М.Г.) в его дом на улице Горького. Он для меня всегда был непререкаемым авторитетом. Даже учителем. Я пришел без телефонного предупреждения, потому что в тот вечер наслушался по радио столько ужасов о «деле врачей», что не зайти к Эренбургу, своему учителю, не мог. Не думайте, что я пошел его успокаивать. Зайдя, сказал одну фразу: «Русский народ здесь ни при чем». Был у него в тот вечер молодой поэт, автор известного стихотворения о коммунистах...

Я догадался, что тем молодым поэтом был А.П. Межиров, и потом при случае спросил его, помнит ли он, как при нем однажды к Эренбургу пришел Образцов. Он ответил, что прекрасно помнит и добавил, что, сказав всего одну фразу, Образцов сразу распрощался: «Честь имею кланяться» – и вышел.

– Вы знали Самуила Яковлевича Маршака? – спросил меня как-то Образцов. – Вот уж истинный эрудит! Пожалуй, больше такого не встречал. Мы в театре ставили его

Много говорили, писали о его Лире. Я вам вот что расскажу, этого нигде не вычитаете: в 30-е годы в Москву приехал Гордон Крэг, известный английский режиссер. Его пригласил директор Малого театра, чтобы он поставил на их сцене Шекспира. Он посмотрел там несколько спектаклей. Восторгов, во всяком случае в своих выступлениях, да и в прессе, не высказывал. А вот от Лира, сыгранного Михоэлсом, был в восторге чрезвычайно.

Помню, как сейчас, это случилось на приеме в честь Крэга, где был посол Англии лорд Чилстон и его супруга. Были приглашены актеры, Мейерхольд, Таиров, Михоэлс... Так вот, на этом приеме в центре внимания оказался не главный гость Гордон Крэг, а Соломон Михоэлс. Посол Англии подошел к нему вместе с Александром Яковлевичем Аросевым – большим тогда начальником, устроившим этот прием, и сказал Михоэлсу, что они с супругой хотят посмотреть «Короля Лира» в еврейском театре. Михоэлс без оттенка королевского величия назвал несколько дат ближайших постановок и пригласил посла. Был ли господин Чилстон в ГОСЕТе, не знаю. Думаю, был...

После смерти Михоэлса многие ныли по поводу того, что не сыграл он главной роли на сцене. И все при этом говорили о Гамлете. Чепуха все это! Лицедейская болтовня. Сыграть Гамлета, может, он и хотел (а кто из актеров не мечтает об этом?), но уверен, не его это была роль. Да и играть Гамлета первый раз после 50-ти можно ли?

Сыграл он главную свою роль и не одну... Мне говорил мой друг, театровед Симон Дрейден, что Михоэлс репетировал спектакли о еврейском рыцаре средневековья (видимо, Сергей Владимирович имел в виду «Рубени – принц иудейский». – М.Г.) и там собирался сыграть главную роль. Это дело другое. А что не сыграл Гамлета... Он создал шекспировской силы образ Тевье. Как жаль, что не остались кинокадры этого спектакля. Вот где был праздник театра!..

С.Михоэлс и С.Образцов. (Фото из архива С. Образцова).

Я вспоминаю наши беседы с Сергеем Владимировичем и вижу его, словно вчера, перед собой. В свои 90 он не воспринимался дряхлым стариком: это был человек незаурядной энергии. Даже когда грустил:

– Сейчас уже никого из тех, с кем рядом прошли мои юность и молодость, нет в живых. Настало страшное одиночество, – однажды признался он. – Я родился в Москве, вырос здесь. А сейчас город для меня чужой. Никого в живых из сверстников. Кажется, что обретаешь новых друзей, но это не так. Никто не заменит друзей юности, друзей лучших дней жизни. Нигде уже не встречу с Дейнекой, Качаловым, Михоэлсом, не позвоню Рубену Симонову, Самуилу Маршаку...

Не только Москва, но и Ленинград стал для меня чужим. Раньше, приезжая в Ленинград, я не успевал обойти всех друзей: там Шварц, здесь Мариенгоф... А сейчас некому позвонить...

В книге Мариенгофа «Мой век, мои друзья и подруги» после той встречи с Образцовым я прочел: «Верю в дружбу с первого взгляда. Именно так – с первого взгляда – подружился я с Сергеем Есениным, Сергеем Образцовым, с Ольгой Пыжовой. Вероятно, подобное случается только в молодости, когда трезвый ум, к счастью, не слишком вмешивается в наши чувства».

Сегодня, когда уже нет в живых ни Самуила Маршака, ни Соломона Михоэлса, ни Сергея Образцова, я хочу закончить эти воспоминания стихами, которые написал Маршак к шестидесятилетию юбилею Сергея Владимировича:

Ì í á æ à è ü ÷ ò î í á á ú è ÿ á Ì î î è á á

È í á î è à ç à è í è î è í à à

Í à þ á è è á è í î ò ò ð æ á ñ ò á á

Ñ á ð ä ÿ Í á ð à ç ö í à à

B í á í è ì ó á ñ è à è ä ð á ä

Â ò î ì ò á à ò ð æ è ü ì ì ç æ è ü á

Ä ä á í í á á î à è ò í à ñ à î è ð á ä

È î è ö ñ á è ø á ñ í æ è ü à

Ä ä á ÿ ò î ò ì á à è ÷ à ð í á á è,

À ù á í á î à ñ í à è à ñ í é,

Í à ì ñ ç ä à à ò æ è á ì ò è þ á á è

È ç æ è í ú è í é á ñ ò ì á ñ ñ ì.

И я думаю, по-своему переживая эти строки: как хорошо встретить такого человека, как Образцов, таких, о которых мы с ним говорили.

Пока мы живы и помним всех этих людей, они с нами. Это бесценный дар нашей судьбы.

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ 103-111.

וְעַתָּה

В моем доме оставалось еще четверо непристроенных детей: сыновья Шмуэл и Мойше и дочери Фройдхен и Мирьям. Хотя мне самой делали много брачных предложений, которые могли принести богатство и почет, я думала, что моим детям не хочется, чтобы я вторично вышла замуж, и потому отказывала всем претендентам себе на горе, как будет видно в дальнейшем.

Тем временем мой сын Шмуэл вырос. Время от времени я брала его с собой на ярмарку в Брауншвайг. Его не влекли науки, поэтому я решила, что лучше всего будет приучить его к коммерческим делам. Другой мой сын, Мойше, напротив, имел склонность к наукам, и я отправила его во франкфуртскую ешиву, чтобы он изучал Талмуд. Вместе с ним я послала и Шмуэла с запасом товаров.

Пока Шмуэл торговал во Франкфурте, мой свояк Йосеф получил письмо от своего доброго друга бамбергского богача Мойше Брилина, в котором тот спрашивал совета относительно предложения выдать его дочь замуж за моего сына в Гамбурге.

Это письмо свояк получил в субботу и сразу же послал за мной. Я нашла его в саду с моей сестрой Элькеле.

Увидев меня, он закричал: «Мазл тов! (Поздравляю!) Твой сын Шмуэл помолвлен!» Я засмеялась и сказала: «Если так, то мне следует об этом знать».

Тут он показал мне письмо от Мойше Бамберга, который находился тогда в Вене, и еще одно письмо от венского ученого раввина Шимшона Вертгеймера с просьбой дать совет насчет все того же брака. (Шимшон Вертгеймер из Вормса \1658-1724\ – финансист, поставщик двора Его Величества и придворный еврей Леопольда Первого Австрийского. Когда Опенгеймера не было в Вене, Вертгеймер представлял его интересы, а после его смерти стал вместо него придворным банкиром. Но, будучи умнее

своего товарища, Вертгеймер не отдал займы большую часть своих прибылей австрийскому двору, а вложил их в землю и дома. Десять солдат стояли на страже возле его резиденции в Вене, и его современники прозвали его «еврейский кайзер». Он был большим знатоком Талмуда и способствовал строительству синагог в Австрийской империи. Двор присвоил ему титул главного раввина Венгрии, наделив соответствующими полномочиями. Он не только обеспечил хорошее приданое своему племяннику, помогавшему женить сына Глюкели, но сделал то же самое для императора Леопольда, выговорив приданое в один миллион флоринов у короля Польского, когда дочь его выходила замуж за свояка Леопольда. – Прим.ред.)

Прочтя это письмо, я сказала свояку: «Все же из этого не следует, что мой сын Шмуэл помолвлен». Он ответил: «Ручаюсь, что как только я отвечу на эти письма, твой сын будет обручен с дочерью Мойше Бамберга». А надо вам знать, что ученый главный раввин Шимшон был зятем Мойше Бамберга. Йосеф немедленно написал ему о моем Шмуэле. В ответном письме Шимшон просил, чтобы мой сын ехал в Вену и оставался с ним до самой свадьбы, которая должна была состояться двумя годами позже.

Стоит ли рассказывать о великолепных предложениях, которые делал мне ученый главный раввин Шимшон? Он писал: «Для поддержания жизни послал меня Всесильный перед вами» (Брейшис, 95:5), заверяя, что с моим Шмуэлом и его братьями все будет хорошо. После того я получила много писем от богача рабби Шимшона, в которых он изъявлял мне самую горячую дружбу.

Мой сын Шмуэл, как я уже говорила, был на франкфуртской ярмарке; я написала ему, что подыскала невесту и что он уже помолвлен и велела после закрытия ярмарки ехать в Вену и оставаться там до самой свадьбы.

Ученый и богатый рабби Шимшон, приняв его с почетом, просил Шмуэла написать домой, что он всем доволен и что ему наняли учителя. Ибо сын мой Шмуэл был еще очень молод и по-детски неразумен. Рабби же Шимшон обращал на него мало внимания. Поэтому получилось, что за два года жизни в Вене сын мой промотал большую сумму денег.

Он, конечно, обо всем написал мне и просил ускорить свадьбу, потому что ему не хочется дольше задерживаться в Вене. Но, поскольку его невеста была еще совсем девочкой, свадьба была отложена еще на год.

Свекор Мойше Бамберг тоже находился тогда в Вене и на мои повторные письма дал согласие, чтобы бракосочетание состоялось в Бамберге в первый день месяца Тамуз (июнь). Шмуэл писал мне, что он поселится у своего будущего свекра и просил меня так организовать дела, чтобы к назначенному сроку я оказалась в Бамберге.

Поскольку в любом случае мне следовало быть на Лейпцигской ярмарке, я решила оттуда проехать в Бамберг.

Тогда-то богатый главный раввин Шимшон и написал мне, что, учитывая недоброжелательство к евреям, вскипевшее в то время в Гамбурге, лучше немедленно после свадьбы прибыть в Вену и поселиться у него. Он предлагал мне две лучших комнаты в своем доме и говорил, что я смогу заниматься коммерцией, для чего и выслал «имперский паспорт», открывший мне все двери. Я устроила дела соответствующим образом и, рассчитывая перебраться в Вену, обратила 50 тысяч рейхсталеров в

драгоценности, собираясь взять их с собой. Однако «много замыслов в сердце человека, но сбудется только определенное Г-сподом».

Итак, я отправилась в Лейпциг с сыновьями Натаном и маленьким Мойше. По прибытии Натан получил письма из Гамбурга с просьбой сразу же после закрытия ярмарки вернуться домой, ибо дела требуют его присутствия. Вследствие этого мой отъезд в Вену задерживался, так как ехать без Натана я не хотела.

Отослав свои драгоценности с Натаном в Гамбург, я оставила только несколько вещиц на сумму в пару-другую тысяч рейхсталеров, а сама выехала в Бамберг с сыночком Мойше. Путешествие было нелегким, потому что для одинокой женщины с пятнадцатилетним сыном дорога была небезопасна. Но по любой дороге можно проехать при наличии денег, хотя это и обошлось мне в порядочную сумму.

Портрет Шимшона Байерсдорфа. Начало XVIII века.

К полуночи я прибыла в Бамберг. На следующее утро невеста и ее родители приветствовали меня. Как вы знаете, я полагала, что тут же состоится и свадьба – в первый день месяца Тамуз. Но произошло крупное недоразумение. Без моего ведома свояк Йосеф вписал в контракт о помолвке в качестве приданого жениха сумму в 5 тысяч талеров, тогда как у сына моего имелось не более 4 тысяч.

Мы узнали об этом еще в Гамбурге, и я тут же написала Шимшону Вертгеймеру, что цифра в 5 тысяч талеров ошибочна. Он ответил, что это не имеет значения, пусть-де контракт останется как есть; то, что я предупредила его, делает мне честь, а на самой свадьбе об этом не будет сказано ни слова.

Однако Мойше Бамберг заговорил по-другому: он настаивал на выполнении условий, включенных в контракт, и ни о чем другом и слышать не хотел. Мы так повздорили, что свадьбу в назначенное время сыграть не удалось.

Мойше Бамберг немедленно написал в Вену, и Шимшон Вертгеймер разъяснил ему, что произошло недоразумение. До получения ответа Мойше Бамберг

пытался выжать из меня все, что можно, но, убедившись, что выжать ничего не удастся, и письмо, полученное из Вены, полностью оправдывает меня, согласился сыграть свадьбу, которая и была отпразднована в середине Тамуза со всей пышностью и почестями, на которые мы, евреи, такие мастера.

На свадьбу были приглашены многие видные евреи этой провинции, среди них и два сына богача Шимшона Байерсдорфа, которые привезли с собой брачного посредника. (Шимшон Байерсдорф умер в 1712 году. Происходил из Вены и был самым знаменитым из придворных евреев Кульмбаха-Байрейта. Будучи поставщиком маркграфа Христиана-Эрнста Бранденбург-Байрейтского, он был одним из самых влиятельных евреев в Южной Германии. Синагога, которую он построил в Байерсдорфе, сохранилась до 1938 года в неприкосновенности, со всеми занавесями и канделябрами. – Прим. ред.)

Титул амстердамского Талмуда, изданного за счет Шимшона Байерсдорфа в 1701 году .

Еще в Гамбурге мне предлагали женить сына Мойше на дочери Шимшона из Байерсдорфа. Так как Байерсдорф был всего в 15 милях от Бамберга, я пообещала гамбургскому брачному посреднику, что после свадьбы мы с сыном проедем туда посмотреть на невесту и показать себя.

Со мной встретились два сына богача Шимшона Байерсдорфа (оба уже женатые) и сообщили, на какое приданое можно рассчитывать. В ответ я сказала им, что после свадьбы мы поедem на экскурсию в Фёрт, а оттуда всего десять миль до Байерсдорфа. Тогда мы и пойдем, как нам поступать. Ибо мой сын получал предложения как в Бамберге, так и в Фёрте. Итак, я договорилась с богатым Мойше Бамбергом, свекром моего сына Шмуэла, чтобы вместе съездить в Фёрт. Мы уже узнали, что нас ждет в Бамберге, и сейчас хотели разузнать о перспективах в Фёрте и Байерсдорфе.

В общем, Мойше Бамберг с супругой и я с сыном Мойше отправились в Фёрт. По дороге мы побывали в Байерсдорфе и повидали дочь рабби Шимшона. А он поглядел на моего сына, и оставалось только договориться по поводу тысячи талеров.

В Фёрте мы остались ночевать. Невозможно перечислить все почести, которыми нас осыпали. Самые уважаемые евреи фёртской общины вместе с женами пришли к нам в гостиницу и настойчиво приглашали к себе. Под конец мы сдались на уговоры родственника моего двоюродного брата Мордехая Коэна и поехали к нему: там нас ожидали самый радушный прием и самое изысканное угощение.

На следующее утро мы уехали из Фёрта, не придя ни к какому окончательному решению. По приезде в Бамберг я с сыном Мойше стала готовиться к возвращению домой.

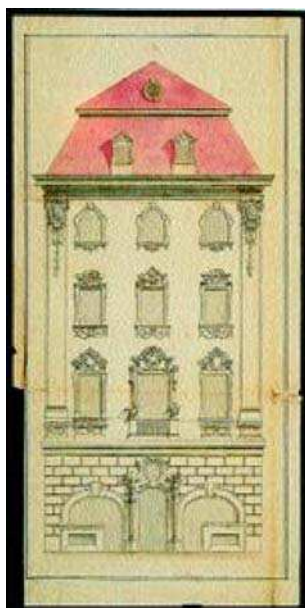
Но брачный посредник, настоятельно предлагавший невесту из Байерсдорфа, хотя сам жил в Фёрте, не собирался покидать Бамберг и был очень заинтересован в том, чтобы добиться согласия на помолвку обеих сторон. Я сообщила ему о своем решении в выражениях, не оставлявших и тени сомнения: должно быть так и не иначе!

Наконец посредник сказал: «Вижу ясно, что вы не пойдете ни на какие уступки и твердо решили уехать. Прошу вас все же сделать мне одолжение – подождать до двух часов дня. Я написал письмо в Байерсдорф и уверен, что ответ поступит до этого времени и будет положительным! Если же к двум часам ответа не будет, не стану вас задерживать».

Так и порешили. Тем временем я принялась укладывать вещи. Сын Шмуэл и его свекор, богач Мойше Бамберг, собирались проводить нас с почетом.

Перед отъездом был сервирован обед, напоминавший пиры царя Соломона. Слов нет, чтобы описать, какой добрый и мудрый человек Мойше Бамберг и как радушно он встречает гостей!

Когда мы окончили есть и пить, часы уже пробили три. Никаких вестей из Байерсдорфа не поступило, поэтому вся наша компания тронулась в путь. К пяти часам мы выехали из Бамберга. Хотя Мойше Бамберг, ссылаясь на наступившие уже сумерки, просил меня остаться до следующего утра, я была решительно против дальнейших задержек, и мы отправились в путь.

Проект дома Шимшона Байерсдорфа во Франкфурте. 1717 год.

Только покинули мы пределы города, видим, нас догоняет брачный посредник – небах! – и закликает всеми святыми вернуться в Бамберг. Сыновья Шимшона Байерсдорфа, говорит он, прибыли в Бамберг и готовы принять ваши условия. Но я твердо решила не возвращаться.

Тогда Мойше Бамберг сказал мне: «Поглядите, вон виднеется деревня, в ней есть удобная гостиница. Уже стемнело, вряд ли мы сможем ехать дальше. Проведем ночь там. Если сыновья Шимшона Байерсдорфа захотят, они приедут сюда, и дело сладится к общему удовольствию».

Меня это устроило, и брачный посредник был вне себя от радости. Добившись того, что мы прервали путешествие, он повернул назад и поспешил в Бамберг. Не прошло и часа, как в гостиницу прибыла внушительная компания: раввин Бамберга Мендл Ротшильд и сыновья Шимшона Байерсдорфа Лейб Бибер из Бамберга и его брат Вольф, оба достойные и очень состоятельные люди. (Сыновья Байерсдорфа позднее промотали семейное достояние и долго сидели в тюрьме по ложному обвинению, предъявленному им евреем-ренегатом.)

Короче говоря, обсуждать было в общем нечего, и договоры о помолвках были заключены. Отец облек сыновей надлежащими полномочиями, и они все подписали. Остаток вечера мы провели весело и радостно.

Самого же Шимшона Байерсдорфа в то время не было дома, а был он в Байрейте, куда поехал по вызову Его Высочества маркграфа, очень уважавшего его, – как известно, Шимшон был его «придворным евреем». (Глюкель употребляет здесь широко распространенное выражение «придворный еврей» – то есть поставщик двора Его Высочества. Почти каждый король, принц, князь и герцог в Центральной Европе имел своего «придворного еврея» (хоф-юде), который пользовался полным доверием. Они поручали ему свои коммерческие дела. О функциях и карьере писал в своем романе «Власть» Лион Фейхтвангер. Иегуда Берлин, Лефман Беренс, Шмуэл Опенгеймер, Шмуэл Леви и Шимшон Байерсдорф – все они были «придворными евреями». – Прим.ред.)

Сыновья Шимшона просили нас сделать им одолжение, а их отцу честь – посетить их в Байрейте. Поначалу сделать это показалось очень трудно, поскольку карета была нанята до Хальберштадта. Но, поговорив с возницей, мы предложили ему доплату в два талера, если он повезет нас через Байрейт, а оттуда через Наумбург, где в те дни была в полном разгаре ярмарка. Зекель Винер, бывший с нами, одобрил этот план.

Синагога в Байерсдорфе.

Тут Мойше Бамберг сказал, что, дабы оказать мне услугу, он с удовольствием поедет в Байрейт. Я ни за что не хотела обременять его и с благодарностью отклонила предложение. Но в конце концов вышло так, что наша компания в полном составе направилась в Байрейт.

Там мы встретились с богатым и влиятельным Шимшоном Байерсдорфом, который был очень рад нашему приезду. Правда, уже начался месяц Ав, что несколько омрачило наше праздничное настроение. Вечером нам подали весьма скудный ужин – большего было не достать. Но на следующий день Шимшон Байерсдорф послал людей за провизией, и они раздобыли разную превосходную рыбу и приготовили всякие другие постные блюда. (В течение первых восьми дней месяца Ав, за исключением Субботы, в знак траура не разрешается употреблять мясо и вино. На 9-й день месяца – один из самых строгих постов в году в память о двух разрушенных Храмах. – Прим. ред.) Я больше не могла задерживаться. Мой новый родственник обещал, что я смогу тронуться в путь не позже часа дня.

Так, пообедав, мы распрощались; я, сын Мойше и Зекель Винер сели в карету и со слезами, совершенно искренними, расстались с Мойше Бамбергом.

Мы благополучно прибыли в Гамбург, откуда выехали 12 недель назад и нашли моих детей и всю семью, слава Б-гу, в полном здравии.

Королевские грамоты Шимшона Байерсдорфа. XVIII век.

бш

Спустя некоторое время по воле Б-жьей заболела моя двоюродная сестра Бела (жена богатого и ученого Баера Коэна). У нее была тяжелая болезнь – воспаление мочевого пузыря. Бедняжка мучилась четыре долгих недели. Богач Баер Коэн использовал все известные средства и приглашал разных врачей, не жалея денег на всевозможные лекарства и снадобья, но – увы! – видно на то была Б-жья воля, Беле не становилось лучше. Когда она поняла, что все понапрасну и никакие лекарства не помогут, она вызвала в качестве свидетелей моего свояка Йосефа и раввина Шмуэла Оргельса, призвала своего мужа и при всех просила его не оставлять племянницу ее сиротку Глюкхен, которую она вырастила в своем доме и которой тогда было лет 11–12. Оба супруга очень любили девочку.

Фрау Бела просила мужа пообещать, чтобы душа ее могла отойти с миром, что ни на ком он не женится, кроме своей племянницы Глюкхен, дочери покойного Файбиша Коэна. Что Баер Коэн и сделал, причем слезы лились у него из глаз, когда он дал руку своему свояку и раввину Оргельсу и принес торжественную клятву. Тогда жена его сказала, что теперь она может умереть спокойно, зная, что обеспечила судьбу своей Глюкхен. Но Б-гу известно, что не все происходит так, как планируем мы, смертные.

Было написано письмо брату Глюкхен Зелигу, жившему в Ганновере, которого супруги Коэны вырастили и женили на дочери богатого Герца Ганновера, извещавшее его, что тетка при смерти и хочет его повидать.

Тем временем лекарства сделали свое дело: из Белы излились воды, и мы думали, что это предвещает выздоровление. Но, увы, это только ускорило кончину. Когда прибыл Зелиг, ее племянник, состояние больной несколько улучшилось, но к исходу того же дня Б-г забрал ее к великому горю ее мужа, всех наших друзей и всей еврейской общины.

Она была мужественной и мудрой женщиной, умевшей управлять сердцем своего мужа. А что это дало ей? Ничто не помогло – ни деньги, ни все ее добро, ни старания доброго мужа. Он поручил ученым в память о ней учить Талмуд, щедро раздавал милостыню, творил добрые дела, но, видимо, час ее пробил. С последней молитвой Рош а-Шона кому постановляется жить, будет жить, а кому выносятся приговор умереть, умрет. Срок ее пребывания в этом мире истек.

Она умерла и была похоронена с почетом. Муж и друзья долго горевали по ней, а больше всех оплакивал ее мой родственник Аншел Вимпфен, его жена Мата, приходившаяся покойной племянницей, и брат Маты Реувен, который тоже воспитывался в доме Баера Коэна. Мата и Реувен приходились сиротке Глюкхен двоюродными братом и сестрой.

После семи дней траура их несколько утешила мысль, что дом Баера Коэна и впредь будет им не чужим, потому что он станет домом их близкой родственницы Глюкхен.

Они сразу начали настаивать, чтобы Баер Коэн публично огласил свое намерение жениться на их кузине Глюкхен, дабы брачные посредники перестали их осаждать. И правда, посредники не давали им покоя: ведь каждый отец, имея на руках дочь, не мог мечтать о лучшем, чем выдать дочь за богатого и ученого Баера Коэна.

Бокал для кидуша. Германия, XVIII век.

Время от времени Баер Коэн успокаивал родных Глюкхен, однако уверял, что еще рано принимать какое-то решение. В конце концов он заявил, что такой брак невозможен: он-де вырастил Глюкхен как собственное дитя, под своей крышей, и всегда смотрел на нее как на дочь. Кроме того, он бездетный человек и уже не молод. Как же

ему брать в жены девочку, которая еще по крайней мере несколько лет не сможет родить ему детей? А если он все же станет ждать, пока она достигнет совершеннолетия, доживет ли он до этого? И если доживет, то сможет ли выполнять супружеские обязанности?

Подобные разговоры сильно напугали всех друзей девочки. Они напомнили ему, что он обещал своей жене на смертном одре жениться на маленькой Глюкхен и поручился в том перед свидетелями.

На это он отвечал: «Все это так, но я дал слово лишь бы ее успокоить, сделать приятное. Кроме того, я был тогда настолько расстроен, что не сознавал, что говорю. Прошу вас, уговорите Глюкхен освободить меня от обещания, и я дам приданое, которое обеспечит ей мужа не менее достойного, чем я. А если вы боитесь, что дом мой станет чужим вам, скажите, нет ли в вашей семье другой девушки брачного возраста, и я возьму ее в жены, а в отношении Глюкхен выполню все, что обещал». Но реб Аншел, фрау Мата и ее брат Реувен Ротшильд не хотели никого, кроме Глюкхен. Возможно, они понимали, что при всяком другом браке, даже с их родственницей, они потеряют свое влияние на Баера Коэна. А в то время все в доме делалось по их слову.

Моей дочке Фрейдхен было всего двенадцать лет, но для своих лет это была крупная девочка и несравненная красавица. Тут мой брат Вольф приходит и говорит: «Что ты бездельничаешь? Баер Коэн не женится на Глюкхен! Давай-ка я предложу ему жениться на твоей Фрейдхен». Слова брата и насмешили, и рассердили меня. «Что это за разговор, – сказала я. – Неужели я стану между сироткой и ее женихом и помешаю ей выйти замуж!».

Но брат поклялся, что наверняка знает: Баер Коэн не женится на Глюкхен. Если же он не женится на моей дочке, то возьмет постороннюю женщину, и вся семья станет нам чужой. Ибо всякая с радостью соединится с Баером Коэном, самым превосходным человеком в мире.

Итак, брат отправился к Баеру Коэну и предложил этот брак. Тот ответил, что не видел мою дочь, но пусть это предложение обсудят с Аншелом Вимпфеном, с его женой Матой и братом ее Реувеном и, если возможно, уговорят их убедить Глюкхен освободить его от данного слова. Когда брат мой с ними заговорил на эту тему, они пришли в ярость, а фрау Мата даже сказала: «Я не допущу, чтобы он женился на Фрейдхен Гамельн. По мне, пусть лучше женится на совершенно чужой нам женщине». Услышав это, я оставила всякие помыслы о таком браке.

Тем временем Баер Коэн поговорил с Глюкхен и попросил ее освободить его от данного слова. Он предложил ей княжеское приданое и сосватать любого молодого жениха, какой ей придется по вкусу. Но Глюкхен не желала ничего слышать!

Тогда он обратился письменно к нескольким раввинам, изложив обстоятельства и прося разрешения жениться на другой женщине. Ученнейший раввин из Альтенской ешивы ответил отказом, но, как рассказывают, другие раввины решили удовлетворить просьбу Баера Коэна.

Как бы ни желал Аншел Вимпфен женить его на Глюкхен, сейчас он убедился, что все попытки бесполезны. Оказалось, Баер Коэн давно уже мечтал жениться на дочери Тевеле Шифа, что вскоре и сделал. Через год она родила ему сына. Можете представить его радость!

Однако незадолго до этого внезапно умирает Аншел Вимпфен (в 1697 году). Ложась спать, он чувствовал себя отлично, но не прошло и часа, как он отдал Б-гу свою чистую душу. Вся община оплакивала его смерть, ибо это был прекрасный, Б-гобязанный человек.

Спустя полтора года после второй женитьбы Баера Коэна, когда я находилась на Лейпцигской ярмарке, стало известно, что его вторая жена серьезно больна, а со следующей почтой пришло известие о ее смерти. Вскоре после этого он женился на ее сестре.

Раввин Шмуэл Оргельс был причастен ко всей этой истории – его очень уважал Баер Коэн. Вскоро, вечером в пятницу, раввин Оргельс потерял сознание прямо в синагоге и тотчас умер.

Можете себе представить ужас, охвативший нашу общину. За короткое время умерли Аншел Вимпфен, раввин Шмуэл Оргельс и вторая жена Баера Коэна!

Одному Б-гу известно, имела ли какое-то отношение моя родственница Бела к смерти двух свидетелей нарушенного обещания. Я, как и все смертные, не могу судить о таких вещах. Нам остается только молиться Всемогущему Б-гу – да освятится имя Его, — чтобы он отвратил свой гнев от нас и от всего Израиля.

В конце концов, Баер Коэн нашел своей племяннице отличного жениха. Он выдал ее за сына богача Иегуды Берлина, и, как это известно всему миру, не обидел ни ее братьев, ни сестер.

Вся эта история не имеет прямого отношения к моей книге. Я рассказала ее, только чтобы показать непостоянство человеческой судьбы.

Кузина Бела перед смертью думала, что она на вершине человеческого счастья, да так оно и было по человеческим меркам! Она имела мужем Баера Коэна, великого знатока Талмуда, отпрыска племени священников, человека, происходившего из хорошей семьи, богатого, великодушного и доброжелательного. Они жили вместе счастливо и, хотя у нее не было собственных детей, рядом с ней были Глюкхен и Зелиг, дети Файбиша Коэна, которых Бела растила как родных. Она думала только об их благополучии и дожила до помолвки Зелига с дочерью богача Гертца Ганновера. Я собственными ушами слышала от нее, что этот молодой человек обошелся ей в 15 с лишним тысяч рейхсталеров, и столько же она отложила для его сестры. Когда и та была помолвлена так, как она того желала, радость ее была неопишима. В то время ее можно было считать самой именитой и самой уважаемой женщиной во всей Германии.

Но, увы, когда нитку натягивают до предела, она рвется! Так и Беле пришлось уйти от нас в расцвете лет, когда она была на вершине счастья. И в когтях смерти она все еще хотела настоять на своем и думала, ей это удалось, но вышло иначе!

К чему же ей тогда были богатство и почет? Нет власти и у человека над днем смерти (Коэлес, 8:8). Ее подлинно смиренный дух и то добро, что делала она людям, останутся при ней, но это единственное, что из всех ее богатств при ней останется.

Примерно ей был 51 год. В приданое своему жениху она принесла мало денег – меньше 900 талеров, но Всевышний ее благословил. Б-г дал Баеру Коэну большое богатство, а также потомство, да сохранит его Г-сподь до прихода Мессии! Всевышний

расширил его границы, ибо Баер Коэн был человеком большого сердца, каких теперь мало на белом свете.

Дорогие дети мои, бойтесь Б-га всем сердцем! Чего вы не получите на этом свете, Б-г даст вам в будущей жизни и во много раз больше, чем попросите, если только будете служить Б-гу всей душой и всем сердцем, это я часто говорила вам и больше уже не стану повторять...

ôiv

Возвращаюсь к своему сюжету.

Через некоторое время после вышеописанных событий я обручила свою дочку Фрейдхен с сыном Мойше бен Лейба, человека богатого, занимавшего видное положение в обществе.

Тем временем новый удар навис над нами, но Г-сподь милосердный его отвратил. Как я уже говорила, мой сын Натан вел большие дела с Шмуэлом Опенгеймером из Вены и его сыном Мендлом. Опять у него скопилось много их векселей, и срок их вот-вот должен был выйти. Как вы знаете, мой сын привык вовремя получать от Опенгеймеров переводы в покрытие векселей. Но сейчас не только переводов, но и вообще никаких вестей не было.

Наконец до наших ушей докатилась печальная весть: Шмуэл Опенгеймер и его сын заключены в тюрьму (арестованы по ложному обвинению в сентябре 1697 года). Как только это стало известно в Гамбурге, кредит моего сына пошатнулся. Все, у кого были векселя, чьи бы они ни были – Опенгеймера или кого-то другого, — стали настаивать, чтобы сын мой немедленно оплатил их наличными.

Таким образом, ему навесили десятки векселей, и он не осмеливался ни одного из них опротестовать или отказаться учитывать. Как раз открывалась Лейпцигская ярмарка, и ему необходимо было там находиться. Потому он оплатил все, что мог, и с тяжелым сердцем отправился в Лейпциг.

Прощаясь со мной, он сказал: «Мамочка, я уезжаю, и Б-г знает, когда мы свидимся. Мне надо уплатить еще много тысяч талеров. Прошу тебя, помоги. Я знаю, что Опенгеймеры не оставят меня на мели».

В воскресенье Натан выехал в Лейпциг вместе с группой других путешественников. А уже в понедельник начались мои неприятности с векселями. Я делала все, что могла, заложила все свое имущество и с головой влезла в долги. Наконец, я исчерпала все средства. Когда наступила пятница, предстояло уплатить еще 500 талеров, но я не знала, откуда их взять! У меня были векселя одной крупной торговой фирмы Гамбурга, которые я надеялась продать на бирже. Усталая, я обошла всех брокеров, всех биржевых маклеров. Однако при закрытии биржи они принесли мои векселя назад: никто не пожелал их принять.

Я была крайне удручена, но в конце концов с Б-жьей помощью как-то наскребла эти 500 талеров и покрыла долг.

Я приняла решение ехать в Лейпциг, а если окажется, что Опенгеймеры уже отправили туда денежные переводы, немедленно вернуться в Гамбург. Если же нет, то я

решила напрямик из Лейпцига ехать в Вену к моему испытанному другу Шимшону Вертгеймеру, который наверняка поможет вернуть то, что нам принадлежит.

Сопровождать меня я попросила брата Вольфа. Мы наняли повозку, и невдалеке от Лейпцига я остановилась в деревне. Оттуда я отправила посланника к детям, жившим в городе, и попросила выехать мне навстречу.

Они приехали и сообщили, что влиятельные и богатые Опенгеймеры выпущены на свободу и уже отправили денежные переводы в покрытие всех векселей. Услышав это, я снова села в повозку, и мы тронулись обратно; я поспела в Гамбург до начала Субботы. Шесть дней я провела в дороге между Гамбургом и Лейпцигом.

Нужно ли рассказывать о радости моих бедных детей и прежде всего моей невестки Мирьям, жены Натана! Мы расстались с ней в страшном горе и никогда не думали, что все решится так просто. Г-сподь Б-г — хвала Ему — помог нам поистине в один миг.

Хотя богачи Опенгеймеры оплатили все наши затраты, никогда не смогут они компенсировать те ужас и отчаяние, что пришлось нам пережить.

Будь милостив к нам, Г-споди Б-же, дай нам хлеб наш насущный!

Итак, хвала Г-споду, все кончилось хорошо!

ѐv

Вскоре дочь моя Фрейдхен вышла замуж за сына Мойше бен Лейба Альтенского. Свадьбу пышно отпраздновали в Альтене. (Мордехай, сын Мойше бен Лейба, женившийся на дочери Глюкели Фрейдхен, перебрался в Лондон и разбогател на торговле с Индией; в Лондоне в 1702 году он основал общину Гамбро, синагога которой была построена в 1725 году. – Прим. ред.)

Приближался срок свадьбы сына Мойше, и я написала Шимшону Байерсдорфу, что готова выехать в Байерсдорф. Однако он ответил, что, к великому сожалению, сыграть свадьбу в назначенный срок невозможно: дело в том, что, поскольку Г-сподь оказал ему милость видеть женатым своего младшего сына, ему хочется отпраздновать это событие в новом достойном доме. Он приступил к строительству такого дома, и, как только оно закончится, он пригласит меня, чтобы отпраздновать свадьбу со всей пышностью.

Но это не было единственной причиной для отсрочки свадьбы. Его Высочество маркграф Байрейтский принял на службу нового советника, который при Шимшоне Байерсдорфе сыграл роль Амана – стремился погубить его. Он настолько прижал Шимшона, что тот не знал, куда деваться, тем более что во владениях маркграфа находилось все его добро.

Однако Г-сподь, которого мы всегда благословляем, видел, сколько доброго делал Шимшон, как радушно он принимал бедных и богатых, как спасал графство от распада, и в своем милосердии сбросил злого Амана, а зло его обратил во благо, так что злые лишились власти и влияния. Шимшон же Байерсдорф с каждым днем возвышался. Не поддается описанию, каким уважением пользовался еврей Шимшон среди князей и владык сего мира. Да сохранил его Всеблагодой до Дня искупления!

Мы смогли отпраздновать свадьбу только через год!

Í à yò î ÿ ê î ÷ à þ ñ ã þ ÿ ò ó þ é í è æ é á

ШЛОЙМЕЛЕ

Èřààè Áàò ààèř Çèí àà

Однажды, вскоре после моего приезда в Соединенные Штаты, я сидел в своей меблированной комнатухе, неизвестный, как может быть неизвестен только писатель, пишущий на идише, и пытался с помощью словаря Гаркави учить английский по Библии. Отворилась дверь, и в комнату вошел румяный черноглазый человек с ямочками на щеках. Он улыбнулся ярким, как у девушки, ртом и спросил:

– Это вы писатель из Варшавы?

Он осмотрел меня и мою комнату. А я смотрел на него. Что-то было знакомое в его детском лице. Но фигура его казалась не такой уж молодой, с его широкими плечами и толстой шеей. Руки были слишком крупными для его короткого туловища. В красной рубашке, желтых брюках, пестром галстуке, с толстым портфелем под мышкой, он был похож на клоуна. Хриплым голосом и несколько фамильярно он произнес:

– Меня направил к вам Бернард Хатчисон.

– Хатчисон?

– На самом деле, его фамилия – Гольцман, но в Америке он стал Хатчисоном. Он пишет сценарии для Голливуда. Он прочитал ваш рассказ в этой еврейской газете – как она называется? – и решил, что из него получится хорошая пьеса. Я сейчас ставлю пьесу в небольшом театре около Бродвея. Вчера ее хвалили в газете «Вилледж джорнал». Извините, я забыл представиться: меня зовут Сэм Гилберт. По-еврейски – Шлоймеле. Так меня зовет мама. Я приехал в Америку, когда мне было пять лет, из польской деревни, забыл, как она называется. Всегда забываю ее название, когда надо. – Он хлопнул себя по лбу, как будто убивая комара. – Она где-то около Радома. Я помню только грязь. Глубокую грязь. Женщины ходили в высоких сапогах, как мужчины. Я тоже пишу пьесу, но сейчас я ставлю спектакль по пьесе одной моей приятельницы – очень способная девушка, ее зовут Сильвия Кац. Очень способная, но характер! Она звезда, послушайте, она настоящая звезда, она далеко пойдет. Мы скоро поженимся. Меня приглашают в Голливуд. Пятьсот долларов в неделю, шикарный кабинет, и все такое у меня в кармане – стоит мне только подписать контракт. Но я люблю театр. Я, знаете, хочу поставить еврейскую пьесу – по-английски, конечно, но с таким, знаете, домашним духом, с привкусом шкварок и селедки. Пусть гои (неевреи) знают, что мы люди с культурой, что нас не только деньги интересуют.

– Я не знаю, о какой вещи вы говорите. Я опубликовал несколько рассказов.

– Сейчас, у меня записано.

Шлоймеле поставил портфель на мой шаткий столик и раскрыл его. Из портфеля посыпались бумаги и фотографии. Когда я наклонился за ними, из портфеля выскользнула еще стопка фотографий: актеры, балерины, мужчины с безумными лицами, полуобнаженные девицы – белые и черные. Шлоймеле долго копался в бумагах, но так и не нашел названия рассказа. Огорчившись, он вынул из кармана сигару и

закурил. Сигара совсем уж не подходила к его детскому личику. Комната наполнилась дымом.

– Это о девушке, которая выдавала себя за студента ешивы, – сказал он. – Когда Сильвия услышала об этой истории, она просто сошла с ума. Эта роль прямо для нее. Роль, которую она сейчас играет, ей не подходит, хотя она сама ее написала. Критика все равно в восторге. Но театр очень маленький. Зрители любят бродвейские театры. У меня есть несколько богатых «ангелов» – так здесь называют меценатов. Мы сейчас ищем театр. Тот, в котором мы играем, все равно скоро снесут. Всем надо всунуть в лапу – снизу доверху, иначе обязательно попадешь в переплет. Все жулики: от полицейского на углу до самой большой шишки. Как говорят, «не подмажешь – не поедешь»... Как вы думаете, вы сможете сделать из рассказа пьесу? Мы подпишем контракт. Знаете что, я приглашаю вас пообедать с нами. Сегодня спектакля нет. Я познакомлю вас с Сильвией. Она родилась в Америке, но у них кошерный дом. Каждую пятницу мать зажигает свечи. Сильвия делает такую фаршированную рыбу – пальчики оближете, она просто тает во рту. Ее блинчики славятся на весь город. На идише она говорит хорошо, ну как бы это сказать, – со вкусом. Настоящая «идише мейделе^Ш».

Шлоймеле заморгал и широко улыбнулся.

– Мы женимся, а у нас обоих ни цента. Мой папа в ярости. Ее мама хочет зятя-миллионера – ни больше ни меньше. Мужчины сходят с ума. Режиссер, который зовет меня в Голливуд, влюблен в нее по уши. Но Сильвия и я – мы созданы друг для друга.

Шлоймеле говорил на смеси идиша и английского.

– Это не место для вас, – заявил он. – Писателю нужно вдохновение. Когда вы прославитесь, вам купят дом за городом, и вы будете смотреть на деревья, холмы и реку. Любовь – это тоже важно. Моя мама говорит: «Один в поле не воин». В Нью-Йорке

много хорошеньких девушек. Когда они поймут, какой вы талантливый, вам отбоя от них не будет. Вот мой адрес.

В Гринвич-Вилледж я долго искал дом, в котором жили Шлоймеле и Сильвия. Войдя в комнату, я увидел красные свечи в стеклянных подсвечниках на длинном столе, покрытом зеленой скатертью. На скамьях и на полу сидели юноши и девушки. Они курили и старались перекричать друг друга. Пахло жареным мясом, виски, духами и чесноком. Они пили и обмахивались кто чем: девушки своими сумочками, мужчины – журналами или сложенными газетами. Шлоймеле подбежал поздороваться. Сильвия закричала от восторга и обняла меня. Она была высокая, выше Шлоймеле, белокурая и стройная, с голубыми веками и густо накрашенными ресницами. Целуя меня так, словно мы родственники, она объявила:

– Вот автор нашей будущей пьесы.

Меня знакомили с девушками – блондинками, брюнетками и рыжими, с лохматыми юношами в рубашках всевозможных цветов с расстегнутыми воротниками, в шортах и сандалиях. Было и несколько негров. Обед задержали из-за меня: меня посадили во главе стола. По настоянию Сильвии я скинул пиджак. Сильвия взвесила его на руке:

– Б-же мой! Что у вас здесь? Полное собрание сочинений?

– Европейцы не изобрели летних костюмов, – объяснил Шлоймеле.

– Вы растаете здесь в такой одежде, – сказала Сильвия.

Этого она могла и не говорить. Моя рубашка с туго накрахмаленным воротничком и манжетами с запонками промокла насквозь. За обедом началась дискуссия, и все кричали во весь голос. Они спорили о современном театре. Не знаю, что их так возбуждало. Я слышал вновь и вновь имена Станиславского, Рейнхардта, Пискатора. Молодой человек с заросшей густыми волосами грудью назвал другого молодого человека фашистом. Девушка с обнаженной спиной подняла стакан томатного сока за новый театр. Все девушки все время целовали огромную собаку, которая пришла с одним из гостей, и называли ее «дарлинг». Мой бифштекс был полусырой, в подливке плавала кровь. На десерт подали пирог со сливками. Кофе был чернее ночи и крепкий, как спиртное. Вначале со мной возились, но теперь обо мне забыли. Я сказал Шлоймеле, что мне пора идти.

– Но вечер только начался! – запротестовала Сильвия, держа в руках с малиновыми ногтями мой пиджак. На прощанье она наградила меня долгим поцелуем и пообещала связаться со мной в самое ближайшее время.

Я запутался в улочках Гринвич-Вилледжа и не скоро добрался до метро. Пассажиры жевали резинку и читали утренние газеты. Стоя на коленях среди разбросанных газет и шелухи арахиса, негритенок чистил ботинки. Нищий сыграл на трубе мелодию и протянул бумажный стаканчик, в котором звякали мелкие монеты. Пьяный произнес речь. Он предсказал, что Гитлер спасет Америку, после чего его вырвало. На сидении рядом со мной кто-то оставил газетку, в которой описывалась история невесты, убитой ревнивым поклонником у входа в церковь. На фотографии невеста лежала на ступеньках церкви, в белом платье и фате. Убийца, стоя между двумя

полицейскими, позировал перед фотоаппаратом. Муссолини объявил, что он гений. Гитлер грозил напасть на Польшу...

Было ясно, что вечер пропал зря. В моем рассказе не было ничего от тех новых веяний, которые эти молодые люди хотели принести в театр. Я был голоден, так как не мог есть там ни мяса, ни кекса. Я вышел из метро, прошел три квартала до дома, где снимал комнату, и с трудом втиснулся в крошечный лифт, в котором на куче грязного белья сидел огромный негр. Коридор пятого этажа был узкий и темный, уборная в конце коридора всегда кем-то занята, моя комната раскалена, как печка. Лежа одетый на постели, я напряженно ждал, когда хлопнет дверь уборной. Я чувствовал, что моя щека распухла в том месте, где ее поцеловала Сильвия – как от поцелуя вампира.

Шлоймеле не появлялся целый год. Однажды, когда я сидел в кафетерии на Бродвее, он подошел к моему столику. Я с трудом узнал его. Он растолстел. Улыбаясь и здороваясь, он попросил разрешения подсесть и принес на стол поднос с блинчиками, сметаной, булочками с луком и молоком, приговаривая:

– Вот как странно! Я собирался пойти есть в ресторан Чайлдса, но что-то повлекло меня сюда. Как вы поживаете? Что слышно? Мы с Сильвией расстались. Она вышла замуж за гою и уже собирается разводиться. Он обещал ей звезды с неба, собственный театр, роль в Голливуде. Пустозвон! Ее мать чуть не умерла от горя. Но это Америка! Кто здесь думает о родителях? Мы были практически женаты, жили вместе, спали в одной кровати. И вдруг она идет и влюбляется в жулика! Я мог бы поставить ей пьесу на Бродвее, но теперь, ясное дело, все пропало. Сейчас я связан с новой группой. Я по-прежнему хочу поставить ваш рассказ. Я пробовал вам звонить. У нас изумительная молодая актриса. Сильвия не подходила для роли девушки, переодетой в парня. Она слишком большая и шумная. Честно говоря, она и на сцене такая же – она всегда пугала «ангелов» своей агрессивностью. Ее психиатр объяснил мне, что так она компенсирует тот факт, что ее отец был негодяй. Бонни совсем не такая. Пока мы просто живем вместе, но мы собираемся пожениться. Ее мать умерла, а отец – таксист в Кливленде, у него вторая жена и дети. У меня контора на углу Сорок восьмой улицы и Шестой авеню. Заходите как-нибудь! У нас компания на паях, мы репетируем пьесу. Мы собираемся ставить ее в Нью-Йорке. Хатчисон опять работает с нами. Он не ладил с Сильвией, а у Бонни легкий характер. Нам нужно двадцать пять тысяч долларов на постановку, и они практически у нас в кармане.

– Двадцать пять тысяч!

– А что такого? Для Бродвея это гроши. Если пьеса имеет успех, можно сделать миллионы. И вы разбогатеете. Вы пишете как можете, а я подправлю. Я подправлял десятки пьес. Самое главное – чтобы двигалось действие. Держать зрителей в напряжении. Завтра в половине первого будьте у меня в конторе. Я приведу Бонни. Она все о вас знает и очень хочет познакомиться. Они с Сильвией были подруги. Сейчас они, конечно, не так дружат. Но мы встречаемся. Я даже предложил Сильвии роль в пьесе. Но Сильвию устраивают только главные роли. Она мешуга^[2].

Разговаривая, Шлоймеле непрерывно жевал. Когда он съел все, что было у него на подносе, он принес мне и себе кофе и два куска ватрушки.

– Я толстею, – сказал он. – Но с моей работой приходится все время есть: ленч, обед, иногда еще закусывать в промежутках. Мне надо спустить двадцать фунтов. Но как это сделать? Что за жизнь без еды и любви? Вы мне позволите закурить?

– Конечно.

Он зажег сигару, пустил мне в лицо струю дыма и сказал:

– Я хотел быть актером, но я лучше справляюсь с административной работой. Я им всем как отец родной. Беременной девушке устроить аборт – пожалуйста. Это можно сделать только подпольно, но что делать? Приходите завтра ко мне в контору ровно в половине первого.

На следующий день я поднялся по трем пролетам узкой лестницы дома на углу Шестой авеню. В открытые двери комнаты были видны полуодетые девицы, тянувшие тоскливые песни о несчастной любви, которые, как я уже знал, назывались «блюзами». Гремело радио, на полную мощность играл граммофон. Я открыл дверь в крошечную комнату. Ее стены были увешаны фотографиями, плакатами и выцветшими газетами. В комнате находилась стриженная под мальчика низкорослая девушка с кривым носом и свиными глазами. Шлоймеле, говоря по телефону, поздоровался и сделал девушке знак глазами. Девушка торопливо скинула со стула журналы и жестом пригласила меня сесть. Шлоймеле тем временем говорил:

– Это невозможно. Вы не вправе так с нами поступать. Мы платежеспособная компания. Мы заплатим, мы не собираемся убежать из города. Мы, в конце концов, молодая труппа – нам надо помогать! Если пьеса удастся...

По-видимому, в этот момент на другом конце повесили трубку.

– Алло! Алло! – закричал Шлоймеле. Затем, обращаясь к девушке, ко мне и ни к кому в особенности, объявил:

– Он сумасшедший, просто сумасшедший!

От наших встреч, несмотря на то что они были случайны, у меня оставалось неприятное ощущение. У меня не было пьесы. У Шлоймеле не было театра. Он расстался с Бонни. У него появилась новая девушка, на голову выше его. У нее был длинный нос, черные курчавые волосы и усы. Она говорила басом и не скрывала членства в коммунистической партии. Она хотела организовать левую театральную труппу и ставить Брехта, Эрнста Толлера, «Волки» Романа Роллана и советских драматургов.

– Идиш – это хорошо, – говорила она. – Если он служит массам. Но пьеса о девушке, выдающей себя за студента ешивы, нам не подойдет. Прогрессивный зритель хочет, чтобы театр отражал его время, его борьбу и его роль в обществе.

Девушка – ее звали Беатрис – вела себя крайне самостоятельно. Она зажигала сигарету, дважды затягивалась и тушила ее в чашке кофе. Ее ногти были обгрызены до мяса, пальцы пожелтели от табака. Несмотря на то что она жила со Шлоймеле и пыталась вместе с ним организовать театр, она издевалась над ним. В кафетерии она постоянно гоняла его туда-сюда. То ей нужна была горчица, то – хрен. Сначала ей

нужны сосиски с тушеной кислой капустой, а через минуту – sandwich с мясом и соленым огурцом. Глубокие карманы ее мужского пальто были набиты газетами и журналами. Она даже кашляла, как мужчина. Когда она пошла в туалет, Шлоймеле сказал:

– Не относитесь серьезно к тому, что она говорит. Роль мальчика из ешивы специально для нее. Она станет гвоздем сезона.

Я решил прекратить наши встречи и пустые разговоры, но мы продолжали встречаться случайно. Как я ни пытался, мне не удавалось убедить Шлоймеле, что театр меня не интересует, и он продолжал говорить о моей несуществующей пьесе. Стоило мне пройти через турникет кафетерия, как он вскакивал и подбегал ко мне на своих коротеньких ножках, держа в руках нож с вилкой, салфетку и тарелку. Его единственным желанием было сделать мне что-нибудь приятное. Не хочу ли я пойти в оперу? Люблю ли я музыку? Его бумажник был набит билетами. Его бывшая знакомая гейша согласна стать моей любовницей. Или, может быть, я хочу попробовать марихуаны? Он мог устроить по оптовой цене все, что угодно: пальто, костюм, рубашки, часы, пишущую машинку, выпивку. Врачи, аптекари, массажисты, редактора, производители зонтиков были его ближайшими друзьями. Мне было очень тяжело все время отказывать ему, и однажды я согласился взять два билета на новую комедию. Когда мы с приятельницей приехали в театр, то обнаружили, что он закрыт. Критика разнесла спектакль, и театр закрылся после первого же представления.

Шли годы, и Шлоймеле стал символом моих собственных неудач и истраченного впустую времени. Мне не удавалось найти издателя, ему – театр. Он толстел, я худел. Мы оба много раз собирались жениться, но оставались холостяками. Много раз мы собирались в Европу, в Палестину, но шли годы, а мы всё сидели в Нью-Йорке. Несмотря на то что Шлоймеле все время хвастался своей предприимчивостью, я не мог понять, как он зарабатывает на жизнь. Он тоже плохо понимал, что я делаю. Я изредка печатал статью в каком-нибудь периодическом издании на идише, переводил, редактировал, корректировал, даже писал за других. Шлоймеле вроде бы стал мелким импрессарио. За десять-пятнадцать лет он не утратил своей жизнерадостности. Он очень растолстел, страдал от астмы, но глаза его светились юным энтузиазмом и доброжелательностью, и никакие невзгоды ничего не смогли с этим поделать. Что касается меня, то моя записная книжка по-прежнему была полна планами ненаписанных романов, рассказов и эссе. Удивительно, что мы не знали ни адресов, ни телефонов друг друга. Иногда проходили недели, месяцы, и мы не встречались. В другие времена мы виделись каждый день, иногда два раза в день. Мы были и близкими друзьями, и чужими людьми. Он рассказывал о своих делах, я – о своих. Больше нам говорить было не о чем. И хотя в нем не было почти ничего, что бы мне нравилось, я не мог не признать, что между нами было много общего. Ни один из нас не мог довести дело до конца. Нам обоим не везло с женщинами (или, наоборот, им не везло с нами). Они всегда начинали с нами с возвышенных чувств, а потом выходили замуж за страховых агентов, бухгалтеров, мясников или официантов.

Остатки моих волос поседел. Черная грива Шлоймеле поредела, в ней тоже появились серебряные нити. Когда он знакомил меня со своими подругами, это были уже не девушки, а женщины средних лет. Я был влюблен во вдову намного старше меня – у нее уже были внуки. Мы не могли ни жить вместе, ни расстаться. Она все время боялась, что про нашу связь узнает ее сын, невестка, дочь или зять. По ночам ее язык заплетался от страсти, и она кусала мое плечо, а по утрам она рассказывала мне, что купила участок земли на кладбище около могилы мужа. Неожиданно она перестала красить волосы и за

несколько недель стала совершенно седой. Она отказалась от своей квартиры и переехала к дочери на Лонг-Айленд.

– Всему приходит конец, – сказала она мне по телефону.

Я попытался связаться с кем-нибудь из моих прежних приятельниц, но тем летом никого не было в городе. Замужние были заняты своими семьями, одинокие уехали в Европу или в Калифорнию. Некоторые переехали или сменили номер телефона. Я попытался завести новое знакомство, но ничего не выходило. У меня пропало желание писать. Мои пальцы потеряли твердость. Авторучка потеряла послушность: она то переставала писать, то обливала меня чернилами. Я не мог разобрать собственного почерка. Я пропускал буквы, иногда целые слова, делал дурацкие ошибки, писал длинными предложениями. Казалось, что в меня вселился злой дух, и я часто писал обратное тому, что хотел написать. Мои заметки, даже целые рукописи исчезали. Я перестал спать. Телефон не звонил, и по почте мне ничего не приходило. Рубашка промокала от пота, как только я ее надевал. Ботинки жали. Я резался во время бритья. Галстуки были в пятнах от еды. Нос был постоянно заложен. Мне было трудно дышать. У меня зудела спина и был геморрой.

Я отложил немного денег на отдых, но не знал, куда поехать. В кафетерии я увидел Шлоймеле. Он ел вермишель с творогом. Круглый, как бочка, с заплывшим лицом, с синяками под глазами, в рубашке с грязным воротником, он все еще выражал живейший интерес к происходящему. Он помахал мне рукой, приглашая сесть. Я подсел к нему со своей чашкой кофе.

– Что с вами случилось? – спросил он. – Я повсюду искал вас, но...

– А что, вы нашли театр? – перебил я его, понимая всю жестокость моего вопроса.

– Театр подвернется. В конце концов, что такое театр? Зал со стульями. На Бродвее можно сделать миллионы. Знать бы только, как...

Шлоймеле засунул в рот ложку вермишели, поперхнулся и запил молоком. Он снял упавшую на отворот пиджака вермишелину и съел ее.

– Как вам нравится эта погода? – сказал он. – Надо быть сумасшедшим, чтобы сидеть в городе в такую жару. Почему бы вам не уехать? Я знаю, это трудно. Есть обязательства. Тут сейчас находится актриса из Израиля, очень талантливая. Знаете, ее муж родился в Вильне.

– Неужели?

Шлоймеле посмотрел на меня искоса и улыбнулся:

– А почему бы нам не поехать куда-нибудь?

– Вдвоем?

– А что тут такого? Мы не гомосексуалисты. Мы найдем женщин.

– Куда же мы поедем? – спросил я, удивляясь самому себе.

– У моего приятеля есть отель в Монтичелло недалеко от Нью-Йорка. Нам это не будет стоить ни цента. Там красиво, свежий воздух, еда как дома: сметана, творог, черника, блинчики – что хотите. Ему нужен кто-нибудь, чтобы выступать в казино. Давайте что-нибудь организуем. Вы можете читать лекции?

– Ни за что.

– Нет так нет. А почему бы и нет? Прочитайте им несколько страниц, и все будут довольны. Они целый день едят фаршированную шейку с оладушками и ничего не делают. Им нужно развлечься. У вас есть юмористический рассказ?

Ночью я не мог заснуть. В моей меблированной комнате было жарко, как при пожаре. Ни дуновения ветерка не долетало из открытого окна, ничего, кроме жадных комаров из Нью-Джерси, которые жужжали и кусались. Я убил несколько штук, но это ничему не научило остальных. Из химчистки напротив поднимались ядовитые пары. От мерзкого запаха у меня кружилась голова. На минуту мне показалось, что кто-то спускается по пожарной лестнице. Я замер. У меня не было ничего ценного, ничего такого, что могло бы заинтересовать вора, но в Нью-Йорке полно маньяков. Громко мяукали кошки. На улице никак не мог завестись грузовик: он рычал, хрипел и тряс своими жестяными внутренностями. Мне хотелось пить, но из крана текла теплая и ржавая вода. Мне нужно было в уборную, но не было сил надеть халат и дойти по узкому коридору до уборной, которая, скорее всего, была занята. Я стоял голый между кроватью и хромым столом, на котором лежал мой так и не законченный роман, и чесал себе спину.

Через несколько дней я отказался от комнаты, запаковал вещи в два чемодана и сел на поезд метро, идущий к Центральной автобусной станции. Приехал раньше времени, но Шлоймеле уже стоял на остановке со старомодным сундуком и тремя чемоданами. На нем была соломенная шляпа, розовая рубашка и галстук бабочкой. Я видел его за два дня до этого, но не узнал его. Это был не тот Шлоймеле, которого я знал. Это был старый, сгорбленный седой человек с зеленым лицом, двойным подбородком в морщинах и грустными глазами под лохматыми бровями. Секунду он

недоуменно смотрел на меня, как будто тоже не мог поверить своим глазам. Потом он встряхнулся, улыбка осветила его лицо, и в долю секунды он стал прежним Шлоймеле. Он замахал мне, растопырил свои короткие ручки, словно пытаюсь меня обнять, и радостно закричал:

– Добро пожаловать, шалом! Я разговаривал с израильской актрисой о вашей пьесе. Эта роль специально для нее. Она просто в восторге.

11 *Àââéñèàÿ ääââóêà*
12 *Ñòì àñòäâòàÿ.*

СВЯЩЕННИК КОГАН. ПУТЕШЕСТВИЕ ХРИПАТОГО СОЛОВЬЯ

Àààèä Ì àðéèø

Èç éíéèè «Çàì èñèè ì îòîðíí ùèèà Áàí èàì èí à Ñàì àí íàè÷à Áàèíòàðéíàíèíà»

От составителя

История этих «Записок» необычайна, как и судьба их автора – Вениамина Семеновича Белоцерковского, человека кладбища, простоявшего жизнь одной ногой в чужой могиле. Именуя себя похоронщиком, Вениамин Семенович служил жизни не в меньшей степени, чем смерти: ведь смерть является частью жизни, и частью изрядной. Этот негромкий старичок (но мог, как и каждый из нас, иногда и зарезать), этот похоронщик глядел на окружающее кратковременное движение с особым прищуром, свойственным представителям его профессии, и именно в подобном взгляде на мир и скрыта принципиальная разница между писателями и инженерами. Литературные герои живы в отличие от их прототипов, и датский могильщик вдруг материализуется и усаживается, сложив на коленях руки, рядышком с Вениамином Семеновичем. Им есть о чем поговорить, и, подсядь к ним мусульманский погребальщик с кетменем и в белой вязаной чеплашке, – он будет принят в разговор без лишних расспросов. Они приятно связаны знанием своего ремесла, но мусульманский, еврейский и христианский погребальщики и отличаются кое в чем друг от друга – не потому, что покойники у них разные, а потому, что татарин не датчанин, а датчанин не еврей. Наш мир пестр чрезвычайно, и похоронщики тоже отличаются один от другого. Но в мои намерения не входит отбирать хлеб у Вениамина Семеновича Белоцерковского – он автор, он творец бессмертной литературной субстанции, ему слово. Я только расскажу о том, как в мои руки попало то, что вы сейчас держите в своих.

В начале шестидесятых занесло меня на московский Дорогомиловский рынок, где торговали в то время старинной мебелью. Торговля производилась в темном мрачном бараке, самый дух которого навевал мысли о нарушениях закона: краснорожий и белоглазый, как рыбец, торговец напоминал скорее безжалостного атамана разбойников, нежели ценителя и знатока павловских шкафов и екатерининских кушеток. Мебельный запас не оскудевал в бараке, божьи старушки притаскивали сюда, на Дорогомиловский, полуразрушенные старинные этажерки да тумбочки, ломберные столики и золоченые рамы в надежде выменять это вчерашнее роскошное богатство на современный, из стружечно-опилочных каких-то плит шифоньер цвета прелой соломы, хотя бы и из третьих рук, но модный в глазах новых требовательных детей, решительно отвергающих вкусы матерей и отцов; это уже потом, лет через десять-пятнадцать, постаревшие дети кинулись искать красное дерево с птичьим глазом... Белоглазый же торговец в уголовном своем бараке старушек ничуть не обнадеживал, просьбы их о чехословацких стульях и югославских полках выслушивал невнимательно, вполуха, протягивал пятерку, десятку и отсылал домой. Подручный его, молодец вовсе уже разбойного вида, с грохотом вдвигал привезенное старушками в чрево барака и отправлялся пить водку с пивом. Видно, промышленли они чем-то еще помимо торговли старинной мебелью, не то давно бы протянули ноги.

В этот барак я и явился в поисках письменного стола для моих занятий. Торговец с подручным молодцом приняли меня с большим безразличием, отчасти и с досадою, как будто я не покупать пришел, а попрошайничать в обеденный час. Махнув крепкой рукою в сторону

мебельного пыльного леса, торговец пригорюнился и забыл про меня. А я, протискиваясь меж царскими зеркалами и купеческими кроватями, искал стол, за которым сейчас сижу.

Стол выплыл, как фрегат из морской дали, – тяжелый, но стройный и строгий. К краснопламенной его столешнице была прикручена бронзовыми винтами книжная полка с бронзовыми адмиральскими колоннами и резным навершием. Под столешницей располагались ящики, украшенные резьбой и поздними надписями личного свойства, нанесенными с помощью гвоздя.

– Вот его! – указывая, сказал я торговцу. Тот назвал цену более чем умеренную, получил спрошенное и снова перестал меня замечать. А мне и не надо было.

Через час стол был уже у меня, я мог начать его обживать. Выдвинув верхний правый ящик, я обнаружил за ним тайник.

В нише тайника, замаскированного с любовью, лежала свернутая в трубку и перетянутая бечевкой толстая тетрадь. «Записки похоронщика Вениамина Семеновича Белоцерковского» – было написано на первой странице лиловыми чернилами.

Листая тетрадь, я не мог не вспомнить старые истории о присыпанных мусором и пылью сундучках с рукописями, о бутылках с письмами, вынесенных океанской волной на пологий берег. Я был несколько смущен: времена бутылок и сундуков, казалось бы, канули в Лету, но вот Дорогомиловский рынок, тайник, тетрадь... И я принялся за чтение.

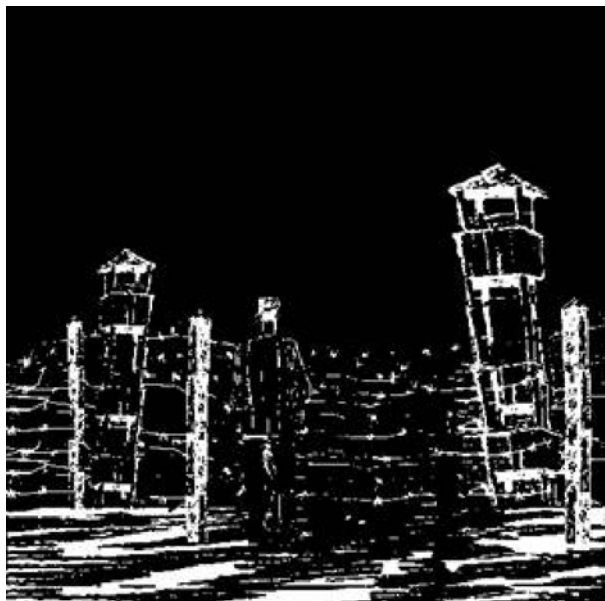
Времена за окном моей комнаты в коммунальной квартире стояли суровые, о публикации «Записок» нечего было думать: публикатора посадили бы годков на семь, предоставили бы ему возможность познакомиться на практике с материалом, предлагаемым к печати... Да никто бы и не поверил, что случайно наткнулся я на эту тетрадь, а не сам сочинил истории, порочащие советскую власть и все самое святое в нашей жизни, так похожей на сказку. Тетрадь следовало припрятать подальше, вернуть в тайник. Так я и поступил. Но я возвращался к ней довольно часто, читал и перечитывал, исправлял грамматические ошибки, снимал восклицательные знаки оттуда, где они были случайны, и ставил точки там, где они были необходимы. Макароны ваши, но подливка все ж таки моя, как заметил похоронщик Белоцерковский в одном из своих рассказов. Но я ничего не дописывал за Белоцерковского и ничего не выбрасывал из написанного им.

В 1972 году я эмигрировал из Советского Союза – пришло мое время. Вопреки запрету властей ушли на Запад мои рукописи, а вместе с ними и «Записки похоронщика». Свободные западные корреспонденты помогли мне в этом – и теперь каждый из тех, кто помог, получил по экземпляру этой книги. Интересно, думал ли когда-нибудь похоронщик Вениамин Белоцерковский, что его «записки» выйдут в переводе на французский язык, да и вообще, что они – выйдут?

Два года назад из рассказов, вошедших в тетрадь, я составил эту книгу и передал ее в издательство. А еще годом раньше, работая в Национальной библиотеке, я обнаружил в газете «Златопольская звезда» от 15 сентября 1987 года на литературной странице рассказ «Кузьмич», подписанный В. Белоцерковским. Телеграмма и два заказных письма, направленных в редакцию газеты в связи с этой публикацией, остались без ответа.

Как попал этот рассказ в редакцию «Златопольской звезды»? А как перетянутая бечевкой тетрадь попала в потайной ящик моего стола? И разве замыкается круг вопросов, на которые мы ищем и не получаем покамест ответов, этими двумя?

СВЯЩЕННИК КОГАН

У нас в лагерях любят слово «спец»: спецмаршрут, спецконвой. Спецпаек. Или даже просто «спец», «спецы», с начала 30-х их хватали как капиталистических вредителей. Но они, кажется, и до лагеря, еще на воле тоже назывались «спецы», специалисты. Значит, на воле тоже любят это слово, но у нас в зоне крепче любят, потому что если у нас говорят «спец» – значит, что-нибудь особенное должно обязательно произойти.

В августе 49-го меня взяли на спецэтап. Ну вы, наверно, знаете, как это делается. Приходят в барак, ночью, и говорят: «Белоцерковский, с вещами! Быстро! Быстро!» А если говорят: «Без вещей!» – значит, берут на расстрел. Это еще зависит от года: в 47-м, например, почти каждую ночь брали людей на расстрел, а в 49-м уже иногда могли и не брать. Но когда ночью берут и говорят «Без вещей» – это очень плохо.

А меня взяли с вещами, и я не особенно беспокоился. Этап так этап. Людей везде хоронят, и дальше кладбища меня все равно не увезут.

Спецконвой уже ждал – два солдатика с детскими губами и страшными глазами. Мы добрались до полустанка, сели в рабочий поезд и поехали. К утру мы были на разъезде «38-12», там угольные шахты и кругом одни лагеря, а все же глаз радуется с отвычки, после зоны. Голое место, и торчат эти терриконы. И тут я удивился: зачем меня со спецконвоем посылать на шахту? Я больше полугода под землей не протяну. Так зачем? У Перебийноса в нашем лагере я хорошо работал, никто на меня не жаловался. Может, за сионистов опять взяли? Или за бундистов? И стало мне грустно.

В управление меня приводят со всем почетом, конвой топает и сдает меня какому-то офицеру, нервному человеку.

– Я капитан, – этот человек говорит, – вы можете присесть. Меня звать Коган Арон Лазаревич. – И смотрит на меня так, как будто уже рассказал мне историю всей своей жизни.

– Зек Белоцерковский, – говорю я этому Когану и уже хочу встать со стула, а он руками замахал и отчаянно так шепчет, даже морщит лицо:

– Сидите! Сидите! Хотите есть? Роман Ильич вчера скончался, наш замполит. Понимаете?

А что я мог тут понимать? Ну умер замполит, какой-то Роман Ильич, ну похоронят его, мимо земли не пронесут. В каждом лагере похоронщиков хватает, а начальство тем более хоронят свои, на спецкладбище, а не на нашем. Из ружей стреляют, оркестр играет... А меня привезли со спецконвоем, чтоб Коган, выходит дело, сказал мне про Романа Ильича, про которого я даже никогда не слышал? И, все-таки, ко мне это имеет большее отношение, чем, например, к учителю или артисту. Просто профессионально, если хотите знать.

– Он, что, болел? – спрашиваю.

– Он пил, – говорит Коган и пальцами по столу стучит: «туп-туп, туп-туп». – Тут, понимаете, дело не совсем обычное.

А что тут необычного? Пил Роман Ильич и умер от белой горячки. Жена поплачет и выйдет за другого, офицерские вдовы одни долго не сидят. У ней, наверно, и дом есть, и коровка. Умер человек – житейское, извините, дело, и нечего из этого устраивать историю. Вот когда рождается человек на свет – это, действительно, история! Но у нас в лагерях не рождаются, только умирают.

– Он, видите ли, был не совсем Роман и не совсем Ильич, – говорит Коган и смотрит на меня как бы на брата или другого близкого человека. – Он был, между нами говоря, Рувим... Вы ведь еврей?

– Еврей, – я говорю. – Да.

– Ну вот, – говорит Коган. – Так его жена, Рувима Израилевича покойного, хочет похоронить его по нашему обычаю. И он тоже так хотел.

– Он был замполит? – спрашиваю.

– Ну и что? – пожимает плечами Коган. – Замполит. Что, по-вашему, еврей не может быть замполитом? Нет-нет, вы мне скажите!

– Вот он же был, благословенна его память, – говорю я этому Когану. Там было так тепло, в его комнате, так чисто, и мне хотелось еще посидеть и поговорить.

– Да, это был незаурядный человек, – говорит Коган. – Хотите выпить рюмку? Н, пожалуйста! Он все-таки оставался евреем, а это, вы сами понимаете, нелегко. Поэтому он так пил. У него даже была книжка Шолом-Алейхема. Я, например, никогда не читал Шолом-Алейхема, а теперь обязательно возьму и прочитаю. И он после смерти тоже хотел оставаться евреем. А ведь это могло ему стоить партийного билета!

– Ну теперь уже не исключат... – говорю я и развожу руками.

– Да, но у него ведь жена, – не соглашается Коган, – это тоже понимать надо. Пенсия и все такое...

– А что, пенсию отобрать могут? – спрашиваю я.

– А вы разве не понимаете? – понижает голос Коган. – Все могут, все! Член партии, председатель месткома, и вот нате вам – еврейские похороны. Ведь тут кругом одни гои, что они скажут?!

И так он все это говорил, как будто не в лагерном управлении мы с ним сидели, а в синагоге, и он был не начальник, а я был не зек. И я в первый раз в жизни почувствовал, что все евреи – братья и сестры, не всегда, конечно, не при всяком случае, а хотя бы изредка, хотя бы на десять минут, вот как тогда: мы сидим с Коганом в чистоте и тепле и говорим, как сыновья одного отца.

Похоронить еврея не намного трудней, чем похоронить гоя. Тут все дело в привычке. Например, некоторые думают, что в гробу покойнику лежать лучше и почетней, чем без гроба. Но мы, евреи, хороним без гроба: мы привыкли, а попробуйте отговорить еврея, если он уже к чему-то привык. И почему, действительно, в гробу «под мрамор» и с кружевами, а не в кровати с панцирной сеткой и блестящими шариками? Почему в черных штанах, а не в полосатых? Я не говорю, что это плохо, просто гои это взяли в привычку и на том стоят... Но мы-то хотели похоронить Рувима Израилевича как полагается: без гроба и без черных штанов. Для этого меня и доставили со спецконвоем сюда, на разъезд «38-12», потому что хоронить – это моя профессия, а хоронить по-еврейски – это моя душа.

Нам нужен был миньян. Найти десяток евреев в любом лагере – плевое дело, для этого даже очки не надо надевать. Но десять зеков на спецкладбище, у замполитской могилы – это уже контрреволюция, это скандал! Коган обещал привезти одного майора и еще одного еврея из поселка, завпочтой, – а остальные?

– Есть еще Розалия Борисовна, – предложил Коган. – Вдова.

– Женщина не годится для миньяна, – сказал я. – Вы, что, не знаете? Какой же вы еврей?

– Я не знал, – смутился Коган. – Простите...

– А больше тут нет евреев? – спросил я.

– Нет, только майор, – сказал Коган. – И почтарь.

В ВОХРе евреев не было, это же ясно.

– Тогда придется взять зеков, – решил я.

– Да, да, – сказал Коган. – Если нет другого выхода... А пять нельзя? Ну шесть?

– Десять! – сказал я. – Миньян! Что вы тут со мной торгуетесь?

– Я не торгуюсь, – сказал Коган. – Берите, если надо. Но тогда придется взять конвой, без этого никак нельзя.

– Пусть будет конвой, – разрешил я. – Постоят где-нибудь...

Евреев я, конечно, сразу нашел в зоне. Я видел: это будет для них праздник – вот так собраться, все свои, и молиться Б-гу, вместо того чтобы идти на работу. И я хорошо думал об этом Романе Ильиче, об этом замполите: вот, он умер, и евреям вышел праздник.

Коган достал в санчасти носилки, и наших зеков привели. Гои тоже пришли – сослуживцы покойного, человек двадцать. Они толпились в сторонке в своих парадных сапогах и думали, что это кино, а не похороны на спецкладбище. Могила была уже готова, зеки тащили носилки от грузовика. И тут я заметил Когана у самой ямы.

– Нельзя! – закричал я Когану и стал толкать его от могилы. – Нельзя! Ждите за воротами!

– Как нельзя? – удивился Коган.

– Вы же Коган, Б-же мой! – он даже не знал, почему нельзя, этот еврей. – Кто будет служить в Храме, когда придет Мессия?!

– Когда придет Мессия? – переспросил Коган. – При чем тут Мессия?

Гои молча смотрели на нас, им было интересно.

– Когда придет Мессия, – объяснял я Когану, выпроваживая его с кладбища, – ему понадобятся священники для Храма. Только Коганы могут служить в Храме, чистые Коганы. Я не могу, другой не может, а вы можете! Это великая надежда для еврея, вы понимаете? Но Коган может иметь дело только с живыми, иначе он осквернится, и его не пустят в наш Храм. Вам нельзя заходить на кладбище! Идите же!

– Но я... – промычал Коган, отступая к воротам.

– Мне можно, другому можно, – твердил и уговаривал я. – Вам нельзя. Откуда вы знаете, что когда придет Мессия, священником Храма будет какой-нибудь профессор Коган, а не капитан Коган с разезда «38-12»? А?

Он больше не спорил и твердо шагал. Через ворота он глядел, как мы закапывали могилу и читали Кадиш. Ему, капитану Когану, вдруг захотелось стать священником в иерусалимском Храме и, может быть, он верил, что так когда-нибудь и случится.

ПУТЕШЕСТВИЕ ХРИПАТОГО СОЛОВЬЯ

Я никогда не был в Иерусалиме. А вы были? Простите, я вам не верю. Какой еврей, спрашивается, не хочет поехать в Иерусалим и постоять немного у Стены плача? Нет такого. Стена плача – это первое, что приходит в голову еврею, когда он слышит слово «Иерусалим». Но когда у вас есть время, чтобы немного подумать, вы начинаете представлять в своей душе и в своей голове кое-что другое, кроме камней Стены: улицы, деревья и небо – и ничего у вас из этого не получается. Вы видите Стену, вы стоите около нее и не можете от нее отойти.

Мне выпало на раздумье семнадцать лет с довеском, много времени, и я видел камни Стены так, как будто из них был сложен наш лагерный барак. Я знал точно, между какими блоками пробилась трава и куст, а где живет птица. Но для того чтобы представить себе небо этой птицы и чуть-чуть погреться под этим небом в воркутинском снегу, мне нужен был человек, который видел Иерусалим собственными глазами.

Такого человека я нашел, его звали Хрипатый Соловей.

Ну вы же понимаете, что иностранец по имени Хрипатый Соловей не может существовать в природе. Иностранец – это Джек или там Джон, Смит. А Хрипатый Соловей – это урка, разбойник и бандит. Но Иерусалим – это ведь не совсем заграница, а иерусалимский еврей – совсем не иностранец. Соловей сказал мне, что был в Иерусалиме, и я ему поверил. Не сразу, но поверил.

– Там живут все наши, – уверенно сказал мне Хрипатый Соловей, чей отец назывался в свое время Вольф Соловейчик. – Одни евреи кругом, хоть ты задавись! – И он зазвенел счастливым хохотком, выкатившимся из него, как никелированные шарики из стальной музыкальной машины.

– Как ты туда приехал? – требовательно спросил я, еще не вполне веря Соловью, но желая поверить ему как можно скорей. – На чем?

– По морю, как! – сказал Хрипатый Соловей и удивился. – А потом уже на фаэтоне. По дороге подвернулось одно дело, в Козлове, хрустов было – во! – и он

показал руками, как деньги в результате этого одного дела раздували карманы его ватных штанов.

Сообщение о том, что по дороге в Иерусалим Хрипатый Соловей кого-то ограбил, а вполне вероятно и зарезал, – это сообщение окончательно уверило меня в том, что он говорит правду. Итак, Хрипатый Соловей был в Иерусалиме и все видел своими глазами.

А надо вам сказать, что у нас в лагере сидело много людей, которые ездили за границу или даже жили там всегда, там родились и уже потом приехали к нам погостить или по каким-нибудь другим делам и вот получили срока как шпионы и засланные диверсанты. Немцы были у нас, итальянцы, два японца, один почему-то монгол, который в 46-м ел конскую кожу, еще турки, греки... Все у нас сидели, и все у нас умирали.

Монгол, который ел кожу, он был хоть и иностранец, вряд ли мог каким-нибудь бочком, бочком каким-нибудь попасть в Иерусалим. Но я подошел к нему и спросил – так, на всякий случай:

– Ты заграничный все же человек, ты двадцать пять лет получил. Иерусалим – слышал?

– Нет, – сказал монгол и пошел спать.

Итальянцы тоже не были никогда в Иерусалиме, а про японцев нечего и говорить. Немец Фридрих Беме, правда, сказал мне, что он доехал когда-то до Египта, а там уже до Иерусалима – рукой подать. Но даже если Египет расположен рядом с Иерусалимом, то от этого в Воркуте не становится теплей.

Остался, значит, один Хрипатый Соловей.

– Ты Стену видел? – спросил я у него. – Стену плача?

– Ну а как же! – сказал Хрипатый Соловей. – Прямо рядом стоял. Большая-ая! И все евреи стоят и плачут, потому что не хотят уходить, а надо.

– Как это – надо? – спросил я. – Куда это им надо?

– Ну как... – задумался Хрипатый Соловей. – Кому делать гешефты, кому домой. Я у них не спрашивал, неудобно все же...

– А ты тоже плакал? – спросил я.

– Как все, так и я, – сказал Хрипатый Соловей. – И вроде плакать не хотелось, чего там плакать, а потом гляжу – вся харя мокрая. Даже странно как-то. С чего бы это?

– Потому что ты – еврей! – разъярил я, и Хрипатый Соловей согласно мотнул головой с бронированным лбом и шелковыми кудряшками. – А если пойти от Стены, предположим, налево? Что там?

– Дома, деревья-фикусы, – сообщил Хрипатый Соловей. – Сплошные фикусы! Задержавшись на миг, он затем предупредил мой следующий вопрос. – И направо если

пойдешь – тоже фикусы. И между этими фикусами прогуливаются себе люди, довольно-таки клевые фраера: клифты в полоску, желтые колеса.

– Евреи? – требовал я единственно правильного ответа.

– А кто же – гои? – возмутился Хрипатый Соловей и махнул кулаком перед моим носом. – Это Иерусалим, папаша!

– А торговля? – спросил я.

– Да, – успокоил меня Хрипатый Соловей. – Креп-жоржет, габардин. Рыжие цепочки. Бери и клади

в мешок!

– А кони там есть? – продолжал я допытываться. – Кони с телегами? А на телегах сидят балагулы, как у нас в местечке? Должны там быть кони с телегами, ты только вспомни получше!

– Вот коней не видал, – заупрямился почему-то Хрипатый Соловей, – ты только, папаша, не обижайся... Зато тепло, ни тебе снега, ни тебе льда!

Немец Фридрих Беме, чересчур знающий человек, стоял в сторонке и прислушивался.

– Я был в Египте, – сказал этот Беме, хотя ни я, ни Хрипатый Соловей, ни сам Г-сподь Б-г – никто не просил его вмешиваться в наш разговор, – и я знаю: в Иерусалиме, как в Египте, – беспорядок, грязь и страшная жара. И нет никаких ваших евреев около Стены плача, одни арабы там живут.

Хрипатый Соловей вздрогнул, как от удара током, и броня его лба из розовой сделалась голубой.

– Значит, нет... – просипел Хрипатый Соловей. – Значит, жара...

Фридрих Беме был не трус, но он испугался. Царь Давид, герой и храбрец, тоже испугался бы, взгляни он сейчас на Хрипатого Соловья с его страшным синим лбом.

– Евреев – нет, – повторил Беме на свою беду и клацнул зубами.

Может быть, он действительно верил в то, что в Иерусалиме нет евреев, и поэтому стоял на своем. Так он представлял себе наш Иерусалим и не хотел поступаться принципами.

Хрипатый Соловей качнулся, как будто доски пола поплыли у него под ногами в разные стороны. Выщербленная гиря его кулака, описав дугу, опустилась на лицо Фридриха Беме и отбросила послушное тело немца к стене барака. Те зеки, которые стояли или сидели поодаль, глядели на избиение со своих мест, а те, которые находились рядом, отошли на всякий случай подальше. Хрипатый Соловей бил немца руками и ногами, совал ему пальцы в рот и рвал губы, и выуживал глаза из их ям. Он прижимал

Фридриха Беме к стене и придерживал его, чтобы тот не сполз на пол, потому что непристойно бить и убивать лежащего человека.

Фридрих Беме выжил, освободился в 1954 году, уехал в Германскую Демократическую Республику и стал там заместителем министра труда.

А Хрипатого Соловья назавтра кто-то стукнул около бани дубиной по голове – может, немцы, а может, свои – блатные. Он умирал в лагерной больничке, в зоне, и я пришел проститься с ним.

Хрипатый Соловей лежал на спине, посиневшее, с красным отливом лицо его было безмятежно. Я потряс его за плечо, и тогда он медленно увидел меня.

– Я вспомнил, – просипел Соловей, и я наклонился к его рту, чтоб лучше слышать. – Кони таки были в Иерусалиме, и балагулы сидели на телегах.

ЖИЗНЬ ЯНУША КОРЧАКА

Àëàëíàí àð Êððéíà

В ближайшие дни издательский дом «Муравей-Гайд» выпускает в свет книгу современного израильского ученого, литератора и педагога Менахема Ререга «Корчак в Израиле: Правдивые истории, которых не было и не могло быть».

...Êíð-àé ì ðááíð-ààð ìáéííééì ìððáííééíì. Ìí ááçáá áúé ÷óæéì,

é ááçáá é íáì ó íòíííééèííéáé

é áííðíéííì ó ááæáíéý ÷óæáéá

Ìíéýéé... íáí íáéé ì ðííðéòúáí ó

ááí ááðáéíéíáí ì ðíéíííáááíéý.

Ì ááííéì éééðíáí í úá ááðáé ì-éòáéé

ááí ìíéúíééì ìéíðáéáí... Êááúð...

íí íòðáéééááé òáí, ÷òí ðáááíéá

ì ðíáéáí ðáááí éà í á ííýçúááé ì áí ðáííé

çà èçì áí áí èá íáíáíòááí í íáí òòòý.

Äëý èííííááòíòá íí áúè èááíí,

íí-òè áíèüòááèèíí.

Èáòüí í áááðèè,

áèèçèèè äððáè ìòòááí èè Èíð-áèá

Читателю предстоит познакомиться с довольно необычной книгой о Януше Корчаке (1878–1942). Это не научное исследование, но и не обычный художественный вымысел, оторванный от реальных фактов жизни героя. Небольшая книга М. Регева в известной мере соединяет в себе элемент художественной фантастики и черты документально-исторического рассказа о незаурядной личности, которая в произведении живет так, как должна или могла бы жить в реальной жизни, если бы... То есть, это книга о том, что в принципе могло бы быть, поэтому истории Регева «правдивые». Однако трагический и великий конец жизни Корчака известен всем, поэтому этих историй «не было и не могло быть»: талантливый педагог погиб в 1942 году, а государство Израиль было провозглашено только в 1948-м...

Сознательно мученическая смерть Корчака, ставшая трагическим, но героическим концом всей его жизни, отданной детям, память о нем, высоко чтимы во всем цивилизованном мире. В ряде стран существуют общества памяти Корчака и организации, исследующие и пропагандирующие его педагогический опыт. О польско-еврейском педагоге и враче написаны сотни статей и десятки книг, но работа Регева, как, кстати, и некоторые другие, вышедшие за несколько лет до нее, показывает, что многие педагогические идеи, сама теория, составляющая суть поэтической педагогики Корчака, во многом связаны с еврейскими морально-этическими традициями и представляют, по сути, их вариацию.

Разумеется, последнее положение ни в коей мере не умаляет значение вклада польско-еврейского педагога и воспитателя в общемировую духовно-культурную сокровищницу. Научно-педагогическое наследие Корчака – достояние международной педагогической науки, путь к сердцу любого ребенка, живущего на любом континенте и говорящего на любом языке.

В Советском Союзе и России литературно-педагогическое наследие Корчака представлено достаточно широко. Уже в 1922 году на русском языке была опубликована повесть «Интернат» – одна из четырех, составивших книгу «Как любить ребенка» (Варшава, 1920). Интересно, что предисловие к этому изданию написала Н.К. Крупская. В 1964 году издательство «Детская литература» выпустило книгу Корчака «Когда я снова стану маленьким». Активно издаются у нас труды этого писателя и педагога и в последние годы. Так, в 1979 году вышел том «Избранные педагогические произведения», затем читатели получили еще две книги: Я. Корчак «Из педагогического наследия» (Москва, 1991) и роман для детей «Маленький бизнесмен» (Москва, 1992). Совсем недавно, в 2000 году, в Москве вышла в свет, к сожалению, очень небольшим тиражом – одна тысяча экземпляров, – книга швейцарского педагога и психолога Жерара Кана «Педагогика Януша Корчака и еврейское воспитание», переведенная с немецкого языка.

Чем же оригинальна книга М. Регева? Автор рассматривает личность Корчака на фоне израильской реальности, в конкретном израильском окружении, то есть в

присутствии тех факторов, о которых сам педагог и воспитатель размышлял на протяжении всей сознательной жизни. Для Регева, еврея и израильтянина, важна, прежде всего, еврейская морально-этическая сущность Корчака, его духовная близость к Израилю. Не случайно автор приводит своего героя в еврейское государство, где и показывает его читателю с разных сторон. Для Регева близок, дорог и важен Корчак-еврей, сын еврейского народа, глубоко в душе лелеявший надежду на возвращение на историческую родину. Это и состоялось в его второй жизни – в рассказах Регева.

* * *

Поскольку в книге мы встречаемся с Корчаком – уже взрослым человеком, не раз упоминающим о своей прежней жизни, представляется целесообразным в самых общих чертах напомнить читателю основные вехи его жизни и творчества, его путь становления как ученого, педагога и литератора.

Отец будущего врача, педагога и писателя, Юзеф Гольдшмит (1844–1896), ассимилированный еврей, выпускник Варшавского университета, был известным адвокатом, а также литератором и издателем. Ю. Гольдшмит женился на Цецилии Гембицкой (1857–1920), также происходившей из семьи польских евреев, и у них родилось двое детей: Генрик (1878) и Анна (1875). Позднее Юзефа Гольдшмита поразил душевный недуг, он был вынужден оставить работу и не смог содержать семью.

Семья Гольдшмитов была состоятельной. Они жили в Варшаве в просторном доме, держали прислугу. Первый биограф Корчака Ханна Морткович-Ольчакова пишет: «Детство, атмосфера в доме, воспитание несли на себе печать польской культуры и польских обычаев»^[1].

Генрик учился в русской гимназии, но с годами стал отождествлять себя со всем польским. Позднее он вступил в Варшавское благотворительное общество, проводившее деятельность по сохранению польской культуры посредством сети образовательных учреждений. Однако уже в возрасте пяти лет (!) мальчик впервые почувствовал определенный душевно-психический дискомфорт, связанный с национальностью. В «Дневнике» Корчака читаем: «...Сын домашнего сторожа заявил, что птица (канарейка Генрика. – А.К.) была еврейкой. И я. Я тоже еврей, а он поляк, католик»^[2].

И все же в детстве и юности Корчака еврейское начало не было доминирующим. Личность будущего гуманиста формировалась главным образом под влиянием польской действительности. Но сам литератор в своих произведениях практически ничего не сообщает об этом.

Вместе с тем в отношении Корчака к сионизму и Израилю как национально-историческому и духовному центру жизни еврейского народа с годами наблюдается очевидная содержательная динамика. Как и его родители, выросший в ассимилированной семье молодой Генрик Гольдшмит ощущал себя скорее поляком, чем евреем. Имеются свидетельства, что тогда его отношение к еврейско-национальной и политической сионистской деятельности было отрицательным. Один из его знакомых по университету студентов вспоминал: «Мы... коснулись еврейских проблем в университете и в мире.

Слова Гольдшмита были полны ядовитой насмешки... таков был стиль, принятый среди молодых людей из состоятельных ассимилированных семей»^[3].

Однако после смерти матери в 1920 году он обращается к еврейской религии, а несколько позднее – и к сионизму. Публицист начинает сотрудничать в еврейских изданиях, выступает в поддержку евреев Палестины. Так, в 1925 году Корчак был одним из девяти евреев, подписавших обращение к трудящейся еврейской интеллигенции Польши, в котором содержался призыв пожертвовать дневной заработок в Еврейский национальный фонд (Керен каемет ле-Израэль – фонд приобретения и освоения земли в Палестине для еврейского поселения. – А.К.). В обращении была, например, такая фраза: «Воззвание выражает нашу солидарность с братьями, строящими Страну евреев»^[4].

В 1934 и 1936 годах Корчак провел в общей сложности три месяца в Палестине, получив разнообразные впечатления для размышлений о будущем. С этими поездками связаны «Заметки об Эрец-Израэль» и «Письма в Эрец-Израэль», обращенные к друзьям и бывшим ученикам Корчака, эмигрировавшим в Палестину. Писатель и сам начинал склоняться к мысли об иммиграции. В одном из писем (к д-ру Лихтенштейну, 29.03.1937) Корчак писал, что решил «провести последние годы жизни в Эрец-Израэль. Вначале – в Иерусалиме; там буду учить иврит, чтобы через год перебраться в киббуц...» Однако этому не было суждено состояться. Корчак затягивал решение об отъезде, а будучи в Палестине туристом, чувствовал себя неуверенно и непривычно. Зато в Польше он активизирует свою публицистическую деятельность по еврейской тематике и всецело отдает себя служению еврейским детям.

Вернемся к молодому Корчаку.

В связи с болезнью отца в семье возникли материальные проблемы. После смерти адвоката Гольдшмита его сыну Генрику – студенту медицинского факультета Варшавского университета – пришлось заботиться о матери и сестре. Чтобы содержать семью, Генрик занимается репетиторством.

Длившаяся семь лет болезнь отца и его смерть оставили тяжелый след в душе впечатлительного молодого человека. Позднее, уже в зрелом возрасте он писал: «Я панически боялся психиатрической больницы, в которую поместили моего отца. Итак, я сын сумасшедшего...

Прошло уже более двух десятков лет, но эта мысль и по сей день порой меня мучит»^[5].

Именно в те годы Генрик Гольдшмит начал превращаться в Януша Корчака. Было это так. Одна из его первых литературных проб – пьеса «Каким путем?» – получила одобрение конкурсного жюри. По условиям конкурса его участники представляли свои произведения под вымышленными именами, и начинающий драматург выбрал себе псевдоним Янаш Корчак – по имени одного из персонажей польского писателя Игнацы Крашевского. Имя «Янаш» по ошибке было напечатано как «Януш». Генрик Гольдшмит смирился с опечаткой и сделал это имя своим постоянным литературным псевдонимом, превратившимся позднее в основные имя и фамилию.

В первые два десятилетия XX века Корчак часто бывал за границей. Он посетил Швейцарию, служил военным лекарем в русской армии в Маньчжурии, продолжал учебу в Берлине, Лондоне и Париже.

В 1912 году Корчак назначается директором сиротского приюта («Дом сирот»), в который набирали детей из беднейших еврейских семей. Позднее он также

начал работать и в приюте для польских детей-христиан «Наш дом», который находился в предместьях Варшавы.

Преподавание в Доме сирот велось на польском языке, так как Корчак считал, что «хороший польский язык есть тот связующий элемент, который способен соединить евреев и поляков»^[6]. Эта позиция директора приюта подвергалась резкой критике представителей еврейской общины. Некоторые даже говорили, что Домом сирот руководят слишком по-польски, и он превратился в «фабрику ассимиляции». Однако еврейские национально-религиозные принципы в этом детском доме не игнорировались: еда была кошерной, отмечались еврейские праздники. Корчак, не знавший иврита, поручал ведение церемоний кому-либо из воспитателей или специально приглашал для этого раввина. Помимо этого, воспитанникам Дома сирот преподавались как общеобразовательные предметы, так и иудаизм, иврит и идиш. По пятницам, после посещения синагоги устраивали субботний седер. Воспитатели следили за состоянием молитвенников и тфиллин. Позднее, уже в гетто, Корчак придавал большое значение еврейским праздникам. Он обязательно устраивал богослужения на праздники Рош а-Шона (Новый год) и Йом Кипур (Судный день), и сам вел службу.

Следует отметить, что Корчак так же уважительно относился и к религиозным чувствам детей из христианских семей. Так, он предлагал обустроить специальное помещение (часовню) для молитв в приюте «Наш дом». Вместе с тем, гуманист и человек широких либерально-демократических взглядов, понимавший иудаизм весьма своеобразно, Корчак не навязывал детям конкретную религию, полагая, что со временем они сами сделают выбор.

* * *

Одной из наиболее ярких сторон личности Корчака было его литературно-публицистическое творчество. Как уже упоминалось, литературная деятельность Корчака началась в последние годы XIX века. Первое его произведение «Дитя улицы» (1901), еще недостаточно зрелое с художественной точки зрения, не произвело особого впечатления на читателей. Гораздо больший успех выпал на долю второй книги начинающего литератора – «Дитя гостиной» (1904). В романе показан контраст между образом жизни буржуазного общества с его лицемерием, условностями и фальшью, с одной стороны, и нищетой, подавленностью и отчаянием обитателей сырых подвалов Старого города Варшавы – с другой. В 1907 году Корчак написал повесть «Школа жизни», в которой описал школу его мечты, где дети будут учиться не по сухой и статичной программе, а у самой жизни.

Впечатления и опыт работы с еврейскими и польскими детьми в летних загородных лагерях отражены в двух книгах Корчака – «Моськи, Йоськи и Срули» (1910; в русском переводе – «Лето в Михалувке») и «Юзьки, Яськи и Франки» (1912).

В 1922 году литератор написал необычное произведение – «Наедине с Г-сподом Б-гом. Молитвы тех, кто не молится». Этот своеобразный сборник молитв, по форме напоминавших известную еврейскую молитву «Шмоне эсре», автор создал под тяжелым впечатлением от смерти матери, которая заразилась тифом от него самого...

Тот же из русскоязычных читателей, кто заинтересуется художественным творчеством Корчака, которое, впрочем, неотделимо от Корчака-педагога, сможет прочитать повесть-сказку «Кайтусь – чародей» (Санкт-Петербург, 1992). Самой известной в России и не один раз издававшейся у нас большими тиражами является

ИЗ НАШЕЙ АВГУСТОВСКОЙ ПОЧТЫ

Депортация готовилась...

Взяться за перо меня заставила статья С. Мадиевского «Предстояла ли советским евреям депортация» (Лехаим, № 1 за 2001 год).

Я пишу как современник тех событий, которые теперь изучают историки. К весне 1953 года я уже был бывшим корреспондентом «Литературной газеты» по всей Прибалтике: сняли после публикации в «Правде» 25 февраля 1952 года статьи за подписью «Группа читателей» по поводу романа В. Лациса «К новому берегу». Об этой истории я расскажу в другой раз. За «Группой читателей» стояли Сталин, Молотов, Маленков, Берия, как было установлено еще 10-15 лет назад.

Однако вернемся к статье о депортации евреев. В декабре 1952 года мне позвонил друг нашей семьи Карл Мартынович Граудин – член ЦК компартии Латвии, начальник политотдела Прибалтийской железной дороги, бывший корреспондент «Правды» по Латвии в первые послевоенные годы.

– Миша, нет ли у тебя настроения погулять в Верманском парке? Рад буду тебя видеть, – сказал Карл.

Карл Граудин встретил меня на дорожке парка и начал:

– Мне необходимо тебе кое-что сказать... Вчера я провожал Бориса Полевого (Карл дружил с Полевым), и вот что он мне поведал... Ты только не волнуйся, Борис сказал, что готовится операция еще страшней, чем с народами Кавказа... Готовится депортация всех евреев на Дальний Восток.

– Это произойдет и в Латвии? – спросил я Карла.

– Везде, в том числе и в Латвии, – ответил он.

Карл любил выпить, и мы зашли в ресторан «Кавказ», где его хорошо знали.

– Что же делать? – спросил я друга.

– Ума не приложу, куда ехать... Будут снимать и в поездах, требовать паспорта, но тебе не нужен паспорт... Во всяком случае, надо быть готовым.

По словам Бориса Полевого (он работал в «Правде» и был близок к высшим партийным кругам), был создан штаб во главе с Сусловым, который и готовил эту операцию.

Зима проходила в тревоге и горьких раздумьях.

Карл Граудин почти каждый вечер звонил. Моя судьба осложнялась еще и тем, что я был заклеянным журналистом Михаилом Зориным. Зорин – мой литературный псевдоним, под этой фамилией я публиковался в «Литгазете» и других изданиях, а по паспорту я Симхович Михаил Израилевич. Моя семья – это жена, литератор, переводчица с идиша Шулькина Ида Захаровна, моя мать, женщина преклонного возраста, Фаня Моисеевна Симхович, сын Захар, школьник, старший брат – доктор-рентгенолог Залман Израилевич, старший научный сотрудник института травматологии в Риге, и младший брат Илья Израилевич – известный артист цирка, дрессировщик медведей (на афишах писали: Леонид Дубровский – первый еврейский укротитель медведей).

Я заказал телефонный разговор с младшим братом Ильей (он гастролировал в Саратове) и рассказал ему о наших опасениях. Дело в том, что Илья был женат на русской, кроме того он разъезжал по стране.

– В цирке нет антисемитизма, – сказал он. – Меня никто не тронет, – в этом он был убежден. – Я в цирке – Дубровский.

А у жены моей Иды брат Абрам Захарович был директором ремесленного училища, он участник войны, как и мы. Словом, вся наша большая семья жила в тревогах и волнениях.

События назревали грозно. 18 февраля 1953 года был арестован коммунист, член партийной организации Союза писателей Латвии профессор Макс Юрьевич Шау-Анин. Ему шел шестьдесят девятый год; полуслепой литератор, в годы буржуазной Латвии он был большим другом Советского Союза, активно работал во время войны в Еврейском комитете защиты мира.

В Риге пошли аресты евреев. Примерно 20 февраля в Союзе писателей Латвии состоялось закрытое партийное собрание, на котором я присутствовал как член партии (вступил в компартию в 1942 году в армейской газете). Секретарь партбюро Карл Краульс сказал: «В нашей среде много лет маскировал свое лицо сиониста Шау-Анин. Теперь он разоблачен». Был снят с работы в ЦК партии Латвии друг нашей семьи главный редактор журнала «Блокнот агитатора» герой войны Исаак Соломонович Лившиц. Арестовали еврейского писателя Мовшу (Марка) Разумного. Арестовали участника гражданской войны в Испании и Второй мировой войны Бориса Клеймана...

Мы с женой каждую ночь ждали ареста. На нашей площадке жил прокурор города Риги Романовский. Его сынишка школьного возраста приходил играть с нашим сыном. Как-то он сказал: «Папа говорит, что в Риге будет много свободных квартир, потому что арестуют всех евреев...».

Я с волнением ждал приезда из Москвы Карла Мартыновича Граудина. В конце февраля он позвонил, и мы, как всегда, встретились в парке. Вот что рассказал Карл. Он принимал участие в совещании руководителей железных дорог страны и начальников политотделов дорог. Руководил совещанием М.А. Суслов. Присутствовал Г.М. Маленков, но не выступал: сидел угрюмый и молчаливый. Суслов сказал, что в ближайшее время в стране будет проведена серьезная акция, к которой нужно готовиться руководителям железных дорог в отдаленных районах страны. Речь шла о Сибири, Казахстане, Оренбурге, Забайкалье. Слово «евреи» не произносилось. Суслов сказал, что за акцией, ее подготовкой и проведением внимательно следит товарищ Сталин.

Карл Граудин пользовался большим уважением. Член ЦК партии Латвии, ученый, член-корреспондент Академии наук Латвии, журналист «Правды», блестяще владевший пером. На совещании он не выступал. Но после совещания его друг из партийных кругов Сибири сказал: «Речь идет о депортации евреев в наши сибирские края».

– Что с нами будет? – спросил я Карла.

– Ума не приложу... – повторял он.

Граудин рассказал, что он побывал в редакции «Правды», от которой в послевоенные годы был собкором в Латвии, и встретился с ее главным редактором Леонидом Ильичевым. Ильичев в разговоре касался предстоящей акции, но слово «евреи» тоже не произносил. Он заметил, что Латвия и особенно Литва – это «сионистские гнезда в Прибалтике». На прощание Ильичев подарил Граудину свою блестяще изданную монографию «Фридрих Энгельс».

Томительно шли дни февраля и марта. Директор Латгосиздата Петерис Баугис в один из таких дней рассказал нам, что был вызван в ЦК Латвии, где ему предложили уволить всех работников еврейской национальности и всем авторам-евреям вернуть рукописи.

Любопытно, что начальник политотдела Московской окружной дороги рассказал Граудину, что провели дезинфекцию в товарных вагонах огромного эшелона, в которых везли на Восток пленных немцев.

– Теперь эти эшелоны будут двигаться без остановок на Восток, за редким исключением для поездной прислуги, – сказал начальник политотдела.

В Москве Граудин, конечно же, встретился со своим другом Борисом Полевым (они в соавторстве написали небольшую книжицу). Борис Николаевич горестно заметил, что по Москве ходят слухи о депортации евреев.

И вдруг неожиданность – в первых числах марта болезнь и скоропостижная смерть Сталина!

31 марта я выехал в Москву. Пришел в редакцию «Литературной газеты». У всех членов редколлегии во главе с Симоновым, Рюриковым, Гулиа, Атаровым – перекошенные лица.

Я навестил семью Михаила Матусовского, с которым в Донбассе молодыми начинали литературную жизнь. Миша жил в районе Сивцева вражка. Они с женой Женей рассказали, что каждую ночь ждали «гостей».

– Смотри, мы готовились к печальному отъезду... – Они показали мне валенки, тулупы, теплые вещи, мешки для постели...

Миша скорбно качал головой. Он – известный поэт, участник войны, получивший тяжелое ранение, большой друг Константина Симонова, написавший с ним поэму о революционном Луганске, член партии, жил в тревоге за свою семью, малолетних дочурок, за свою жену, бывшую с ним на фронте.

– Мы перезванивались каждую ночь с Алигер, Долматовским, Казакевичем, Гроссманом...

Казакевич – этот бесстрашный человек, боевой разведчик, любимец армии, автор военных книг, лауреат Сталинской премии, сказал Матусовскому: «Я им не дамся...». Что он имел в виду, говоря это, трудно сказать.

В ту пору дружбой с Казакевичем гордились многие писатели. Это можно судить по записям Твардовского, Юрия Олеси, упомянувшего его в книге «Ни дня без строчки...». Матусовский говорил мне, что Казакевич поделился своими тревогами с Олешей. Юрий Карлович – великий художник, затюканный в советское время как «исписавший себя писатель богемного типа», сказал: «Если это случится, я тоже еврей...».

Матусовский рассказывал, что Василий Семенович Гроссман, который в то время жил на Беговой улице, почти не спал ночами. Гроссман – летописец войны, особенно Сталинградской битвы, человек мужества и отваги, чьи статьи, написанные во время войны, перепечатывались в США, Англии, распространялись листовками, сказал Матусовскому: «Они не остановятся ни перед кем...». Гроссман был просто потрясен в те дни.

А Москва словно потеряла чувство времени. 4 апреля вечером я поехал к Сергею Островому. Сергей Островой – еврей, известный поэт. Едва я вошел в дом, он сказал:

– Только что сообщили – врачей освободили... Рюмина арестовали...

Когда я вернулся в Ригу, профессор Шау-Анин был освобожден, освобождены и другие евреи, широко известные в Латвии.

Вот какие воспоминания вызвала во мне статья С. Мадиевского «Предстояли ли советским евреям депортация».

Карл Мартынович Граудин говорил потом в нашем доме:

– Я вас очень жалел и не все рассказывал... Когда я был на совещании в Центральном комитете партии, начальник политотдела Московской окружной дороги сообщил мне, что вагоны, в которых возили пленных немцев, так промыли дезинфекцией, что пробыть в вагоне пять-десять минут опасно для здоровья – кружится голова, болят и слезятся глаза, душит кашель, начинается рвота. И в этих вагонах собирались везти евреев! Нам с Харьей (русская жена Граудина, – М.З.) было вас жаль до боли...

В 1953 году после ареста Берии я и моя семья жили в Москве, в писательском доме в Лаврушинском переулке, № 17, в квартире писательницы Валерии Герасимовой – первой жены Александра Фадеева. И Герасимова рассказала нам, что Саша, как она называла Фадеева, в один из февральских дней ей сказал, что «замышляется страшная акция против евреев...». Как известно, после развода с Фадеевым Валерия Герасимова вышла замуж за Бориса Левина – талантливого писателя, погибшего во время финской войны. У нее остался ребенок, рожденный уже после гибели Левина, – девочка Анечка.

– А в нашем доме, – говорила Валерия Анатольевна, – столько писателей-евреев – Кирсанов, Каверин, семья Михаила Голодного, поэт Юрий Левитанский, Кирилл Левин... Даже Миша Светлов готовился к худшему.

И еще одно доказательство, что такая акция готовилась. Граудин рассказал, что он как начальник политотдела Прибалтийской железной дороги (то есть Латвии, Литвы и Эстонии) получил письмо из Центрального Комитета партии Советского Союза: по линии политуправления Министерства путей сообщения подготовить список лиц не коренной национальности – инженеров, техников, руководителей различных отраслей дороги, их домашние адреса, номера телефонов. Насчет «лиц некоренной национальности» – это была маскировка. Более того, из Москвы приезжали сотрудники аппарата ЦК и политуправления, перечитали этот список и взяли с собой. Один из них даже заметил Граудину: «У вас на дороге все руководящие посты занимают не национальные кадры, а евреи...»

Сегодня в Москве, если она не уехала, должна проживать дочь Карла Мартыновича – Людмила Карловна Граудина, доктор филологических наук. Она знает о нашей дружбе с ее славным отцом. Живет там и семья Михаила Матусовского – Инна, Евгения. Живет дочь Валерии Герасимовой – Аня Шаргунова, которую мы знали ребенком.

Как сказал мне Вениамин Александрович Каверин (мы были связаны двадцатилетней дружбой): «Только смерть палача спасла евреев еще от одной трагедии».

Î èòàèè Çîðèí, Ðèñ

Уважаемая редакция!

Может быть, нет смысла напоминать, что Стена Плача в Иерусалиме – величайшая святыня для каждого еврея, где бы он ни проживал. Те, кто побывал у стены, испытали эмоциональное потрясение, получили неизгладимые впечатления на всю жизнь. Не забываем мы и о том, что возможность прикоснуться к священным камням была оплачена молодыми жизнями израильских солдат.

Еврейская литература – от средневековой до современной – насчитывает немало прекрасных произведений о Стене. И вот недавно увидело свет еще одно, с позволения сказать, «произведение».

Беру в руки увесистый том из серии «Антология российской сатиры». Столь плодовитый автор, как Виктор Шендерович, удостоился титула российского сатирика №1, потеснив мэтра Жванецкого. Признаюсь, все творения просмотрел мельком, так как мне не понравился их заборно-сортирный язык. Но рассказ «Стена» я прочел внимательно. Каким же цинизмом, какой бездуховностью должен отличаться человек, чтобы так глумиться над нашей святыней!

По-видимому, рассказ автобиографичен. Его герой, турист из России, приходит к Стене Плача. Что он испытывает при этом? Желание прополоскать рот. «А зачем я сюда пришел?» – спрашивает он себя. Его мысли прерывают люди, которые насильственно надевают на него тфилин и принуждают вслед за ними произнести благословение и молитву (этот обряд описан настолько живописно, что у несведущего читателя возникает аналогия с ужасной средневековой пыткой). Затем с туриста взимают плату. Преднамеренная ложь!.. Шендерович также не пожалел ярких сатирических

красок, чтобы описать древнюю традицию – обращение с сокровенной просьбой к Всевышнему.

Еще пример. В израильском журнале «Окна» помещена статья С. Подражанского «Иудаизм без прикрас» (перепечатана впоследствии украинской газетой «Еврейский обозреватель»), в которой идет речь об одноименной книге. Ее автор, Трофим Кичко, хорошо потрудился, чтобы оплевать религию еврейского народа. Однако он несколько перестарался. И удивительное дело: даже в 60-е годы, когда разгорался государственный антисемитизм, а тотальное наступление на религию было в полном разгаре, – даже тогда книга была признана вредной, изъята из продажи и из всех библиотек. Теперь другие времена. Книгу не изымешь, не запретишь. Но проглотить молча такое оскорбление нельзя.

Очень жаль, что не существует закона, позволяющего еврея отлучить от его народа. Но есть возможность навсегда закрыть для таких людей границу Израиля. А в России – двери еврейской общины.

Ἐὶ τὸ ὄψα, Ἄϊ ἄϊε

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ АВГУСТА

1 АВГУСТА

20 лет со дня смерти драматурга и сценариста, автора сценариев фильмов «Марти» (премия «Оскар», премия Мкф в Канне за лучший сценарий 1955 года), «Холостяцкая вечеринка», «В полночь», «Больница» (премия «Оскар» за лучший сценарий 1971 года), «Телесеть» (премия «Оскар» за лучший сценарий 1976 года), «Другие ипостаси» и др. **Пэдди Чаевски** (наст. имя Сидней Аарон; 1923 – 1981, Нью-Йорк).

225 лет со дня гибели участника борьбы за независимость США, члена революционного конгресса Южной Каролины, первого еврея, погибшего в боях за независимость США, **Френсиса Сальвадора** (1747, Лондон – 1776, Южная Каролина).

2 АВГУСТА

5 лет со дня смерти общественного и политического деятеля, министра юстиции, финансов, иностранных дел, обороны и премьер-министра Франции **Мишеля Дебре** (1912, Париж – 1996, Монлуи-сюр Луар, Франция).

110 лет со дня рождения филолога, академика АН СССР, члена Германской (ГДР), Датской, Британской, Баварской, Саксонской академий наук, профессора и заведующего кафедрой Ленинградского университета, исследователя проблем общего, германского и тюркского языкознания, диалектологии, заслуженного деятеля науки Узбекистана, критика, переводчика, автора трудов по

теории литературы, поэтики, стиховедению, фольклору, истории западной и русской литературы **Виктора Максимовича Жирмунского** (1891, Петербург – 1971, Ленинград).

3 АВГУСТА

105 лет со дня рождения военного деятеля, командарма 1-го ранга, командующего войсками ряда военных округов, члена РВС СССР **Ионы Эммануиловича Якира** (1896, Кишинев – 1937, расстрелян в Москве).

4 АВГУСТА

45 лет со дня смерти астронома, академика АН СССР, почетного члена Американской академии наук и искусств, организатора и директора Крымской астрофизической обсерватории, предложившего (совм. с О. Струве) метод определения скорости осевого вращения звезд и установившего быстрое вращение звезд ранних спектральных классов, измерившего их скорость и открывшего около 150 новых газовых туманностей, в том числе новый класс волокнистых туманностей, аномальное содержание изотопа ^{13}C в атмосфере звезд, исследовавшего двойные звезды, малые планеты и др, определившего (совм. с В.А. Альбицким) скорости по лучевому зрению 800 звезд и составившего их каталог, открывшего новую комету (совм. с Ж. Комас-Сола) и несколько десятков спектрально-двойных звезд, опубликовавшего (совм. с В.Ф. Гаазе) «Атлас диффузных газовых туманностей», лауреата Государственной премии СССР **Григория Абрамовича Шайна** (1892, Одесса – 1956, с.Абрамцево Московской обл.).

6 АВГУСТА

25 лет со дня смерти музыканта, виолончелиста, педагога, солиста оркестра Большого театра в Москве, профессора Музыкального института Кёртис в Филадельфии, Бостонского и Южно-Калифорнийского университетов, автора

транскрипций для виолончели **Грегора (Григория Павловича) Пятигорского** (1903, Екатеринослав – 1976, Лос-Анджелес).

60 лет со дня смерти актера, педагога, режиссера, народного артиста СССР, доктора искусствоведения, профессора ГИТИСа, сыгравшего роли Лопухина в «Вишневом саде», Дмитрия Карамазова в «Братьях Карамазовых», Плюшкина в «Мертвых душах» и др., снявшегося в фильмах «Крылья холопа», «Его превосходительство», «Гобсек» и др., **Леонида Мироновича Леонидова** (наст. фам. Вольфензон; 1873, Одесса – 1941, Москва).

8 АВГУСТА

25 лет со дня смерти музыканта, джазового трубача, композитора, руководителя Государственного джаз-оркестра БССР, основателя эстрадного оркестра России, автора джазовых композиций, танго, песен, вальсов **Эдди (Адольфа) Рознера** (1910 – 1976, Берлин).

10 АВГУСТА

130 лет со дня рождения музыканта, композитора, дирижера певческого союза Штерна и руководителя Общества любителей музыки в Берлине, а также «Новых концертов», первого иностранного дирижера, приехавшего в Советскую Россию (в 1921 году), первого исполнителя некоторых сочинений Ф. Бузони, И.Ф. Стравинского, А. Шенберга, симфонии А.Н. Скрябина, автора оркестровых, хоровых, вокально-инструментальных произведений и песен, руководителя оркестра Радиокомитета **Оскара Фрида** (1871, Берлин – 1941, Москва).

11 АВГУСТА

75 лет со дня рождения кристаллографа, специалиста в области молекулярной биологии, члена Лондонского королевского общества и почетного члена Американской академии наук и искусств, профессора Кембриджского университета, автора работ по рентгеноструктурному анализу и электронной микроскопии нуклеиновых кислот и нуклеопротеидов (вирус табачной мозаики, хроматин, транспортная РНК), лауреата Нобелевской премии по химии 1982 года **Аарона Клуга** (р. 1926, Желвас, Литва).

60 лет со дня рождения общественного и политического деятеля, самой молодой женщины, когда-либо избранной в конгресс США, **Элизабет Хольцман** (р. 1941, Нью-Йорк).

15 АВГУСТА

50 лет со дня смерти пианиста, композитора и педагога, профессора Высшей музыкальной школы в Берлине **Артура Шнабеля** (1882, Липник, Австрия – 1951, Аксенштейн, Австрия).

105 лет со дня рождения биохимика, исследовавшей обмен углеводов у животных и ферменты, связанные с ним, описавшей (совм. с мужем Карлом Фердинандом) процесс ресинтеза гликогена из молочной кислоты, выделившей глюкозо-1-фосфат и установившей его роль в обмене углеводов, лауреата (совм. с мужем) Нобелевской премии по медицине 1947 года **Герти Терезы Кори** (1896, Прага – 1957, Сент-Луис, США).

20 АВГУСТА

55 лет со дня рождения министра-делегата по делам бюджета в министерстве экономики и финансов, министра промышленности и научных исследований, премьер-министра (самого молодого в истории Франции), председателя Национального собрания и первого секретаря социалистической партии Франции **Лорана Фабиуса** (р. 1946, Париж).

21 АВГУСТА

10 лет со дня гибели Героя Советского Союза, погибшего в дни путча 1991 года в Москве, **Ильи Маратовича Кричевского** (1963 – 1991, Москва).

22 АВГУСТА

110 лет со дня рождения скульптора, одного из основоположников кубизма и абстракционизма, автора работ «Матрос с гитарой», «прозрачных» композиций с зияющими пустотами в форме, монументальных произведений на мифологические и библейские сюжеты «Геракл», «Давид и Голиаф», «Прометей», «Похищение Европы», «Песнь песней» и др., композиций памяти жертв Катастрофы «Мать и дитя», «Молитва», «Скиталец», портретов Г. Стайна, Ж. Кокто, Р. Редиге и др., памятника Дж.Ф. Кеннеди и многих других работ, кавалера ордена Почетного легиона Франции **Жака Липшица** (наст. имя Хаим-Яков; 1891, Друскининки Гродненского уезда и губ. – 1973, Капри, Италия).

150 лет со дня рождения театрального антрепренера, управляющего театрами «Медисон-сквер», «Лицеум», владельца театра О. Дейли, совладельца кинокомпаний «Знаменитые актеры», президента Актерского фонда Америки **Даниела Фромана** (1851, Саидуски, США – 1940, Нью-Йорк).

23 АВГУСТА

80 лет со дня рождения экономиста, члена Американской национальной академии наук, Американской академии наук и искусств, Финской и Британской академий наук, профессора Гарвардского и Станфордского университетов, исследователя в области эконометрии, теории общего экономического равновесия, экономической теории благосостояния, теории управления, лауреата (совм. с Д. Хиксом) Нобелевской премии по экономике 1972 года **Кеннета Джозефа Эрроу** (р. 1921, Нью-Йорк).

24 АВГУСТА

90 лет со дня рождения спортсмена, 16-кратного чемпиона мира по настольному теннису **Дьёзо Виктора Барны** (1911, Будапешт – 1972, Лима, Перу).

25 АВГУСТА

65 лет со дня гибели политического деятеля, публициста, редактора газеты «Правда», председателя ВЦИК, члена политбюро ЦК ВКП(б), председателя Моссовета, председателя Совета труда и обороны, лидера «Новой оппозиции», наркома торговли СССР, директора Института В.И. Ленина, издательства «Akademia», Института мировой литературы АН СССР **Льва Борисовича Каменева** (наст. фамилия Розенфельд; 1883, Москва – 1936, расстрелян в московской тюрьме. В 1988 г. реабилитирован).

65 лет со дня гибели политического деятеля, члена политбюро ЦК ВКП(б), председателя Петроградского Совета, одного из главных инициаторов кампаний «красного террора», председателя Исполкома Коминтерна, ректора Казанского университета **Григория Евсеевича Зиновьева** (наст. имя, отчество и фамилия Иешуа-Герш Аронович Радомызсльский (1883, Елизаветград Херсонской губ. – 1936, расстрелян в московской тюрьме. В 1988 г. реабилитирован).

26 АВГУСТА

95 лет со дня рождения вирусолога, профессора университета Южной Каролины, создателя вакцины против полиомиелита, ставшей основным средством борьбы против этого заболевания, Альберта Сабина (1906, Белосток, Польша – 1993, Вашингтон, округ Колумбия).